

Республиканский научный центр по изучению традиционных
цивилизаций Центральной Азии МОН РК

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ
XVIII-XIX ВВ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Сборник научных статей

УДК 93/94
ББК 63.3
К 76

*Сборник выпущен за счет гранта государственной программы
«Народ в потоке истории» Республиканского научного центра
по изучению традиционных цивилизаций Центральной Азии МОН РК*

К 76 **Кочевые** народы Центральной Евразии XVIII-XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сборник научных статей / отв. ред. Г.С. Султангалиева. – Алматы: Казак университеті, 2015. – 293 с.

ISBN 978-601-04-1426-6

В сборнике представлены сравнительные исследования казахстанских и российских ученых по истории и культуре кочевых народов Центральной Евразии, в частности казахов, башкир, калмыков, тувинцев и др. в контексте политики Российской империи XVIII-XIX веков. Предпринят анализ истории изучения культуры кочевых народов через призму французских путешественников и научных обществ второй половины XIX в.

Рассчитан на ученых-историков, преподавателей, студентов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей кочевых народов Центральной Евразии.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-601-04-1426-6

© Султангалиева Г.С. и др., 2015
© КазНУ им. аль-Фараби, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Территория Центральной Евразии представляется нам как наиболее широкая возможность для проведения системных и сравнительных исследований исторических процессов не только Центральной Азии, но и регионов Прикаспия, Поволжья, Приуралья и Южной Сибири, объединенных общностью исторической судьбы в связи с природно-климатическими особенностями, создавшими предпосылки для кочевой цивилизации.

Проведение сравнительно-исторического анализа социально-политического положения кочевых народов Российской империи (башкир, калмыков, казахов, тувинцев, туркмен, ногайцев и др.), их исторического взаимодействия в контексте политики российской власти позволит выявить общее и особенное в развитии правовых, государственных, управленческих форм, принципов и механизмов имперского управления по отношению к ним и социально-культурные изменения, происходившие в структуре кочевых обществ Центральной Евразии на протяжении XVIII – начало XX в. Данный подход позволит раскрыть синхронность и асинхронность действий и методов центральных и местных российских властей по отношению к кочевым народам Центральной Евразии и вносит определенный вклад в периодизацию имперского строительства, региональной идентификации и социальной стратификации кочевых народов в процессе их адаптации к новым историческим реалиям.

Постановка проблемы в этом ракурсе содействует пониманию места и роли Центральной Евразии в геополитическом пространстве мировой системы отношений, может способствовать активизации исследовательской работы по сравнительному изучению особенностей политического, социально-экономического развития кочевых обществ Центральной Евразии в Российской

империи, поиску новых исторических документов, осмыслению и уточнению опубликованных исторических материалов.

Отправным пунктом при формировании данного сборника стал тот факт, что в исторической науке преобладают пока работы посвященные исследованию развития кочевых народов отдельных регионов (Южного Урала, Северного Кавказа, Сибири, Центральной Азии), но отсутствуют синтезированные работы, раскрывающие методы управления кочевыми народами (калмыками, казахами, башкирами, кыргызами, ногайцами и др.) через призму эволюции политики и степени интеграции кочевых обществ в единое пространство Российской империи и установления социальной, административной и правовой однородности. В соответствии с этим были приглашены исследователи национальных республик постсоветского пространства, занимающиеся вопросами заявленной темой сборника.

В первом разделе «История изучения кочевых народов Центральной Евразии» башкирские исследователи Р. Галлямов, И. Кучумов, Л. Сахибгареева предприняли попытку дать системный историографический анализ трудов французских исследователей XVIII–XX вв. на традиционный образ жизни и культуру башкир, хозяйственно-культурный тип которых отличался от финно-угорских (мордва, мари, удмурты) и тюркских (казанские татары, мишари, чуваша) народов Волго-Уральского региона. Отличия в первую очередь заключались в кочевом и полукочевом скотоводстве, которое вели башкиры. Достоинством этой статьи стала и попытка авторов провести сравнительный анализ образа Башкирии и ее населения во французской и российской историографии XVIII–XX вв.

Процесс изучения истории кочевых народов Центральной Евразии в таких научных обществах как Оренбургская ученая архивная комиссия, Оренбургский отдел Русского географического общества осветили казахстанские исследователи С. Удербаетов и Ж. Бегимбаев. Ими показан процесс создания действительными членами региональных научных обществ определенного «знания» о кочевых народах Российской империи, в частности казахов, башкир, туркмен. Продолжением этой темы стало исследование А.М. Смагуловой, посвященное анализу того, как рождался и трансформировался в научных текстах XVIII–XIX вв. взгляд на географическую карту регионов Российской империи, в частно-

сти Юго-западного Алтая, описание которого могло влиять на политику российской власти, изменения ее решений на том или ином историческом этапе.

Второй раздел «Кочевые народы Центральной Евразии: трансформация традиционных обществ» включает исследования, раскрывающие роль российского фактора в эволюции традиционного общества кочевых народов, в частности тувинцев (Ч.К. Ламажаа), башкир (Б.А. Азнабаев, Ф.Ф. Шаяхметов), изменений в хозяйственно-культурном типе калмыков (С.В. Джунджужов) и казахов (Ж.М. Джампеисова).

Большой блок вопросов связан с изучением процесса интеграции кочевых обществ в единую административно-политическую систему Российской империи и влияние ее на их социально-экономическое и культурное развитие. Этот вопрос отражен в третьем разделе «Адаптация кочевых обществ Центральной Евразии к административной системе Российской империи». Открывает раздел статья астраханского историка И. Торопицына, посвященная исследованию роли юртовских татар в политико-административной системе взаимоотношений России с калмыками в XVII–XVIII вв. Продолжением изучения проблемы включения калмыков в административно-политическую систему Российской империи в XVIII веке стала статья Ж.Б. Кундакбаевой. Ею представлены методы и этапы политики российской власти от военно-административного надзора за традиционными институтами власти калмыков к замене их имперской бюрократической системой.

Административной политике Российской империи в Казахской степи в первой половине XIX в. посвящены статьи российских и казахстанских историков С. Любичанковского, Д. Васильева, Г. Султангалиевой, Т. Далаевой. Все эти исследования представляют системный материал по формированию административной политики российской власти в Степи с последней четверти XVIII в. до первой половины XIX в. Оренбургский историк С. Любичанковский на основе документального материала представил контент анализ протоколов Государственного совета за 1787-1790 гг., основанных на донесениях симбирского и уфимского генерал-губернатора О. Игельстрема (1784-1790), инициировавшего первую попытку российской власти реорганизовать управление казахами Младшего жуза.

Московский историк А. Васильев продолжил тематику исследования, представив анализ политики региональной власти от реформ О.А. Игельстрома до М.М. Сперанского. Определенную лепту в изучение административной политики российской власти внесла Г. Султангалиева, представив малоисследованный в исторической науке вопрос о роли института приставства на переходном этапе процесса интеграции кочевых обществ (калмыков, казахов, карачаевцев, ногайцев и др.) Российской империи в единое политическое пространство. Ею предложена структура рассмотрения данного института от назначения пристава при хане Младшего жуза до создания территориально-административной единицы, в частности Приставство по управлению Большой Ордой, Мангышлакское и Зайсанское приставство. Логическим завершением данного раздела стала статья Т. Далаевой, посвященная процессу создания внутренних и внешних округов на территории казахов Среднего жуза на протяжении более сорока лет (1822-1868), определение особенностей этапов введения окружной системы.

Надеемся, что данный сборник станет импульсом к проведению новых сравнительных исследований модели взаимодействия российской власти с кочевниками евразийских степей, определению общего и особенного в разрушении традиционной структуры кочевых обществ и адаптации их социальных институтов к политической культуре Российской империи.

Султангалиева Гульмира

1 ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

*Рушан Галлямов, Игорь Кучумов,
Лилия Сахибгареева*

Башкиры в составе Российской империи в трудах французских исследователей XVIII–XX вв.

Из всей группы кочевых и полукочевых народов Центральной Евразии, в разное время вошедших в состав Российской империи, башкиры как один из тюркских этносов, сформировавшихся на территории Южного Урала, обладали целым комплексом особенностей, который во многом способствовал их специфическому хозяйственному, общественно-политическому и этнокультурному развитию. Все это обуславливалось воздействием следующих факторов.

Во-первых, башкирские роды, не сформировавшиеся еще тогда в единую народность, были одной из первых (наряду с татарами и чувашами) крупных тюркских этнических групп, вошедших в середине XVI – начале XVII в. в состав Русского государства и во многом содействовавших превращению его в многонациональное российское образование. Хотя, в отличие от татар, они вошли в состав России преимущественно на добровольной основе.

Во-вторых, в силу своего территориального расселения (по восточной границе Заволжья и в Прикамье на западе, а на востоке – по Верхнему Уралу и Южному Приуралью), земли вошедших затем в состав башкирской народности родоплеменных групп стали в XVI–XIX вв. своеобразным форпостом движения Российской империи «встречь солнцу». На протяжении почти трехсот лет именно территория современной Башкирии выступала геостратегическим плацдармом для дальнейшего присоединения к империи земель Центральной Азии.

В-третьих, одновременно территория современной Башкирии по тем или иным причинам стала для царского правительства своеобразным полигоном по апробации самых различных форм управления нерусскими народами, постепенно входившими в состав империи. Именно поэтому в данном регионе были осуществлены на практике не только основные модели имперского управления, начиная со времени Ивана Грозного и заканчивая эпохой Александра III, но и реализованы эксклюзивные способы вовлечения «иностранцев» в орбиту имперской власти (например, кантонная система управления 1798–1865 гг.).

В-четвертых, близость «башкирских земель» к географическому центру империи и политика их интенсивного заселения другими (небашкирскими) этническими группами, а также масштабное промышленное освоение края на протяжении трех столетий привели к тому, что регион первоначального расселения башкирских родов стал одним из самых полиэтнических анклавов в составе России. Это не могло не оказать существенного влияния на эволюцию хозяйственного и культурного развития башкирской народности.

В-пятых, территория современной Башкирии одновременно стала и своеобразной лабораторией по проведению царской администрацией эксперимента по переводу кочевых и полукочевых башкир к оседлым формам хозяйствования и расселения. Проходя с переменным успехом, зачастую с применением насильственных методов, эти мероприятия приводили порой к противоречивым результатам.

Нам представляется, что именно в силу вышеназванных причин, а также из-за своего географического расположения башкиры как один из аборигенных этносов данного края привлекали большое внимание европейских и российских исследователей еще со времен зарождения антропологии (этнографии) в ее ведущих мировых центрах. С проникновением европейской науки в Россию и началом многочисленных экспедиций в азиатскую часть страны башкиры изучались специалистами той эпохи как отечественного (И.И. Лепехин, П.И. Рычков, В.Н. Татищев и др.), так и зарубежного (Г.Ф. Миллер, П.П. Паллас, И. Георги, И. Фальк и др.) происхождения, а также – собственно иностранцами. Именно к последней группе исследователей, внесших большой вклад в антропологическое изучение башкир, относятся практически все

французские авторы, творчеству которых посвящена настоящая работа. Но прежде чем перейти к непосредственному анализу описания башкир французами, необходимо отметить, что этот достаточно богатый и глубокий пласт научного наследия до самого последнего времени практически не использовался отечественными авторами в своих работах. Парадоксально, но даже в публикациях ведущих отечественных башкироведов (Р.Г. Кузеев, Р.З. Янгузин, Б.Х. Юлдашбаев и др.) ссылки на французских авторов (в отличие от других зарубежных исследователей) отсутствуют. К сожалению, эта негативная тенденция игнорирования достижений французской антропологии в изучении башкир сохранялась до самого последнего времени и была прервана усилиями группы авторов, которые недавно издали ряд комментированных переводов отдельных представителей французского башкироведения.

Между тем о колоссальном влиянии французской исторической науки на всемирную историографию хорошо известно еще с конца XVII в. Необходимо учитывать, что французская наука – явление глобальное, она оказала огромное влияние на развитие не только антропологической и обществоведческой мысли, но и на принципы научного мышления в целом¹. Наука во Франции имеет одну из самых давних традиций в мире, а сама Французская академия наук была создана еще в 1666 г. королем Людовиком XIV. В дальнейшем, в период подготовки и осуществления Великой Французской буржуазной революции, как это общепризнано, именно французская научная мысль вышла на самые передовые мировые рубежи. Это вывод, несомненно, относится и к антропологическим исследованиям, башкироведческое направление которых было незаслуженно забыто в России. В связи с этим необходимо заметить, что французы (и не только академические авторы) уже с конца XVIII в. исследовали регион, который для них и тогда, и сегодня все еще находится на далекой периферии научных интересов. Как же французская гуманитарная мысль XVIII–XX вв. представляла себе Башкортостан и башкир?

Основная цель настоящей работы заключается в системном анализе зарождения, эволюции и современного состояния научного исследования башкир во французском обществознании, начиная с XVIII в. и заканчивая началом XXI в.

---

¹ См. интересные размышления об особенностях и потенциале французской историографии: Уваров П. Между «ежами» и «лисами». – М., 2015.

Исследовательские задачи, исходящие из сформулированной авторами цели, заключаются в следующем: 1) определить основные причины возникновения и развития интереса французских исследователей к изучению башкир; 2) установить круг исследователей и их работ по заявленной теме; 3) выявить и обосновать, исходя из принципов диахронного анализа, хронологические этапы французского башкироведения; 4) обозначить подходы и аргументацию французских авторов к дискуссионным проблемам антропологии и истории башкир в компаративном сравнении с отечественной традицией; 5) наметить перспективные направления дальнейшего развития французского башкироведения.

Как показывает проведенный нами анализ, изучение французами башкир не было последовательным и непрерывным, оно сопровождалось как подъемами, так и спадами интереса французской научной общественности к данной тематике, а также трудностями политического характера, препятствовавшими этим занятиям. Во французской историографии башкир можно выделить три основных хронологических периода. На первом этапе, охватывающем XVIII – середину XIX в., французские авторы, описывавшие башкир, подразделялись на две группы. С одной стороны, это академические исследователи, подготовившие фундаментальные труды, которые оказали длительное воздействие на европейские представления о башкирах как этносе и тем самым на долгие годы сформировали традицию этнографического изучения этого народа на Западе. Конечно, по вполне допустимым тогда нормам научного анализа французские академические авторы опирались на опубликованные работы полевых исследователей как западного, так и российского происхождения. Но эти описания не были прямой компиляцией, а являлись примером качественного компаративного анализа различных источников, в том числе и описаний непосредственных свидетелей, далеких от науки.

С другой стороны, особенностью раннего этапа французского башкироведения было то, что оно в значительной степени состояло из мемуарных описаний башкир участниками наполеоновских войн, столкнувшимися с этими выходцами из азиатских степей на полях сражений или после оккупации Франции союзными войсками, а также находившимися в плену на территории Южного Урала. Нельзя не отметить, и это будет показано нами

ниже, что свидетельские описания башкир этой группой авторов отличалось большой субъективностью и эмоциональностью оценок, как позитивного, так и негативного характера.

На втором этапе, с середины XIX по начало XX в., французские исследователи проводили уже полевые этнографические и антропологические изыскания среди башкир, опираясь на довольно высокие методологические и методические достижения европейской науки Нового времени. Нельзя не подчеркнуть, например, что одну из первых фундаментальных работ по социологическому описанию башкир подготовил еще в начале 1850-х гг. один из первых европейских социологов Ф. Лепле, который творил одновременно с основоположником мировой социологии и его соотечественником О. Контом. В этом смысле мы можем взять на себя смелость признать Ф. Лепле родоначальником современной этносоциологии не только башкир, но и всего этого широкого научного направления. Одновременно несколько научно аргументированных идей именно французских авторов этого периода (например, Ш.Э. Уйфальви) легли в основу ранних научных теорий этногенеза башкирского народа. Нам представляется, что столь плодотворное исследование французами башкир во второй половине XIX – начале XX в. основывалось в значительной степени на сближении Французской республики и Российской империи, начавшемся в эпоху правления Александра III и завершившемся Октябрьской революцией и последовавшей затем гражданской войной в России.

После этого на долгие годы возможность непосредственного наблюдения жизни башкир для французских ученых была утрачена. Недоступными стали для них архивы и возможность полевых исследований, без которых этнография не мыслима. Но и тогда интерес к башкирской истории во Франции не прекращался, а исследователи сосредоточились на анализе имевшихся в их распоряжении дореволюционных и советских публикаций. Таким образом, сформировались предпосылки для третьего этапа французского башкироведения, когда довольно фундаментальные исследования по Башкортостану готовились исследователями, некоторые из которых имели возможность непосредственного изучения объекта своих изысканий в России.

На наш взгляд, четвертый, современный этап французского башкироведения начался в постсоветское время, когда исследователи вновь получили возможность непосредственного общения:

как с информаторами, так и с представителями академических кругов. Современные представления французских авторов о башкирах испытали влияние развернувшихся в постсоветскую эпоху среди российских исследователей острых научных дискуссий, а сами французские коллеги порой становились невольными участниками этих ожесточенных споров. Нам остается надеется на то, что начатые в последние годы в Башкортостане масштабные по объему и академические по содержанию публикации работ французских авторов будут способствовать дальнейшей интеграции российской науки в мировую.

Исходя из вышеизложенного, авторы настоящей статьи полагают, что наиболее продуктивным для рассмотрения французской историографии истории башкир является хронологический подход, дополненный тематическим анализом.

Этап первый: от кабинетных описаний до визуальных представлений

По нашему мнению, первой крупной французской работой об антропологии башкир стало исследование² П.-Ш. Левека (1736–1812) «Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire Russe» (Paris, 1812. Vol. 7–8) – «История различных народов, находящихся под властью русских» (первое изд. 1783) – историко-этнографические очерки, стоящие в одном ряду с пользовавшимися тогда огромной популярностью сочинениями И. Георги, П. Палласа, И.И. Лепехина. Структура книги очень близка известному сочинению И. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей», а содержание – знаменитым научным отчетам П.С. Палласа и И.И. Лепехина. Впрочем, П.-Ш. Левек, проживший несколько лет в Санкт-Петербурге и никогда не работавший в «поле», черпал свои сведения именно из их работ, а также из расспросов лиц, которые приезжали в столицу России из ее восточных областей. Книга П.-Ш. Левека пока еще не была у нас объектом историографического анализа и фактически выпала из истории мировой этнографии. Конечно, взгляд француза на традиционный образ жизни и культуру башкир во многом вторичен и компилятивен, но как характерный памятник

---

² Речь идет именно об исследовании, а не о впечатлениях разного рода путешественников об Урале, которые существовали во Франции и раньше.

французского ориентализма эпохи Просвещения он представляет большой интерес. Взяв за основу труд И. Георги, П.-Ш. Левек дополнил его как собственными размышлениями и оценками, так и отчасти сведениями, извлеченными из иной научной литературы. Однако «История различных народов, находящихся под властью русских» не является буквальным воспроизведением «Описания всех обитающих в Российском государстве народов...» И. Георги. П.-Ш. Левек на основе различных вариантов изданий последнего создал собственный текст, произвел разбивку всех описаний на тематические параграфы (именуемые им главами) и по-новому скомпоновал текст.

В соответствующем разделе «Истории различных народов, подчиненных русскому господству» автором не только даны яркие и имеющие определенную научную ценность описания образа жизни и культуры башкир XVIII столетия³, но и сформулированы выводы, к которым наука, в частности, российская, тогда еще не пришла. Например, автор достаточно прозорливо определил роль финно-угорского компонента в этногенезе башкирского народа, хотя и несколько преувеличив его значение и обосновав концепцию происхождения башкир как результат смешения тюркского (по терминологии того времени – «татарского») и финно-угорского (по терминологии того времени, мадьярского) населения. К подобному выводу современные российские ученые, обобщив самые разнообразные нарративные, археологические и этнографические материалы, пришли только во второй половине XX в., последовательно преодолев одностороннюю трактовку финно-угорской и тюркской «монотеорий». Одновременно П.-Ш. Левек сделал получивший признание только в последние десятилетия, под влиянием работ выдающегося российского этнографа Р.Г. Кузеева, вывод об участии в этногенезе башкир многих этнических групп Центральной Евразии и верно определил роль и направления миграций древнебашкирских племен на Урал с Алтая и Южной Сибири.

Автор создал обобщенный образ башкир, в чем проявилась тенденция нарождавшейся романтической историографии и беллет-

---

³ Перевод раздела о народах Южного Урала, в том числе о башкирах см.: Прото-
нания Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII–
начала XX в. / сост., науч. ред. и прим. И.В. Кучумов; пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой.
– СПб., 2015. – С. 15–45.

ристики конструировать этнические общности. Этот образ способствовал формированию представлений о башкирах в европейской культуре. На самом деле, конечно, все было гораздо сложнее – еще И.И. Лепехин указал на отличия локальных групп башкир, расселенных на большой территории. В целом очерк П.-Ш. Левека о башкирах напоминает справочную статью, похожую на тексты знаменитой французской «Энциклопедии», несомненно, повлиявшей на его творчество.

Как уже отмечалось выше, массовое знакомство французов с башкирами произошло в эпоху наполеоновских войн. От того времени во французской традиции сохранилось немало воспоминаний. Однако отечественный читатель пока располагает довольно ограниченным комплексом мемуарных сочинений французов (и вообще иностранцев) об их встречах с башкирами на полях сражений⁴. Их оценки башкир чрезвычайно различны: от резко негативных, до вполне благожелательных и даже восторженных.

На фоне мемуарной литературы выделяется фрагмент о башкирах из сочинения маркиза С. Бурге де Траване (1794–?), основанный на впечатлениях, которые французы получили от знакомства с этим народом в боях⁵. Книга С. Бурге де Траване – художественное произведение, едва ли не единственный во Франции опыт беллетристического описания башкир. В одной из глав его отражен эпизод конвоирования башкирами партии пленных французов летом 1813 г.⁶ в ходе заграничного похода русской армии.

Описания С. Бурге де Траване башкир довольно субъективны⁷ и представляют собой контаминацию негативного общения с ними как с победившей стороной и отражение уходящих в средневековые западноевропейских стереотипов об азиатских народах: «Новые конвоиры были не людьми, а разновидностью двуногих

---

⁴ Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: сб. док. и материалов / сост. Р.Н. Рахимов и др. – Уфа, 2012. – С. 28–29, 171–174; Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / сост. А.З. Асфандияров, Р.Н. Рахимов, Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа. 2012. – С. 169–172.

⁵ Travanet S. de. Un mystère sous l'Empire. – Paris: Simon, 1845. – Т. I. – Р. 179–211.

⁶ У автора речь идет о событиях накануне осады Дрездена, то есть произошедших до сентября 1813 г.

⁷ В частности, это касается описания различными французскими авторами костюма башкирских воинов. Кроме вербальных, имеются еще и визуальные описания башкир, участвовавших в войнах начала XIX в.: И Париж видали мы... / авт.-сост. Р.Н. Рахимов. – Уфа, 2012.

существ, называемых башкирами созданиями грубыми и неотесанными, занимающими промежуточное положение между человеком и обезьяной, которых Россия не боится демонстрировать униженной Европе. Эти животные с лицом человека, с гортанным голосом, совиными глазами, маленькой козлиной бородкой, носили шапку в форме сахарной головки и были одеты в волочащийся халат, покрывавший широкие на турецкий манер брюки; их дикий наряд дополнялся колчаном на плече и луком, подвешенным сбоку в широком кожаном футляре.

Однажды эти презренные башкиры осмелились выстроиться перед полком французских драгун и выпустить в него тучу стрел; этот новый вид оружия был встречен противником раскатистым хохотом. Французский полковник вставил саблю в ножны и приказал драгунам взять в руки дополнительные чехлы для сабель, которые были изготовлены из прочной кожи и предназначались для защиты металлических ножен от ударов о стремя; они зарядили этими чехлами пушку, выстрелили из нее и убили половину этих башкир как собак»⁸.

Аналогичные негативные воспоминания оставили и некоторые другие авторы (французы и немцы), сражавшиеся на стороне Наполеона⁹. В башкирской историографии такого рода публикации обычно произвольно купируются¹⁰, что мешает исследовать

---

⁸ Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX в. – С. 50–51.

⁹ Из мемуаров военнопленного французской армии лейтенанта С. Рюппеля // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. – С. 43–44 (перепечатано: Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912). – С. 113–114; И Париж видали мы... С. 11); Из воспоминаний французского военнопленного К. Циммермана о пребывании в плену в Оренбургской губернии // Там же. С. 363–472; Белэ О. де. Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. сост. Б.П. Миловидов. – СПб., 2012. – С. 267–297. См. также: Хомченко С.Н. Оренбургская губерния в мемуарах пленных военнослужащих Великой армии Наполеона // Уральский исторический вестник. 2012. – № 1 (34). – С. 54–63.

¹⁰ См., например: И Париж видали мы... С. 11; Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912). – С. 170.

В Башкортостане исторические источники всегда публикуются только после их предварительной тщательной «очистки» от «негативной» информации, в результате чего смысл документа иногда меняется на прямо противоположный. Так, в недавнем сборнике документов цитата из воспоминаний немецкого пастора Д. Бауке (1813 г.) приводится в следующем виде (купюры в квадратных скобках принадлежат публикаторам): «Казак и башкиры привлекли к себе особое внимание своим своеобразием. [...] Они превосходно владели луком, стрелами и копьями [...] скакали на маленьких, по всей видимости,

проблему западноевропейских репрезентаций Другого на уральском материале¹¹.

Есть еще один момент, который следует учитывать при анализе описаний башкир французами в период наполеоновских войн. Хотя башкиры среди казачьей и национальной конницы были вторыми по численности после донских казаков¹², европейцы не

очень выносливых конях, покрытых деревянными седлами, были одеты в лохмотья и постоянно напоминали нам частым повторением обрядов о том, что они были магометанами. У нас возникли обоснованные причины сомневаться в уместности их использования в войнах против благовоспитанных народов. Казалось, что в [армию] Александра, в гуманные устремления которого мы так охотно и твердо верим, они были включены только для того, чтобы мы видели, насколько глубоко в Азию простирается его скипетр, а также для того, чтобы дать этим полулюдям возможность ухватить несколько искр из более освещенных регионов и довести их на их мрачную родину» (История башкирского народа в 7-ми томах / гл. ред. М.М. Кульшарипов. СПб., 2011. – Т. IV. – С. 236; Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912). – С. 170–171. В вышеупомянутый сборник документов «Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года» этот источник вообще не вошел).

А вот более полное воспроизведение этой же цитаты в докладе современного немецкого исследователя (купюры в квадратных скобках принадлежат ему): «Казак и башкиры привлекли к себе особое внимание своим своеобразием. [...] Их прожорливость и любовь выпить сделали их дорогими для наших кошельков, но не для наших сердец. Башкиры – скорее звери, чем люди – явились нам ужасными обжорами, неумеренным потреблением брантвейна [шнапса] они пытались вознаградить себя за отсутствие кумыса [...]. Покрытые грязью и паразитами, они превратили чистейшие комнаты, в которых их разместили, в грязные пещеры; но они и не обижались, когда их высылали спать под открытое небо. Они превосходно владели луком, стрелами и копьями [...] скакали на маленьких, по всей видимости, очень выносливых конях, покрытых деревянными седлами, были одеты в лохмотья и постоянно напоминали нам частым повторением обрядов о том, что они были магометанами. У нас возникли обоснованные причины сомневаться в уместности их использования в войнах против благовоспитанных народов. Казалось, что в [армию] Александра, в гуманные устремления которого мы так охотно и твердо верим, они были включены только для того, чтобы мы видели, насколько глубоко в Азию простирается его скипетр, а также для того, чтобы дать этим полулюдям возможность ухватить несколько искр из более освещенных регионов и довести их на их мрачную родину. Пусть Гарделеген никогда больше не увидит казаков и башкир – ни в качестве друзей, ни, тем более, в качестве врагов» (Хотопп-Рике М. Образ мусульман-татар в учебниках истории в Германии. Варвары, освободители, друзья? // Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики (Казань, 18–19 апр. 2007 г.). – Казань, 2007. – С. 380–381).

¹¹ Впервые в отечественной историографии такая попытка была недавно сделана уфимским историком Р.Н. Рахимовым. См.: История башкирского народа в 7-ми томах. – Т. IV. – С. 233–238. Однако его текст был искажен цензурными правками при редактировании.

¹² И Париж видали мы... – С. 17.

всегда могли отличить их от остальной массы других азиатских воинских формирований российской армии – в частности, калмыков и казахов. Даже в атрибуции изображений их в то время имела место путаница¹³. Поэтому французы (являвшиеся обычными военными, а не академическими исследователями), встречавшиеся с диковинными всадниками на поле боя, а не в научных экспедициях, могли применять этноним «башкиры» к каким угодно народностям азиатской России.

В целом, как показывает анализ, особенностями выделенного нами первого этапа французского башкироведения стали: во-первых, формирование обобщенного образа башкир, в некоторой степени ретранслированного из российской общественной мысли; во-вторых, весьма точное и подробное антропологическое описание этого народа; в-третьих, высокая степень субъективности при описании бытовых особенностей жизнедеятельности башкир, отчасти восходящая к западноевропейским средневековым представлениям об азиатских народах.

Этап второй: полевые исследования и этногенетические концепции

Начало второго этапа французского башкироведения было ознаменовано появлением выдающегося исследования французского ученого Фредерика Лепле (1806–1882), которого вполне заслуженно можно назвать основоположником нескольких направлений обществознания. Например, его краткий, но очень емкий очерк о башкирской семье, материалы для которого были собраны автором непосредственно в полевых условиях с использованием самых передовых тогда эмпирических методик¹⁴, положил начало, на наш взгляд, социологии¹⁵, семейной экономике¹⁶, этносоциологии и ряда других научных направлений. К сожалению, приходится признать, что даже некоторые современные иссле-

---

¹³ Там же. 46, 57, 76.

¹⁴ Документы и материалы по истории башкирского народа (1790–1912) / сост. А.З.Асфандияров, Р.Н. Рахимов, Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: ИИИЯЛ УНЦ РАН. 2012. – С. 214–261.

¹⁵ Не случайно переводчики фрагмента о башкирах на русский язык называют его автора социологом, хотя самого этого понятия и предметного содержания вгоды написания очерка еще не было, оно было введено в научный оборот опять же французами несколько позднее.

¹⁶ На это обратил внимание еще выдающийся русский экономист А.В. Чаянов. См.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. – М., 1989. – С. 37.

дования в отдельных аспектах уступают той скрупулезности и глубине, с которыми была выполнена работа Ф. Лепле. Анализ хозяйственного уклада башкир автор сопровождает этнографическими зарисовками их быта, подробнейшими и тщательно подобранными статистическими данными.

Наряду с передовым для своего времени антропологическим и экономическим описанием жизни одной башкирской семьи, Ф. Лепле предлагает эксклюзивный анализ природно-географических предпосылок кочевничества, рассматривает специфические особенности хозяйственной деятельности проживающих по соседству с башкирами казахов и татар, делает очень точные зарисовки религиозного характера, анализирует с точки зрения теории европейского менеджмента организационные и управленческие аспекты функционирования башкирского общества. Удивительно, но без внимания этого автора не остались даже те гендерные особенности жизнедеятельности башкир, которые не были замечены не до, не после него. В целом работа Ф. Лепле – единственный во французской и даже во всей зарубежной науке пример подробного, тщательного и качественного полевого исследования образа жизни башкир иностранным ученым. К сожалению, уникальный и имеющий большую научную ценность материал, собранный и опубликованный этим автором, был почему-то забыт у себя на родине и в дальнейшем во французской историографии не использовался. Не получил он известности и в России, хотя вполне мог бы составить конкуренцию дореволюционным отечественным описаниям башкир.

Вторым ярким представителем рассматриваемого этапа французского башкироведения является видный французский востоковед, антрополог, лингвист, этнограф и путешественник венгерского происхождения Ш.Э. Уйфальви (1842–1904)¹⁷. В 1876 г. он на два года выехал в Россию, Сибирь и Среднюю Азию, где собрал обширную этнографическую коллекцию, демонстрировавшуюся в 1878–1879 гг. в Париже¹⁸. Результатом

---

¹⁷ В российской литературе встречаются различные формы написания этой фамилии (Ужфальви, Южфальви и т.д.).

¹⁸ О нем см.: Губина М.В. Карл-Евгений Уйфальви (1842–1904 гг.) – географ, этнограф и лингвист // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века = *Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle* / Ин-т всеобщей истории РАН; под ред. А.О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан, В.С. Ржеуцкого, О.В. Окуневой. – М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 254–272.

его поездки, в частности, стала глава под названием «Страна башкир на Урале»¹⁹ в его главном труде «Expédition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan» (Vol. 3. Les Bachkirs, les Vêpses et les Antiquités finno-ougriennes et altaïques. Paris, 1880). В ходе проведенного им антропологического исследования башкир Ш.Э. Уйфальви пришел к выводу об их угорском происхождении²⁰. В связи с этим он отмечает: «Тщательный анализ исторических источников и различных работ по проблеме происхождения башкир позволяет сделать следующие выводы: 1) Башкиры проживают на своей нынешней родине с глубокой древности; 2) Башкиры являются угро-финским племенем, принявшим язык своих завоевателей – татар; 3) Только антропология в состоянии дать нам точные сведения об их происхождении.

Анализ физического облика этого народа очень важен для выяснения его происхождения, ибо, по всей вероятности, башкиры являются близкими родственниками остяков, вогулов и мадьяр. Финский ученый Европеус оспаривает этот вывод, основываясь на данных топонимики, полагая, что ее древнейший пласт на Урале является тюрко-татарским, а не угро-финским. Но, по нашему мнению, это лишь свидетельствует о том, что после своего оседания на Урале башкиры перешли на новотатарский язык. Существует немало народов, которые изменили свой язык, но не утратили физического типа. Так, лапландцы (лопары) сегодня говорят на финском языке, но по физическим данным они явно иного происхождения. Другой показатель, который следует иметь в виду – это умственные и нравственные особенности. Если мы сравним в этом отношении башкира с его тюркским соседом киргизом, то будем поражены огромными различиями между ними, о чем скажем чуть ниже. Впрочем, башкирский язык пока еще недостаточно изучен специалистами, и может быть, что в нем обнаружится множество нетатарских компонентов»²¹.

---

¹⁹ Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII – начала XX в. – С. 60–71.

²⁰ Подробнее об этой теории см.: Янгузин Р.З. Этногенез башкир // Ватандаш. 2002. – № 5. – С. 132–137; Овчинникова Б., Дьёни Г. Протогенгры на Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации. 2008. – С. 113–140.

²¹ Уйфальви де Мезо-Ковезд Ш.Э. Страна башкир на Урале // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII–начала XX в. – С. 63–64.

Полемизируя с русскими исследователями, полагавшими, что башкиры подразделяются на два типа, степных и горных, Ш.Э. Уйфальви предлагает разделять башкир на «башкир, смешавшихся с мещеряками и тептярями, и чистокровных башкир. Чистокровные башкиры более брахицефалы, чем первые... Мы полагаем, что мещеряки, тептяри и башкиры занимают, с точки зрения антропологии, промежуточное положение между вогулами и мадярами – угорскими народами угро-финской семьи алтайской ветви верхне-азиатской расы. Тептяри – смешанная народность, чистокровные мещеряки встречаются редко, чистокровные башкиры (например, бурзянские) – чаще. В любом случае, об окончательном решении вопроса о происхождении этих племен говорить еще рано».

Характеризуя современное ему положение башкир, Ш.Э. Уйфальви полагал, что «башкиры находятся в полном упадке, живут прошлым и деградируют. Но мы надеемся, что башкирам удастся избежать столь печальной участи»²². В период, когда ученый путешествовал по России, в русской публицистике активно обсуждался вопрос «Вымирают ли башкиры?». Некоторые представители демократического направления русской общественной мысли полагали, что башкиры, испытывая тяжелые страдания и нищету в условиях Российской империи, постепенно исчезнут как народ. Очевидно, что Ш.Э. Уйфальви знал об идущей в те годы в российской печати дискуссии²³ и отразил в своей работе высказываемые в них опасения относительно будущего башкир.

Следующий автор выделенного нами второго этапа исследований башкир французами, историк и географ П. Камена д'Альмейда (1865–1943) много путешествовал по России, в том числе по ее азиатской части, получил степень доктора наук, долгое время преподавал во французских университетах.

Статья К. Д'Альмейды «La colonisation russe dans les gouvernements d'Oufa et d'Orembourg» («Русская колонизация Уфимской и Оренбургской губерний», 1899 г.)²⁴ является квинтэссенцией знаний французских исследователей того времени по

---

²² Там же. С. 68–71.

²³ См.: Лоссиевский М. В. Кое-что о Башкирии и башкирах в их прошлом и настоящем. – Уфа, 1903.

²⁴ Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII–начала XX в. – С. 72–85.

истории Южного Урала. Эта краткая, но емкая работа начинается, как и очерк Ш.Э. Уйфальви, с характерной для традиции французской историографии географической характеристики исследуемого региона. В целом автор верно изложил узловые этапы истории Южного Урала – первоначальное заселение, промышленное и аграрное освоение, строительство населенных пунктов, башкирские восстания, изменения в демографии и этническом составе. По его мнению, «можно выделить две характерные, почти неизменные черты русской колонизации: 1) сначала создавались линии крепостей, которые очерчивали временную границу территории, независимо от того, шла ли речь о завоевании или мирном заселении региона; эти линии постепенно перемещались дальше, делая колонизацию похожей на морской прилив; 2) русские продвигались по долинам, постепенно формируя в крае с нерусским населением институциональную сеть, занятую славянами и образуя систему этнических анклавов, которые однажды сливались в одно целое. Эти правила сразу же бросаются в глаза, стоит только взглянуть на этнографическую карту Сибири; они остаются неизменными в Европейской России все последние столетия»²⁵.

Почти одновременно с К. Д'Альмейдой аналогичную работу – «La Colonisation russe en Bachkirie» («Русская колонизация в Башкирии») – опубликовал географ, путешественник и полиглот, исследователь колонизации российских окраин Поль Лаббе (1867–1943)²⁶. Его статья начинается со статистических данных о населении Уфимской губернии, ее национальном составе, численности городских жителей. После краткого изложения истории башкир автор опять же на статистическом материале показывает масштабы заселения региона русским крестьянством и характеризует особенности аграрной политики правительства на Южном Урале в конце XIX в., показывает ее влияние на жизнь башкирского общества. Кроме использования статистических данных, статья П. Лаббе сопровождается анализом собственных наблюдений, сделанных ее автором во время поездки по рассматриваемому

---

²⁵ Камена Д'Альмейда П.Ж. Русская колонизация Уфимской и Оренбургской губерний // Там же. – С. 75–76.

²⁶ Bulletin des sciences économiques et sociales du Comité des travaux historiques et scientifiques. Section des sciences économiques et sociales. Année 1900. – Paris, 1901. – P. 34–55.

региону²⁷. Интерес для этнографов представляет и другая работа автора – «Путешествие на Урал (в Башкирию)», сопровождаемая сделанными П. Лаббе фотографиями пейзажей и быта башкирской деревни²⁸. Этому автору принадлежит и отдельная книга о путешествии на Урал²⁹.

П. Лаббе сделал попытку уточнить (а точнее, определить) границы Башкирии. Он пишет: «Под Башкирским краем в данном исследовании подразумевается преимущественно Стерлитамакский уезд, который я прошел вдоль и поперек и который составляет основу Башкирии, населенную как степными башкирами, изменившими свой образ жизни под влиянием прибывших сюда переселенцев и новой ситуации, так и горными, полностью избежавшими русского влияния»³⁰. Автор побывал у башкир тогда, когда они еще не были глубоко интегрированы в российское общество: «Вражеские нашествия пронеслись рядом с башкирами, почти не повлияв на их жизнь; они не подверглись цивилизации, и даже став военным сословием, не выучили русского языка»³¹.

Оценки и характеристики П. Лаббе башкир в целом стандартны для европейских исследователей того времени: «На мой взгляд, с точки зрения умственного и социального развития они находятся намного ниже киргизов и дунган, у которых я побывал в прошлом году... Это были простые, доверчивые, гостеприимные люди, предлагавшие мне все, что имели... Простой башкир

---

²⁷ Маршрут поездки П. Лаббе пролегал в основном по территории нынешнего Ишимбайского района Башкортостана.

²⁸ Эти статьи впервые переведены на русский язык и изданы в вышеупомянутом сборнике «Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII–начала XX в.». – С. 86–123.

²⁹ Labbé P. Sur les grandes routes de Russie entre l'Oural et la Volga. Paris: O. Doin, 1905. – 274 p.

³⁰ Лаббе П. Русская колонизация в Башкирии // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII–начала XX в. – С. 88.

³¹ Там же. С. 89. Ср. также следующие пассажи автора: «Русский человек, обычно настолько гибкий, что в Центральной Азии иногда даже перенимает язык и почти всегда привычки и нравы покоренных или покорившихся народов, оказался невосприимчивым к башкирскому влиянию: в русских деревнях, которые встречались мне по пути, я почти не встречал людей, прилично говоривших по-башкирски» (Там же. С. 100), «в свою очередь башкиры не оказали никакого влияния на русских крестьян, которые обычно легко усваивают образ жизни, привычки и даже язык покоренных ими народов» (Лаббе П. Путешествие на Урал (в Башкирию) // Протонации Южного Урала и Среднего Поволжья во французских репрезентациях XVIII–начала XX в. – С. 112).

– доверчивый, простодушный и гостеприимный, готов поделиться всем с первым встречным, всегда зовет гостя к себе отведать кумыса или чая»³², «они... поют о том, что отдыхать лучше, чем работать, что лес прекрасен, когда по нему идешь, что гость, зашедший в дом, уважаем и желанен. Особенно они любят сочувственно вспоминать о своем прошлом: каждый вечер, собрав вокруг себя жителей деревни, я расспрашивал стариков о временах их юности, и они рассказывали мне о старинных развлечениях своих предков – больших скачках по праздникам, охоте на волков, которых преследуют на лошадях до тех пор, пока зверь не падет от изнеможения, ловле птиц соколом, сидящим на кулаке, легендах, сказываемых во время звездных летних ночей у войлочного шатра в таинственной степи. Я видел, сколь печальными становились лица башкир, когда старики повествовали о прежней свободной жизни, которую молодежь уже не знает, и думаю, что в этом кроется причина сокращения и вырождения народа, который, будучи беден, нищ и голоден, живет смутными воспоминаниями о хороших временах, не понимая, что будь он чуть энергичнее и трудолюбивее, этих невзгод удалось бы избежать»³³. П. Лаббе оставил яркие и запоминающиеся этнографические описания башкир, фактически единственные во французской науке.

Нам представляется очень интересной полемика, развернувшаяся среди французских исследователей второго этапа башкироведения о типологизации хозяйственной деятельности башкирского общества. Так, как уже указывалось выше, Ш.Э. Уйфальви попытался отойти от принятого в русской общественной мысли того времени разделения башкир на степных и горных, предложив дополнить ее этногенетическими характеристиками. Но и в этом случае он скорее всего имел в виду доминировавшие формы хозяйствования, относя к «чистокровным башкирам» тех, кто занимался преимущественно скотоводством, а к смешанным с мещеряками и тептярями тех, кто уже перешел или переходил к земледелию в качестве основного способа жизнедеятельности. Однако в дальнейшем французские исследователи (П. Лаббе и др.) отказались от идеи Ш.Э. Уйфальви и вернулись на позиции

---

³² Лаббе П. Русская колонизация в Башкирии. – С. 89, 107; Он же. Путешествие на Урал (в Башкирию). – С. 115.

³³ Он же. Путешествие на Урал (в Башкирию). – С. 114.

разделения башкир по хозяйственному принципу, то есть на степных и горных.

В целом, второй этап французского башкироведения, как нам представляется, отличается следующими основными особенностями. Во-первых, интенсивным проведением полевых исследований, благодаря которым у европейской науки появилась возможность репрезентативной оценки хозяйства, быта, религиозных представлений и других особенностей существования башкирского общества. Во-вторых, французские ученые впервые провели исследования по физической антропологии башкир и сделали их достоянием мировой научной общественности. В-третьих, на основании собранных ими эмпирических материалов были предприняты попытки выработать оригинальные концепции этногенеза башкир и других народов, а также описать их историю в контексте межэтнического взаимодействия в регионе. Таким образом, французские исследователи выделенного нами второго этапа, проводя изучение этнографии и физической антропологии башкир, стремились разрешить сложный вопрос этногенеза этого народа и посредством этого понять этногенетические процессы, происходящие в Центральной Евразии в целом.

Этап третий: дискурс интеграции в составе империи

После окончания второго периода французских башкироведческих штудий интерес ученых Франции к этому региону на некоторое время угас. После Октябрьской революции и установления в России власти большевиков контакты отечественных ученых с иностранными коллегами были резко сокращены. Иностранцами гуманитариями была утрачена возможность работы в советских архивах и проведения полевых исследований на Южном Урале. Именно поэтому во время третьего выделенного нами периода французские авторы вынуждены были сосредоточиться на изучении и анализе опубликованного в нашей стране материала. Впервые со времени появления интереса к башкирам они обратились к интенсивному изучению библиотечных фондов, выявляя и подвергая затем анализу имеющиеся там материалы об этом народе. При этом нельзя не отметить, что данный временной этап тоже оказался весьма плодотворным для французского башкироведения, ибо тогда оно совершило переход от частных наблюдений и оценок отдельных явлений в истории башкирского общества

к созданию фундаментальных концепций нахождения башкир в составе Российской империи.

Одним из ярких представителей этого этапа историографии был выдающийся французский славист, доктор гуманитарных наук, профессор Роже Антонен Робер Порталь (1906–1994). Наибольшее значение для науки имеет его фундаментальное исследование «Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории», являющееся частью его докторской диссертации³⁴. Другая ее составная часть, посвященная башкирам, осталась неопубликованной при жизни автора. Ее рукопись, названная российскими издателями «Россия и башкиры: проблемы взаимоотношений (1662–1798 гг.)»³⁵, посвящена ранней истории колонизации Южного Урала со времени первого башкирского восстания до введения кантонной системы управления³⁶. Интерес французского автора к башкирской теме во многом объясняется международной ситуацией, сложившейся в мире после второй мировой войны. Новые задачи, вставшие перед «свободным» западным миром, и в первую очередь борьба с коммунизмом, ориентировали европейскую науку на объяснение советского многонационального феномена и поиск путей по его «размыванию». Кроме того, после второй мировой войны французская колониальная империя вступила в финальную фазу своей истории. Поэтому изучение истории колонизации российских регионов, в частности, Башкирии было для французской науки весьма актуальным и имело не только научно-академический интерес.

В Советском Союзе вектор тогдашних исследований по башкирской тематике определяло принятое 27 января 1945 г. Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения аги-

---

³⁴ Порталь Р. Урал XVIII века: очерки социально-экономической истории / пер. с франц. Л.Ф. Сахибгареевой. – Уфа: Гилем, 2004.

³⁵ Он же. Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России / пер. с франц. и нем. – Уфа: Гилем, 2005.

³⁶ Относительно хронологических границ интеграции Башкирии в состав России, предложенных французским историком, в историографии пока нет единства. Американский исследователь этой проблемы А. Доннелли (Доннелли А. Указ. соч.) и Д. Ливен (Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007. – С. 340) предлагают 1552–1740 гг., а А. Каппелер полагает, что башкиры не были «в социальном отношении интегрированы» в Россию вплоть до середины XIX в. (Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С. 38).

тационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации», ориентировавшее историков на изучение традиций совместной борьбы русского и башкирского народов за свое освобождение от феодального гнета. Тогда же на смену концепции «насильственного завоевания» края³⁷ пришла идея его «добровольного вхождения» в состав России³⁸. С серией работ по истории Башкирии XVII–XVIII в. в те годы выступил крупный специалист по русскому феодализму Н.В. Устюгов. «В то время, когда башкиры переходили в подданство Русского централизованного государства, они по своему общественно-политическому развитию еще не вышли из стадии феодальной раздробленности. Феодал периода феодальной раздробленности – вольный слуга и может избирать себе государя по собственному усмотрению. Он служит только до тех пор, пока условия службы его удовлетворяют. Не понравилась служба – он вправе отъехать к другому государю»³⁹, – писал в одной из своих работ ученый. Источником его концепции свободного вассалитета башкир в составе России в основном послужил труд академика Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934), являвшийся в то время настольной книгой для всех кочевниковедов, в котором монгольскому феодализму были приданы «классические» формы, хорошо знакомые по Франции XIII–XIV вв.⁴⁰ Н.В. Устюгов приравнивал отношения между башкирами и Россией к отношениям вассала и сюзерена в Западной Европе. В этом проявилось характерное для советской науки

---

³⁷ Типеев Ш. Очерки по истории Башкирии. – Уфа, 1930. – С. 20–21; Ищериков П.Ф. Очерки по истории колонизации Башкирии. – Уфа, 1933. – Ч. I. – С. 4.

³⁸ Воплощение этого тезиса в советской историографии Башкирии: Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. – Уфа, 1949 (в издании 1960 г. – «Присоединение Башкирии к Русскому государству», в 1982 г. – «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству»). Ее сокращенный вариант уже после смерти автора вошел в академическую «Историю Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» (Под ред. Х.Ф. Усманова. – Уфа, 1997. – С. 126–153).

³⁹ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М.; – Л., 1950. – С. 5, 7. Так же поступали, например, калмыки, ногайцы, крымские татары (Каппелер А. Указ. соч. – С. 46).

⁴⁰ Ср.: Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М., 2002. – С. 360, 364, 375, 382, 389, 391, 396, 397, 402–403, 406–407, 432–433, 452 и сл., 468–470, 474–477. «Общественный строй монголов» мог быть известен Р. Порталю, поскольку в 1948 г. в Париже вышел его французский перевод.

1930–1950-х гг. стремление поставить знак равенства между историческим развитием России и Европы⁴¹.

Р. Порталь же, в отличие от Н.В. Устюгова, в своем исследовании оперирует понятием не «подданство», а «протекторат», «вассалитет». Свою концепцию сюзеренитета Н.В. Устюгов применил преимущественно к истории башкирских восстаний 1662–1664 и 1735–1740 гг. Р. Порталь приложил ее в целом к XVII–XVIII вв., тем самым придав указанной теории логическую завершенность и рассмотрев под ее углом целую эпоху в истории феодального Башкортостана. Французским ученым была разработана периодизация истории феодального Башкортостана, в основе которой лежат вехи российской колониальной политики в регионе.

Справедливости ради необходимо отметить, что дискуссия о насильственном или добровольном вхождении башкир в состав Российской империи, ведущаяся в российской историографии еще с XVIII в., получила новый импульс в постсоветское время. В споры, в которые традиционно были вовлечены преимущественно историки, активно включились философы, юристы, политические деятели и публицисты. Особую активность в этом вопросе проявляют местные авторы. Например, с жесткой критикой добровольного характера вхождения башкирских племен в состав Русского государства, опираясь на однозначный политизированный вывод основоположника башкирской автономии А.З. Валиди о насильственном их присоединении, выступил философ Д.Ж. Валеев⁴². Оригинальную, но малоубедительную попытку провести параллели в истории колонизации американских индейцев и башкир, доказывая тем самым насильственный характер вхождения башкирского народа в состав России, предпринял юрист и российский сенатор от Башкортостана Р.Н. Зинуров⁴³.

---

⁴¹ В последние годы интерес к идеям Н.В. Устюгова в какой-то степени возобновляется: Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. – С. 115, 137, 317–319; он же. Демократия. Гражданственность. Этничность. – М., 1999. – С. 60, 61, 69–70; Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. – Уфа, 2010. – С. 50; Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. – Уфа, 2001. – С. 55–56, 121–122 (к сожалению, имя Н.В. Устюгова здесь не упомянуто ни разу). См. также: Каппелер А. Указ. соч. – С. 36.

⁴² Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. – Уфа, 2001. – С. 51–54.

⁴³ Зинуров Р.Н. Указ. соч. – С. 80.

Мифологический характер идеи о добровольном, на договорной основе, присоединения Башкирии к Русскому государству с позиций правового анализа доказывает известный уфимский юрист Ф.М. Раянов⁴⁴. Однако в целом в современной историографии Башкортостана пока доминирует концепция о добровольном вхождении башкир в состав Русского государства⁴⁵, с некоторыми оговорками по поводу, что оно у разных этнотерриториальных групп, составивших позднее башкирскую народность, происходило по-разному. Родоплеменные образования, ставшие впоследствии основой для формирования северо-западных и западных башкир, действительно, вошли в состав России добровольно под влиянием сложившихся геополитических изменений (взятие Казани) уже в середине XVI в. Зауральские «башкирские» роды, жившие в верховьях Миасса, Исети, Ая и Уфы, приняли подданство, в некоторых случаях, немирным путем к концу XVI в. И только в начале XVII в. в состав Русского государства вошли северо-восточные «башкирские» роды, вплоть до разгрома сибирского хана Кучума и его преемников весьма активно участвовавшие в сопротивлении российской экспансии на восток⁴⁶.

Как известно, с начала XVIII в. Российское государство резко активизировало свою деятельность в Башкирии, приступив в ходе осуществления Оренбургской экспедиции к началу широкомасштабного хозяйственного освоения края, что привело к усилению межкультурного взаимодействия. Местное нерусское население было насильственно втянуто в процесс модернизации, который подрывал его социальную структуру и экономику. Башкирское общество, будучи внутренне сплоченным, отреагировало на это многочисленными восстаниями⁴⁷, которые, по словам

---

⁴⁴ Раянов Ф.М. Государственно-правовые «болезни»: исторический диагноз. – Уфа. 2005. – С. 57–63.

⁴⁵ Асфандияров А.З. Еще раз о характере присоединения Башкортостана к России // Востковедение в Башкортостане: История. Культура. – Уфа, 1992. – Ч. III; Он же. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 2006. – С. 19–54; Акманов И.Г. Еще раз о присоединении башкир к Русскому государству // Ядкяр. 1996. – № 1.

⁴⁶ Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя»: военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII–первой половине XIX в. – М., 2014. – С. 28–31.

⁴⁷ Особенно примечательным в этом плане было движение 1735–1740 гг., которое можно рассматривать как первый ответ башкир на модернизационный вызов со стороны русского правительства (предыдущие восстания были обычной борьбой на-

Б.Х. Юлдашбаева, составляли «важнейший компонент политической истории формирования башкирской нации»⁴⁸.

В оценках феномена восстаний Р. Порталь был совершенно свободен, а вот Н.В. Устюгову приходилось следовать «генеральной линии» партии⁴⁹. Если в 1946 г. он еще признавал прогрессивность башкирских восстаний⁵⁰, то в апреле 1952 г. оценивал их абсолютно реакционными⁵¹. В дальнейшем Н. В. Устюгов считал, что «...движение башкирских феодалов, поднятое в 1662–1664 гг., следует признать безусловно реакционным. Реакционны его задачи, программа и тактика, ...движение 1681–1683 гг., поднятое башкирским старшиной Сеитом, было столь же реакционно... Бесперспективность и реакционность феодально-монархического движения 1705–1711 гг. совершенно очевидны, ...башкирское феодальное движение 1735–1740 гг. должно быть

рода за отстаивание своих, дарованных еще Иваном Грозным, традиционных прав), заключавшийся в массовом строительстве в регионе крепостей и заводов с последующим радикальным изменением его этнодемографического состава и экономической структуры.

⁴⁸ Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации: (Дюктябрьский период). – Уфа. 1972. – С. 175.

⁴⁹ Вот как оценивает эту ситуацию П. Верт: «В большинстве своем советские историки были вынуждены анализировать случаи колониального сопротивления с большей осторожностью, чем их западные коллеги. Причины тому очевидны. Приблизительно для двух первых десятилетий советской власти было характерно безоговорочное и недвусмысленное осуждение царского колониального режима; в соответствии с этим сопротивление местного населения считалось полностью оправданным и поэтому оценивалось историками положительно. Но во время Второй мировой войны и сразу после нее наблюдалась все более глубокая приверженность идее «дружбы народов»; эта идея стала проецироваться также и на дореволюционный период. Русская имперская экспансия, теперь понимавшаяся в основном как совокупность оборонительных операций или же попыток защитить нерусских соседей от внешних врагов или от междоусобных конфликтов, стала расцениваться как позитивное и прогрессивное явление; соответственно сопротивление нерусских народов русскому режиму вначале подверглось безоговорочному осуждению, а затем его одобряли лишь при условии, что в акциях сопротивления неоспоримо присутствовал «социальный» аспект или же в них принимали участие российские социальные низы» (Верт П. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология. – М., 2005. – С. 51).

⁵⁰ Гузаирова Т. Научная сессия, посвященная вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа // Вопросы истории. – 1947. – № 11. – С. 142.

⁵¹ См.: Устюгов Н. В. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1958. – С. 88.

признано реакционным без всяких оговорок. Никаких прогрессивных моментов в нем нет»⁵². Эти политизированные оценки продержались недолго и были пересмотрены уже к концу жизни Н. В. Устюгова⁵³.

Основная проблема, которую разрабатывал Р. Порталь, стало исследование характера отношений, «установившихся между русскими и башкирами (точнее, между их различными социальными категориями)», выявление того, что способствовало развитию региона и что привело к его упадку в ходе интеграции в Россию. Думается, что Р. Порталь рассматривал отношения русских и башкир в XVII–XVIII вв. как взаимодействие двух

---

⁵² Устюгов Н.В. Башкирия // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. – М., 1955. – С. 795–814; Васильев С. М., Устюгов Н.В. Башкирия // Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. – М., 1957. – С. 638–651; Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа, 1956. – Т. I. – Ч. I. – С. 81–123, 169–186, 204–218 (эти разделы были написаны Н.В. Устюговым); Устюгов Н. В. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. – С. 118, 119, 122, 126. Эти оценки поддерживали тогда и другие специалисты: Демидова Н. Ф. Башкирское восстание 1735–1736 гг.: автореферат дисс. ...канд. ист. наук. – М., 1956.

⁵³ Сираев З.И. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. // Из истории Башкирии. – Уфа, 1963. – Ч. 2; Нигматуллин С.Н. О характере башкирского восстания 1735–1740 г. // Там же. Однако, критикуя Н.В. Устюгова, современный исследователь башкирских восстаний И. Г. Акманов долгое время не учитывал внутривнутриполитическую ситуацию в СССР в конце 40 – начале 50-х гг. и ее влияние на историческую науку (Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. – Уфа, 1993. – С. 10–13), лишь позднее признав влияние тоталитарной системы на эволюцию взглядов Н.В. Устюгова: Акманов И.Г. Башкортостан и Россия: Взаимодействие в середине XVI–XVIII вв. (К историографии вопроса) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: III Международная научная конференция 29 мая – 4 июня 1995 г.: Тезисы докладов. – Челябинск, 1995. – Ч. II. – С. 10. В то же время нельзя не признать, что «советские работы обычно склонялись к романтизации сопротивления и пытались свести все причины недовольства к основным социально-экономическим факторам, даже когда материал источников явно указывал, что на карту ставились иные вопросы... Исследования по истории самых известных восстаний, как и специально подобранные документальные свидетельства о них, строились так, чтобы определить важнейшие проявления социального угнетения, а также и сопутствовавшие ему злоупотребления и оскорбительные действия со стороны властей, которые послужили горючим материалом для надвигающегося пожара, а затем перейти к рассказу о той искре, от которой пожар наконец запылал. Попытки советских историков проанализировать стратификацию внутри самих местных сообществ были обычно чрезвычайно приблизительными и сводились к простому делению этих сообществ на «реакционных» феодалов и «прогрессивные» массы» (Верг П. Указ. соч. – С. 52).

различных цивилизаций⁵⁴. Так как же происходило преодоление фундаментальных цивилизационных различий между русскими и башкирами?

Р. Порталь, вероятно, размышлял над этим вопросом, но в силу узости источниковой базы однозначного его решения дать не смог. Противоречивость его выводов не раз проявляется на страницах работы: «Политика русского правительства, – пишет он, – опиралась на два принципа: противопоставление малочисленных групп населения башкирам и татарам и опору на аристократию. Поэтому социальные низы разных этносов интуитивно ощущали общность своих интересов, расходившихся как с интересами собственной аристократии, так и с целями России. Это социальное единство ярко проявилось в ходе башкирских восстаний. Повстанческое движение, даже если оно было общенародным и привлекало к себе всю башкирскую верхушку, вскоре перерастало в настоящую гражданскую войну против батыров и тарханов, что раскалывало ряды повстанцев и вынуждало часть аристократии переходить на сторону России. В результате национальная борьба перерастала в социальную, а элита получала от правительства новые привилегии».

Царские военачальники и администраторы, а в какой-то мере и русские переселенцы во время башкирских восстаний совершали в отношении мирного туземного населения многочисленные акты насилия. Аналогично повстанцы не только воевали с царскими войсками, или с «феодальной элитой», как это десятилетиями утверждала советская историография⁵⁵, но и разоряли

---

⁵⁴ Близкие подходы см.: Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – С. 7. Буканова Р.Г. Русско-башкирско-калмыцкие отношения в первой половине XVII века // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале в XVII–XX веках. – Уфа, 1992. – С. 71.

⁵⁵ Ссылки отдельных историков на то, что сведения об антирусских действиях восставших содержатся «исключительно» в документах, вышедших «из-под пера царских воевод и командиров карательных отрядов», которые «односторонне освещали события, объявляя повстанцев грабителями и убийцами всех русских людей» (Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – Свердловск, 1991. – С. 73), противоречат имеющимся фактам и теоретическим обобщениям. В XVII–XVIII вв. межкультурная и экономическая интеграция русского и башкирского обществ либо вообще отсутствовала, либо была еще настолько низкой, что позволяла им воспринимать друг друга как чужаков со всеми вытекающими отсюда последствиями. В условиях своих сильно ограниченных вплоть до середины XVIII в. возможностей царским властям приходилось прибегать для

русские деревни, убивали или уводили с собой крестьян, а также забирали их имущество (в основном скот)⁵⁶. В то же время нельзя, наверное, считать башкирские восстания XVII–XVIII вв. межэтническими конфликтами в чистом виде, поскольку такого рода противостояния возможны, если их участники четко идентифицируют себя этнически, а говорить о достаточной выраженности башкирской этнической идентичности применительно к тому времени оснований пока нет⁵⁷.

подавления восстаний к помощи русских крестьян (Акманов И. Г. Там же). Бездоказательным выглядит и утверждение И. Г. Акманова, что будто бы число случаев межэтнических конфликтов в донесениях карателей преувеличено (Акманов И. Г. Там же) – но каких-то «непреувеличенных» данных он не приводит.

⁵⁶ См.: Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – С. 68, 70, 71, 75, 79, 80 (о разорении башкирами русских сел вокруг Самары в 1682 г.), 87, 91, 106, 107, 114, 115, 122.

⁵⁷ Впервые серьезно подойти к решению проблемы исторического развития этнического самосознания башкир попытался Б.Х. Юлдашбаев (Юлдашбаев Б.Х. Указ. соч. – С. 278–303), однако его выводы оказались достаточно противоречивыми (скорее всего, под влиянием тогдашних идеологических установок). Признавая (видимо, вынужденно) наличие у башкир развитого самосознания уже в эпоху средневековья, а для XVI–XVIII вв. считая его твердо укоренившимся (Там же. С. 279–280), но одновременно фактически отрицая это своим анализом семантики термина «миллят» (Там же. С. 284–285), он тем не менее задолго до проникновения в нашу страну конструктивистских теорий особо выделил рубеж XIX–XX вв. как определяющий этап формирования башкирской идентичности (Там же. С. 284 и сл.). Современные исследования А. Франка, М. Кемпера, К. Ле Торривеллека, Т. Уямы и Ч. Стейнведела (Frank A. Islamic historiography and «Bulghar» identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. Leiden etc., 1998; Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. – Berlin, 1998; Стейнведер Ч. Племя, сословие или национальность? // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. – Казань, 2004; Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Сарова, 2003; Ле Торривеллек К. Пространство, время и идентичности Башкортостана // Башкортостан в политическом пространстве России. Зарубежная политология о тенденциях современного развития республики. – Уфа, 2004) позволяют сделать вывод о незавершенности в XVIII в. процесса формирования единого «башкирского» (как впрочем и «русского») самосознания и, следовательно, определять национальные конфликты в ходе башкирских восстаний как «протоэтнические» (Гатагова Л. С. Межэтнические конфликты // Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия. – М., 2003. – С. 226). В то же время было бы неверно сводить к межэтническим конфликтам обычные столкновения русских и башкир на бытовой почве (как нередко советская историография в любой ссоре дворянина с крестьянином видела классовую борьбу), что иногда имеет место в научной литературе (в частности, см.: Гатагова Л.С. Указ. соч. – С. 248).

Внедрение новых отраслей экономики, ставших определяющими для хозяйственного развития региона и устранение угрозы возникновения мощных антироссийских движений, нейтрализация «мусульманского фактора» привели к серьезным изменениям в направлении, механизмах, интенсивности и способах культурных и этнических контактов. Межэтнические конфликты имели место и в период Крестьянской войны 1773–1775 гг.⁵⁸, однако в ней впервые совместно выступило русское и нерусское население, впервые были созданы единые многонациональные отряды. Это произошло потому, что импульс и направление развития региона, заданные Оренбургской экспедицией, вскоре привели к коренным преобразованиям в его экономике, демографии и этническом составе. Развернувшееся с 1745 г. массовое строительство на Южном Урале горных заводов резко активизировало процесс заселения края русскими. Со второй половины XVIII в. начался переход от анклавного типа расселения русских в Башкирии к смешанному, резко возросла плотность населения, рядом с местами проживания коренного населения возникли русские села, соответственно увеличилось количество и качество межэтнических контактов. Началась интеграция туземцев в состав российского социума, особенно активно проходившая на севере региона.

Своеобразную эстафету изучения истории башкир эпохи феодализма у Р. Порталья перенял выдающийся французский слаvist П. Паскаль (1890–1983). Хотя, на наш взгляд, его книга, посвященная событиям 1773–1775 гг.⁵⁹ и больше напоминающая эссе, как это ни парадоксально, является размышлением не столько о Пугачеве, «крестьянской войне» под его предводительством и восемнадцатом веке, сколько о более позднем времени. В событиях 1773–1775 гг. автор отводит значительное место Уралу, кратко, но емко характеризуя действия в них горнозаводского населения, башкир и казаков. Он пытается дать психологический анализ бунта – подход, который уже применялся в дореволюци-

---

⁵⁸ См.: Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. – Уфа, 1998. – С. 293, 307, 308, 417.

⁵⁹ Паскаль П. Пугачевский бунт / пер. с франц. Л.Ф. Сахибгареевой. – Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2010 (рец.: Мининков Н.А. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. – № 6. – С. 145–148; Дутчак Е.Е., Мауль В.Я. // Российская история. 2012. – № 1. – С. 166–169).

онной русской науке (например, Н. Н. Фирсовым), но был позже отвергнут советской наукой⁶⁰.

П. Паскаль, как и его предшественник Р. Порталь, коснулся также изучения межэтнических взаимоотношений среди повстанцев. Его оценки этого процесса менее радужные и не столь оптимистичные, как у тогдашних советских историков. В частности, П. Паскаль поднимает замаливавшуюся в современной ему советской историографии тему башкирско-русских конфликтов, пишет об уничтожении башкирами русских селений, убийствах русских крестьян, а также о карательных операциях русских простых людей против своих башкирских соседей.

Подводя итоги развития французского башкироведения на его третьем этапе, необходимо отметить следующие особенности. Во-первых, его источниковая база в этот период в силу различных причин претерпела значительную трансформацию: на смену преимущественно полевым исследованиям пришло тщательное изучение опубликованных документов и литературы. Во-вторых, в это время в работах французских историков существенное место занимает проблематика межнациональных отношений в регионе в ходе его колонизации и социальных потрясений. При этом особое внимание ими уделялось освещению тех ее сторон, которые обычно замалчивались или неохотно проговаривались в советской историографии – противостоянию групп населения по национальному и конфессиональному признаку, националистическим проявлениям и взаимной нетерпимости на этой почве⁶¹. В-третьих, главным отличием этого периода было то, что французские историки перешли от фиксации отдельных фактов истории башкир к выработке цельных концепций и парадигм, правда, только для эпохи феодализма.

---

⁶⁰ В последнее время его на основе, в частности, идей М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича и др. реанимировал В.Я. Мауль. См.: Мауль В.Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт: сб. историко-литературных произведений. – М.: Дрофа, 2007.

⁶¹ Специальное рассмотрение этого вопроса в западной историографии см.: Bodger A. Nationalities in History Soviet Historiography and the Pugačëvščina // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 1991. Bd. 39, H. 4. S. 561–581.

Заключение

Таким образом, даже предварительный анализ уже имеющегося историографического материала по заявленной авторами теме позволяет сформулировать несколько выводов обобщающего характера.

Французская историография истории Башкирии прошла долгий и противоречивый путь. В целом она развивалась преимущественно по той же траектории, что и отечественные представления об этом регионе – от формирования в сознании образованного читателя образа опасных, диких и непокорных башкир в XVIII в. до описания смирного и вымирающего аборигенного населения в XIX в., и субъекта имперской политики в трудах ученых XX столетия. Такая исследовательская модель в значительной степени отражала вектор и специфику процессов междоцивилизационного взаимодействия в истории Башкирии. Это касается и интеграции башкир как аборигенного этноса региона в состав империи, и беспрецедентного в истории страны по своей интенсивности заселения рассматриваемой территории многочисленными этническими группами, и хозяйственно-культурного освоения бескрайних башкирских земель. В то же время интеллектуальное постижение французами Башкирии происходило в тесном взаимодействии и в значительной степени с опорой на труды российских исследователей. К сожалению, впоследствии эта позитивная традиция была утрачена и не возобновлена до сих пор. Поэтому до начала XX в. французская и российская историографии башкир развивались в целом параллельно (за исключением оригинальной и не имеющей аналогов ни во Франции, ни в России работы Ф. Лепле).

Различия между французскими и российскими вариантами образа Башкирии и ее населения появляются только в XX в., когда французские исследователи стали гораздо больше, чем советские авторы, уделять внимание проблемам межнациональных конфликтов в истории Башкирии. Справедливости ради надо сказать, что в целом французы сумели соблюсти объективность и в отличие от некоторых постсоветских авторов не сделали эту проблему основополагающей для понимания истории рассматриваемого региона, не смаковали картины «истребления и планомерного уничтожения» башкир. Попытки же советских ученых и полити-

ков представить межэтнические отношения в регионе как идиллию не подтверждаются источниками. На самом деле степень взаимной интеграции этносов Башкирии никогда была не столь высокой, как это пытались представить в советские годы.

Новые перспективы в развитии французского башкироведения возникли в постсоветское время, когда, с одной стороны, у французов вновь появилась возможность полевых исследований, а с другой – исчезли идеологические препоны для использования самых разнообразных методологических подходов и историсофских концепций в изучении башкир. Неизбежным результатом этого стали попытки применить к исследованию истории и антропологии Башкирии ранее не использовавшихся отечественной наукой концепций и методов. В частности, это имеет место в недавних работах К. Ле Торривеллека⁶². Нам представляется, с учетом основных тенденций современного развития французского обществознания, что в будущем наиболее перспективными для него в смысле изучения башкир выступают такие проблемы, как: 1) разработка постмодернистских и конструктивистских концептуальных моделей этногенеза и этнической истории всех народов и этнических групп региона; 2) исследование хозяйственной и социокультурной интеграции кочевых и полукочевых народов Южного Урала в общероссийское пространство; 3) применение методов ментальной географии, мир-системного и микроисторического анализа, постколониальных и субалтерных исследований в изучении истории нахождения башкир в составе России; 4) использование методик социально-психологического анализа этнических ментальностей башкир и соседствующих с ними народов на различных этапах исторической эволюции; 5) введение в научный оборот новых источников и переосмысление информации, содержащейся в уже известных документах и материалах на основе новейших аналитических методик.

Французская историография истории Башкирии (и шире – Южного Урала), в том числе – проблема интеграции башкир как первого кочевого народа в составе Российской империи – тема, которая только-только начинает изучаться и осваиваться нашей

---

⁶² См. его неопубликованную докторскую диссертацию: Le Torrivellec X. Histoire des identités en Russie musulmane: la République du Bachkortostan (1969–2003) [История идентичностей мусульманского населения России на примере Республики Башкортостан (1969–2003 гг.)]. – Paris, 2006. – 324 p.

наукой. На этом пути, несомненно, предстоят новые, в том числе и архивные открытия, которые позволят углубить пока еще весьма поверхностные представления об изучении этого региона одной из ведущих историографий мира.

Сауле Удербаета

Отражение истории кочевых народов Центральной Азии в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии

Территориальное расширение России на Восток остро поставило вопрос не только управления обретенными новыми окраинами, освоения их в экономическом и военно-стратегическом отношении, но и об изучении этих территорий. Для полного освоения своих окраин Россия развивает научные исследования на государственном уровне.

Именно в сложный, насыщенный событиями период новой истории начинается комплексное изучение кочевых центрально-азиатских народов целым рядом российских ведомств, научных и краеведческих обществ, обусловленное их включением в орбиту Российской империи. Одним из этих учреждений стала Оренбургская ученая архивная комиссия (далее ОУАК), созданная инициативной группой по рекомендации Санкт-Петербургского археологического института для разбора архивных дел праздничной канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, в декабре 1887 года. В ведении ОУАК находились Оренбургская, Уфимская, Самарская губернии, Тургайская область, весь Туркестанский край, Западно-Сибирское генерал-губернаторство.

В Оренбурге находились, наряду с ОУАК, Оренбургский отдел РГО, Тургайский областной статистический комитет, членами этих обществ были местные краеведы⁶³.

Оренбургская ученая архивная комиссия, действовавшая в течение трех десятилетий, объединяла и направляла усилия мест-

---

⁶³ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С.236.

ной демократической общественности по изучению древностей края, положила начало архивоведческой работе, археологическим, источниковедческим исследованиям. Они нашли отражение в выпущенных ею 35-ти томах (выпусках) «Трудов» ОУАК, в числе которых крупные исторические монографии, публикации документальных, мемуарных, археологических источников, десятки статей и заметки историко-краеведческого характера. Следует подчеркнуть, что по масштабам и результатам краеведческой работы ОУАК не уступала, а во многом опережала другие подобные комиссии Урала и Поволжья. Этому способствовало, прежде всего, то, что Оренбургский край, расположенный на стыке Европы и Азии, в зоне торгово-экономического, политического и культурного общения России с народами Казахстана и Средней Азии был богат крупными историческими событиями⁶⁴.

В результате их деятельности сложилась своеобразная источниковая база, обширные комплексы материалов, насыщенные чрезвычайно разнообразным материалом по истории кочевого «кинородческого» населения Российской империи.

Несмотря на то, что ОУАК была учреждена в 1887 году, по настоящему она развернула свою работу только в 1896 году. Комиссия действовала до 1917 года. Самым ценным фактором было то, что ОУАК имела свой печатный орган «Труды», ряд российских ГУАК не имели печатных изданий. В «Трудах» ОУАК помещено значительное количество исследований и статей по истории Казахстана, Башкирии, Средней Азии, Оренбургского края, Оренбургского казачества. Имеется ряд описей архивов комиссии, отчеты о деятельности и протоколы ее заседаний.

Многие оренбургские краеведы были членами ОУАК и местного отдела РГО, которые тесно соприкасались в своей научной деятельности. Разработкой архивных материалов и изучением палеоэтнографии, археологических и архитектурных памятников казахской степи занимались оба учреждения. Исследования и документы по истории и этнографии Оренбургского края печатались в «Известиях» отдела и в «Трудах» комиссии. Ввиду общности научных интересов оба учреждения часто проводили сов-

---

⁶⁴ Зобов Ю.С. Оренбургская УАК (Из истории становления исторического краеведения на южном Урале) // Восьмые Бирюковские чтения. – Челябинск, 1988. – С. 143.

местно и свои заседания. В 1911 г., например, они провели шесть совместных заседаний, большинство из которых было посвящено обсуждению докладов о надгробных сооружениях в казахской степи, казахских обычаях и обрядах, суевериях, связанных с погребеньями. Авторами докладов были члены комиссии А.Л. Аниховский, И.В. Аничков, Ж.-А. Кастанье, А. Матов, Я.Я. Полферов, А.В. Попов, Н. Соколов, И.С. Шукшинцев. Консультации им давал В.В. Бартольд, член ОУАК с 1904 г.⁶⁵

Деятельность ученой архивной комиссии отличалась многоплановостью и комплексным характером. В сферу деятельности членов ОУАК входила архивная, исследовательская, просветительская деятельность. Вклад деятелей ОУАК в становление и развитие архивного дела в крае заключается в сохранении золотого фонда документальных памятников в том виде, в каком исследователи и поныне ими пользуются. Именно в результате многоаспектной деятельности Оренбургской Ученой Архивной Комиссии сформировался своеобразный исторический источник – «Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии. Исходя из вышеизложенного, целью статьи стал анализ работ по истории, культуре, этнографии кочевых народов Центральной Азии, именно казахов, башкир, туркмен, опубликованных в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии

«Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии как источник по истории туркменского народа

В 29-м выпуске «Трудов» ОУАК был опубликован очерк М.Л. Юдина⁶⁶ «Начало сношений с туркменским народом (Материалы для истории присоединения Закаспийской области)» с

---

⁶⁵ Протокол соединенного заседания ОУАК и ОО ИРГО от 25 мая 1911 г. // ГАОО. Ф.96, Оп.1 Д.93. Переписка об избрании в члены ОУАК и другим вопросам. Л.3.

⁶⁶ Михаил Львович Юдин – уроженец станицы Сакмарской 1-го Казачьего войска. Выпускник Оренбургского казачьего юнкерского училища. Начав службу хорунжим в 1878 году, дослужился до звания полковника в отставке в 1916 г. Награжден орденами Св. Стан. 3-й и 2-й степени, Св. Анны 2-й степени. Автор работ: Оренбуржцы в войнах 1812–1814 гг. (Ташкент, 1912); Положение торговли со Среднеазиатскими ханствами до занятия Туркестанского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IX. Оренбург: Губернская типолитография. 1902. С. 1–50; Начало покорения Туркестана // Южный край. 1903. №7–8.; Из рассказов о М.Д. Скобелеве // Русский архив. 1896. – Кн. I. – Вып. 4. – С. 614–618; Кто взял Хиву? // Русский архив. 1896. – Кн. I. – С. 97–99.

картой⁶⁷, ставшим ценным источником по истории туркменского народа и по истории взаимоотношений туркмен с казахскими родами, с Хивой, калмыками.

М. Юдин поставил себе задачу проследить в своей работе историю зарождения и развития отношений России с туркменским народом, который был, по его определению, «весьма многочислен» и кочевал по Мангышлакским степям, вдоль Восточного побережья Каспийского моря, при этом «... значительная часть которых откочевала к пределам Хивы, Бухары и Персии». Точкой отсчета начала отношений между русским и туркменским народами автор определил период после монгольского нашествия. М. Юдин подчеркивал, что часть туркмен, оставшаяся на Мангышлаке и севернее Кара-Бугаза, оказалась «настолько ослабленной, что уже не в состоянии была оказать сопротивление напору волжских калмыков с севера»⁶⁸. В результате туркменские племена подпали под власть калмыков и платили дань хану Аюке. По данным М. Юдина, туркменским племенам удалось освободиться от выплаты дани калмыкам только тогда, когда российские власти запретили калмыкам перекочевку на правый берег Урала, и это «облегчило участь туркмен, так как калмыки уже не могли спокойно добираться до них». Но это не улучшило положения туркмен, так как сильное многочисленное племя казахов рода адай принудило их откочевать к югу и практически вытеснило с Мангышлака. Заслуга Юдина состояла и в том, что им было уточнено общее число туркменского народа, именно до 310 000 кибиток или 1 240 000 человек⁶⁹.

Петр I придавал особое стратегическое значение Каспийскому морю как связующему звену двух внутренних водных путей: одного – по р. Волге и ее системе на Запад, в Европу, другого – по предполагавшемуся тогда течению р. Амударьи в Азию. На восточном берегу Каспия в 1716 г. были заложены две русские

---

⁶⁷ Юдин М.Л. Начало сношений с туркменским народом (Материалы для истории присоединения Закаспийской области) //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Вып. XXIX. – Оренбург: Типография «Каримов, Хусаинов и Ко», 1913. – С. 85–141. Автор приложил к работе «Карту Зауральских и Закаспийских степей».

⁶⁸ Юдин М.Л. Начало сношений с туркменским народом (Материалы для истории присоединения Закаспийской области) //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Вып. XXIX. – Оренбург: Типография «Каримов, Хусаинов и Ко», 1913. – С. 88.

⁶⁹ Там же.

крепости: на Тюб-Карганской косе «Святого Петра» и у «Красных вод». Исходя из этого, М. Юдин считал, что ходатайство в 1713 г. туркменского представителя Ходжа Нефеса о высоком покровительстве, интерес России к этому региону стал побудительной причиной для снаряжения военных экспедиций, в частности А. Бековича-Черкасского.

Интересно и то, что М. Юдин считал, что туркмены, подчиненные ханам Младшего жуза, принося поздравления султану Нуралы по случаю вступления его на ханский престол после смерти отца Абулхайр-хана, таким образом, признавали свою зависимость и от России⁷⁰. Также интересен факт, сообщаемый М. Юдиным о том, что с 1775 г. ханом у северных туркмен являлся казахский султан Младшего жуза Пирали Нуралиев, внук хана Абулхайра, сын хана Нуралы.

В сборнике документов и материалов, собранных С. Асфендияровым и П. Кунте, приводится следующая информация о правлении Пирали над туркменами: «Нурали-хан прислал к ним своих послов, дабы объявить им под угрозой их полного истребления, что они должны признать своим верховным главой его сына – Пирали-хана. При создавшемся положении им не оставалось ничего другого, как согласиться на это. Вскоре Пирали-хан появился среди мангишлакских туркмен. Он ввел жесточайшие наказания, самовластно забирал себе наибольшую часть имущества богатых туркмен и отнял у них почти все огнестрельное оружие, так что последнее встречается у них сейчас чрезвычайно редко. По истечении года такого чрезвычайно деспотического владения над туркменами Пирали-хан отправился обратно к своему отцу, у которого он остается уже около двух лет. Однако осенью сего 1775 года он снова, надо полагать – с ужасом и скорбью, ожидается в Мангишлаке – сообщает Гмелин»⁷¹.

Именно в это время адаевцы, которые в основном и вели борьбу с туркменами, стали считаться полноправными хозяевами Мангыстау и стали упоминаться в источниках в качестве одного из сильнейших родов Младшего жуза⁷².

---

⁷⁰ Там же. С 97.

⁷¹ Асфендияров С.Д., Кунте П.А. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. – Алматы, 1997. – Т.1. – С. 327-328.

⁷² Темиргалиев Р. История рода адай. // <http://atababa.kz/ru/history/read/Adai>

Со ссылкой на Лобысевича, М. Юдин далее пишет, что в 1800 г. хан Пирали подал прошение русскому правительству о подданстве вместе с туркменскими старшинами, получив положительный ответ. В 1802 г. туркмены, считая себя уже поданными России, вновь подают прошение и 16 апреля 1803 г. получают грамоту о покровительстве России, но речь идет о Мангышлакских туркменах, туркменские депутаты получили жалованье в размере 100 рублей в год серебром каждому и золотые медали для ношения на шее.

Для сравнения приведем описание истории добровольного вхождения туркмен в состав России, приведенное Н. Веселовским в журнале «Исторический вестник» за 1884 год: «С просьбою о хлебе обратились к нам в 1741 году и туркмены, удалившиеся на Мангышлак из Хивы и Бухары вследствие нашествия на эти ханства шаха Надира. Из Астрахани отправлено было просителям судно, нагруженное мукою. Приняли они нашу помощь и ушли обратно в прежние места, известившись, что шах удалился уже в Персии. В 1802 году мангышлакские туркмены отправили четырех депутатов в Петербург с ходатайством о принятии их в подданство России. Депутаты были приняты очень радушно, и высочайшей грамотой, от 10-го апреля 1803 года, на имя Абдальского отделения мангышлакские туркмены приняты под покровительство России. Самим же депутатам назначено жалованье по 100 рублей серебром в год каждому и, сверх того, они удостоились пожалования золотыми медалями на алых лентах. Подданство это числилось только на бумаге. А между тем вследствие притеснений со стороны киргизов адаевцев, туркмены большей частью разбрелись в разные стороны»⁷³.

В 1960 году был выпущен сборник архивных документов «Присоединение Туркмении к России», которые отражают основные этапы и пути развития русско-туркменских отношений в XVIII–XIX вв. до присоединения Туркмении к России⁷⁴. В этом сборнике дана следующая информация о подданстве туркмен: 9 мая 1802 г. грамотой Александра I туркмены-абдалы, човдуры, игдиры, бурунчуки и бузачи официально были признаны подданными России и ханом над ними был назначен султан Пирали. В

---

⁷³ Веселовский Н. Первое подданство туркмен России // Исторический вестник. № 5, 1884/http://drevlit.ru/docs/central_asia/XVIII/1760-1780/Perv_podd_turkmen

⁷⁴ Присоединение Туркмении к России. (Сборник архивных документов). – Ашхабад: изд-во АН ТССР, 1960.

декабре 1802 г. в Оренбурге состоялась церемония утверждения Пирали в должности «туркменского хана». Однако, еще за месяц до этого туркмены Мангышлака в своем письме в Министерство иностранных дел отказались признать власть Пирали. Они писали, что Пирали не имеет ханского достоинства, так как «вместо приязненности и ласки... чинит многие нам разорения, убивая людей наших и грабя принадлежащее нам имение»⁷⁵.

В 1811 году, пишет М. Юдин, представители туркменских племен рода чаудыр числом 2300 семейств приехали в Астрахань с просьбой о подданстве и разрешении селиться в астраханских степях, затем такое же желание изъявили еще 3600 семейств других родов. В результате несколько сотен семейств туркмен чаудыр, игдыр и других перебрались на западный берег Каспия и переселись в кавказско-астраханских степях⁷⁶.

Но все эти события не были результативны, туркмены иомуды вообще отошли на север к Балаханскому заливу, да и вновь присоединенные племена стали вновь враждебны к русским, подпав под власть Хивы, как отмечал Юдин. Строительство военного укрепления стало бы решением проблемы и автор достаточно подробно описал экспедиции, направляемые в регион с целью строительства Ново-Петровского укрепления, позднее, в 1859 г., переименованного в Форт Александровский. В этом форте с 1850 по 1857 годы находился в ссылке поэт Тарас Шевченко⁷⁷.

Описывая дальнейшие события, связанные с очередными присягами разных родов туркменского народа на подданство России, Юдин подчеркивал, что оренбургские генерал-губернаторы Г. Генс, В.А. Перовский считали единственно верным и логичным назначением в правители туркмен султана из числа казахов, «как это всегда водилось, так как у туркмен своих султанов нет вовсе, уважение же к «белой кости» так велико, что возведение в достоинство правителя простолюдина было бы не согласно с понятиями этого народа»⁷⁸.

В 1838 году туркмены вновь заявляют о своих верноподданических намерениях России. В 1856 году о том же заявляют туркмены, кочующие у залива Александр-бай. В 1859 году приграничные с Хивой туркмены заявляют о желании принять подданство России.

---

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 101.

⁷⁷ Там же. С. 108.

⁷⁸ Там же. С. 114.

Далее автор дает описание внутренней ситуации и внешнего положения туркменского народа, достаточно подробное описание географического положения, прилагает полный текст прошения туркменского хана Кадыр Мухамед-хана Ниязова, сына Кыят-хана от 1859 года к императору Александру с просьбой о милости, а также полный текст грамоты Александра I об удовлетворении прошения о подданстве. М. Юдин ссылается на дело Туркестанского архива «О переселении туркмен-чаудоров на Мангышлак» от 1873 г.⁷⁹

Следует отметить, что очерк М. Юдина основан на архивных документах, исследованиях Ф.И. Лобысевича «Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении», М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», сборнике «Материалов по Средней Азии», М.Н. Галкина «Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю».

Исследование М. Юдина очень важна при изучении взаимоотношений казахского и туркменского народов, истории вхождения этих кочевых народов в состав Российской империи.

«Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии как источник по истории башкирского народа

В исследованиях, опубликованных в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии, нашли отражение вопросы истории башкирского народа.

Это работа действительного члена ОУАК А.И. Добросмыслова «Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737»⁸⁰, опубликованная в выпуске VIII «Трудов», работы действительного члена ОУАК Д.Н. Соколова «Башкирское войско в походе русских против Наполеона»⁸¹, «Опыт разбора одной башкирской летописи»⁸², «О башкирских тамгах»⁸³.

---

⁷⁹ Там же. С. 141.

⁸⁰ Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г.//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VIII. – Оренбург: типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900.

⁸¹ Соколов Д. Н. Башкирское войско в походе русских против Наполеона.//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VIII. Оренбург: – Оренбург: типолит. Ф.Б. Сачкова, 1900.

⁸² Соколов Д. Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: типо-лит. И.И. Ефимовского-Мировицкого, 1898. – Вып. IV. – С. 48.

⁸³ Соколов Д. Н. О башкирских тамгах, (с приложением таблицы башкирских тамг) // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Т. XIII. – Оренбург: типолит. Н.А. Порхунова, 1904.

Первая половина XVIII столетия стала важным и в то же время очень сложным этапом в истории Башкортостана и российско-башкирских отношений. Царская администрация приступает к процессу коренного пересмотра устоявшихся со второй половины XVI в. отношений с подданными русской короны – башкирами-вотчинниками. Политика функционализма (невмешательства во внутреннее социально-экономическое устройство и быт башкир), в рамках которой осуществлялись все прежние мероприятия правительства в крае, сменяется во второй четверти XVIII в. политикой насильственной интеграции Башкирского края в сложившееся хозяйственно-экономическое, политико-правовое и административное устройство Российской империи⁸⁴.

Началом реализации новой политической стратегии и тактики царской администрации в Башкортостане следует считать организацию в 1734 г. экспедиции под руководством «птенца гнезда Петрова», обер-секретаря Сената И.К. Кириллова. По его проекту экспедиция должна была всесторонне исследовать край: собрать о нем как можно больше экономических, хозяйственных, географических, историко-этнографических и военно-стратегических сведений. Помимо этого также предполагалось создание и последующее укрепление военно-политической базы российского политико-административного присутствия в крае, то есть «усмирение» башкир, ликвидация условий для проявления различных форм недовольства местного населения, строительство целой линии крепостей по р. Яик (Урал) для отделения башкир от казахов Младшего и части Среднего жузов, ставших новыми подданными империи во второй четверти XVIII столетия. Одной из стратегических целей экспедиции было разведывание хозяйственно-экономических возможностей для торгово-экономического проникновения Российской империи в казахскую степь, ханства Средней Азии и Индию⁸⁵.

Завершением разработки дореволюционными историками истории башкирских восстаний 1730-х гг. является работа А.И. Добросмыслова «Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг.», она была построена на большом архивном материале

---

⁸⁴ Организация российско-среднеазиатской торговли через Южный Урал в 18 столетии// Режим доступа: <http://vatandash.ru>.

⁸⁵ Там же.

Оренбургской экспедиции. Книга содержит подробное изложение событий. Однако, по мнению современных исследователей, при этом она страдает тем же недостатком, что и «История Оренбургская» П.И. Рычкова (что объясняется общностью источников), а именно, односторонностью и неполнотой в освещении движения, почти полным отсутствием сведений о движении в Зауральской Башкирии⁸⁶.

Книга интересна тем, что автор подробно останавливается на причинах движения, которые он видит в недовольстве башкир заселением их земель пришлым населением и в злоупотреблениях царских чиновников. Вместе с тем в книге не дается представления о социальной сущности движения. Башкирский народ рассматривается как единая масса с общими интересами⁸⁷.

По мнению И.Ф. Амантаева, оренбургский историк А.И. Добросмыслов сделал попытку раскрыть причины восстаний 30-х гг. XVIII в., но автор не видел принципиальной разницы между правительственно-дворянской и крестьянской колонизацией, говоря, что башкиры были недовольны всеми переселенцами. Ход восстания им дан односторонне, в основном в плане освещения мероприятий властей по его подавлению. Историк приходит к выводу о восстании как о выступлении башкир против всех русских. Общая оценка движения в работе дается как бунт⁸⁸.

Не отвергая критических оценок современных исследователей, считаем необходимым отметить, что данная работа А.И. Добросмылова, как и другие его работы, являются сегодня ценными исследованиями по истории колонизации национальных окраин Российской империи и существенно дополняют дореволюционную историографию этого периода.

Дмитрий Николаевич Соколов – краевед, геолог и натуралист, из потомственных дворян Оренбургской губернии. Окончил в 1885 году с золотой медалью оренбургскую гимназию, физико-математический факультет Московского университета. После окон-

---

⁸⁶ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Т. VI. – Уфа: Китап, 2002. – С.708.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Амантаев И. Ф. Башкирское восстание 1739-1740 гг.: дисс.канд.ист. наук. – Уфа, 2012. – 207 с. //Режим доступа: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/bashkirskoe-vosstanie-1739-1740-gg>.

чания в 1894 году вернулся в Оренбург, служил в казенной палате, много лет занимал должность земского начальника в Ташлинской волости Оренбургского уезда, увлекся краеведением. Геология и география Оренбуржья – основное содержание его научного наследия. Статья «Оренбургский юра» в многотомном труде «Геология России», книга «Оренбургская губерния, географический очерк» (1916), множество статей в местных и столичных изданиях получили высокую оценку общественности. В 1897 году в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии Соколов поместил публикацию «Башкирское войско в походе против Наполеона», в 1898 году напечатал статью «Опыт разбора одной башкирской летописи». Соколов одним из первых оценил значение в изучении прошлого башкирского народа родового знака тамги в работе «О башкирских тамгах», занявшую весь 13-й выпуск «Трудов» Оренбургской ученой архивной комиссии. Исследователем было собрано и обработано 3500 башкирских тамг. Кроме того, Соколовым написаны статьи по археологии и топонимии: «К вопросу о значении каменных баб», «Название Яик», «Следы древней могилы в Уральском войске» и другие⁸⁹.

Соколов Д.Н. принадлежит к тем разносторонним личностям, которые всегда привлекали и привлекают к себе внимание как современников, так и историков. Его статьи и заметки по геологии и палеонтологии, природным особенностям и истории Оренбуржья опубликованы в «Трудах» Геологического комитета и Геологического музея им. Петра Великого Императорской Академии наук, в «Известиях» Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества и «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии, «Известиях» Императорской Академии наук и в многотомном издании «Пушкин и его современники». Все работы Д.Н. Соколова, «несмотря на различие тем и областей исследования, сохраняют одну общую черту, отличавшую Дмитрия Николаевича как исследователя, – тщательное изучение литературных и документальных источников, оригинальность взглядов и проникновение в сущность исследуемого предмета, захватывающего его тогда всецело»⁹⁰.

---

⁸⁹ Соколов Дмитрий Николаевич //Режим доступа: <http://elibrary.orenlib.ru/index>.

⁹⁰ Стародубцева И.А. Д.Н. Соколов и его работы по стратиграфии и палеонтологии юры и нижнего мела России//Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. – 2014. – № 4. – С. 62.

Д.Н. Соколов, как и Н.А. Аристов являлись первыми собирателями и исследователями башкирских тамг, предполагали, что тамги являлись изображением родовых богов или духов-покровителей и лишь позднее в связи со сменой мировоззрения стали знаками родовой или семейной собственности⁹¹.

Другой аспект истории башкирского народа, освещенный Д.Н. Соколовым, связан с их участием в походе против Наполеона. Еще во время войн, в которых участвовала Россия в составе коалиции против Франции в 1805–1807 гг., в подкрепление русским войскам против Наполеона «двинулись из Оренбургского края 600 калмыков, 1 тысяча оренбургских и челябинских казаков и 7 тысяч башкир»⁹².

Описывая участие башкир в походе, Соколов пишет: «Обескураженный бесстрашием башкирских солдат, наполеоновский генерал де Марбо в своих мемуарах писал об огромном впечатлении, произведенном на французскую армию башкирскими воинами, которых за мастерское владение луками французы прозвали «амурами». «Эти новички, – отмечал генерал, – еще совсем не знавшие французов, были так воодушевлены своими предводителями, что, ожидая превратить нас в бегство при первой встрече в самый день своего появления, в виду наших войск кинулись на них бесчисленными толпами, но встреченные залпами из ружей и мушкетов, оставили на месте битвы значительное число убитых. Эти потери вместо того, чтобы охладить их исступление, только его подогрели. Они носились вокруг наших войск, точно рои ос, прокрадываясь всюду. Настигнуть их было очень трудно»⁹³.

Что касается работы Д. Соколова «Опыт разбора одной башкирской летописи», то она и сегодня удостаивается весьма высоких оценок. По мнению исследователей, даже те шежере, которые были опубликованы в дореволюционный период, требуют весьма критического подхода. Шежере, опубликованные В. Юматовым, М.В. Лоссиевским, П.С. Назаровым и др., даны только в русском

---

⁹¹ Чернова Т.А. Конфессиональные аспекты русско-башкирских отношений в середине XVI в. // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск №30 (321) / 2013. – С. 71.

⁹² Участие башкирских войск в войне 1812 г. // *Режим доступа*: //.

⁹³ Соколов Д. Н. Башкирское войско в походе русских против Наполеона. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии – Вып. VIII. Оренбург. – Оренбург: типолит. Ф.Б. Сачкова, 1900.

переводе, причем часто, к сожалению, неточном. Исключением является обстоятельная статья Д.Н. Соколова «Опыт разбора одной башкирской летописи», в которой автор комментирует в основном тексты, опубликованные П.С. Назаровым⁹⁴.

Таким образом, работы Д.Н. Соколова по истории башкирского народа, опубликованные в «Трудах» ОУАК, являются весьма ценными историческими исследованиями, существенно дополняющими дореволюционную историографию по истории башкир.

«Труды» Оренбургской ученой архивной комиссии как источник: материалы по археологии и этнографии казахского народа

С середины 80-х годов XIX века происходит открытие Казахской степи археологами России, способствовавшее закреплению археологии в качестве важнейшего направления деятельности ОУАК. Со временем на базе Комиссии формируется самобытная школа археологов, действовавшая в контакте с научной общественностью России. Археологи ОУАК занимались разработкой научных проблем, полевыми раскопками и пополнением археологических коллекций музея Комиссии. Оренбургская комиссия в качестве компетентной в археологическом отношении научной организации способствует охране памятников древности на местах, благодаря сотрудничеству с провинциальной общественностью, гражданской и военной администрацией⁹⁵.

В начале XX века ОУАК активно включается в изучение археологических памятников. Ее членами проводится большая работа по учету и охране памятников. С этой целью рассылаются специально составленные анкеты по сбору сведений. Это существенно пополнило список учтенных памятников. На базе существовавшего при комиссии музея впоследствии был создан Центральный музей Казахстана. Особо среди членов как активного исследователя в области археологии следует отметить Ж.-А. Кас-танье. В 1904 году он раскопал шесть курганов в бассейне р. Жаксы – Каргалы (в 45 км от г. Актюбинска), в 1909 году – один курган, в 1911 году – два кургана в Актюбинском уезде и дал

---

⁹⁴ Башкирские шежере как исторический источник// Режим доступа: Сайт Управления по делам архивов Республики Башкортостан// <http://www.gasrb.ru>.

⁹⁵ Хасанов Э.Р. Историческое краеведение на Южном Урале (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. канд. ист. наук: 07.00.02. – Оренбург, 2005. – С. 20.

подробное описание хода раскопок и материала, обнаруженного в курганах. Он осмотрел и изучил большое количество могильников, архитектурных сооружений, остатков поселений. Одновременно он проводил и составлял подробный перечень и классификацию всех известных до 1910 года археологических памятников Казахстана⁹⁶.

Из других исследователей Северо-Западного и Западного Казахстана следует назвать А.Л. Аниховского, проводившего раскопки в Тургайском и Актюбинском уездах; И.В. Аничкова, систематически сообщавшего о случайных находках. В целом выделяется первый период развития археологии в Казахстане, который охватывает время с середины XIX в. до 1917 года⁹⁷.

В «Трудах» ОУАК было напечатано 30 статей по археологии и две монографии Ж.-А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» и «Надгробные сооружения Киргизских степей». Члены ОУАК хлопотали об организации в Оренбурге археологического съезда, однако эта идея не увенчалась успехом в силу финансовых проблем. Программа работ ОУАК по сохранению археологического наследия Южного Приуралья была комплексной и в целом эффективной: проводились работы по картографированию памятников, осуществлялась охрана их от грабительских раскопок и уничтожения в результате природного и техногенного воздействия⁹⁸.

Краеведы ОУАК внесли значительный вклад в разработку сарматской проблематики в российской археологической науке. На рубеже XIX–XX веков были раскопаны сарматские памятники близ г. Оренбурга – курган Шихан и могильник Бердинская гора, а Н.Е. Макаренко, Ж.-А. Кастанье и С.И. Руденко были доисследованы грабительски раскопанные кладоискателями памятники у сел Краснотор, Покровка и Прохоровка.

Материалы раскопок краеведов ОУАК послужили основой для написания М. И. Ростовцевым монографии «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллиниз-

---

⁹⁶ Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Алматы: Казак университети, 2006. – С. 19.

⁹⁷ Там же. С. 20.

⁹⁸ Евгеньев А.А. Оренбургская археология с XVIII в. до конца 70-х гг. XX в.: автореф. канд. ист. наук: 07.00.06. – Казань, 2008. – С. 8-9.

ма» – исследования, которое открыло изучение сарматской проблематики в российской археологической науке. Другим аспектом интерпретации полученных при полевых исследованиях ОУАК комплексов были работы краеведов-любителей. Председатель ОУАК А.В. Попов поставил вопрос о сарматской принадлежности южноуральских памятников раннего железного века, что в дальнейшем было обосновано с научных позиций М.И. Ростовцевым. Наибольший вклад в обобщение и анализ оренбургских археологических памятников внёс Ж.-А. Кастанье. Помимо ряда статей, посвященных проблеме погребального обряда и надгробных изваяний древних народов Евразии, он опубликовал в 1910 году монографию «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» – каталог археологических памятников и полевых исследований на обширной территории от Южного Урала до Аральского моря, систематизирующий материал по географическому принципу⁹⁹.

А.А. Евгеньев, подводя итоги первого периода развития оренбургской археологии, отметил, что вклад исследователей, работы которых приурочены к дореволюционному периоду, в развитие оренбургской археологической науки, несомненен. В XVIII веке были заложены предпосылки для научного изучения памятников древности Южного Урала. Во второй половине XIX века были проведены Р.Г. Игнатьевым первые научные раскопки на Южном Урале и Ф.Д. Нефёдовым на территории современной Оренбургской области. На рубеже XIX–XX веков сформировался первый местный центр изучения оренбургской археологии – Оренбургская ученая архивная комиссия, которому в заслугу следует поставить, прежде всего, проведение раскопок, в результате которых был получен разнообразный материал, характеризующий древнейшую историю приуральских степей, систематизированный по географическому принципу Ж.-А. Кастанье. Немаловажным моментом была успешная работа ОУАК по охране археологического наследия Южного Урала и просветительная работа в сфере археологии среди населения губернии. Полученный в результате разноплановой деятельности местных краеведов материал, их теоретические разработки и опыт охраны памятников были учтены и использованы последующими поколениями исследовате-

---

⁹⁹ Там же.

лей, что характеризует явление познавательной преемственности дореволюционной и советской археологии региона¹⁰⁰.

Труды Ж.-А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края»¹⁰¹ и «Надгробные сооружения Киргизских степей»¹⁰² были опубликованы отдельными изданиями «Трудов» ОУАК в 1910 и 1911 годах.

Интересы Кастанье были многогранны: археолог, этнограф, лингвист, историк. Это о нем весьма положительно вспоминал В.В. Бартольд, когда писал, что «было бы вполне возможным теперь же составить археологическую карту Туркестана, на которую впоследствии могли бы заноситься поправки и дополнения, тем более что выполнение этой работы в значительной степени подготовлено одним из недавно покинувших край исследователей Кастанье». Он также отмечал строгий научный подход Кастанье в сборе археологического материала, столь редкий для археологов-любителей того времени. Вот подлинное мнение по этому поводу крупнейшего ориенталиста: «Из частных собраний археологических предметов, с которыми мне удалось ознакомиться, можно упомянуть о собрании, принадлежащем Ж.-А. Кастанье. Собрание является результатом многочисленных командировок и разъездов и хранится в полном порядке; происхождение каждого предмета точно указано»¹⁰³.

Оренбургские краеведы интересовались казахским обычным правом, практикой суда биев. Это обстоятельство соответствовало политике колониальных властей, стремившихся реформировать казахский суд. Среди авторов, публиковавших свои научные труды в «Трудах» ОУАК, были А.Е. Алекторов, исследователь культуры и быта казахского народа, А.И. Добросмыслов (он был членом ОУАК и ОО РГО), И.И. Крафт. В 1896 г. Оренбургский отдел РГО и ОУАК приняли участие в подготовке и проведении Всероссийской художественной про-

---

¹⁰⁰ Евгеньев А.А. Оренбургская археология с XVIII в. до конца 70-х гг. XX в.: автореф. канд. ист. наук: 07.00.06. – Казань. 2008. – С.9-10.

¹⁰¹ Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края с рисунками И.А. Кастанье // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXII. – Оренбург, 1910.

¹⁰² Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXIII. – Оренбург, 1911. (на рус. и фр. языках).

¹⁰³ Германов В.А. Французы в Узбекистане // Библиотека центра экстремальной журналистики // Режим доступа: www.library.cjes.ru.

мышленной выставки в Нижнем Новгороде. Образованный ими Выставочный комитет проделал большую работу по сбору казахских экспонатов. Среди членов комитета были А.И. Добросмыслов, А.В. Васильев, Я.Я. Полферов, хорошо знавшие этнографию казахского народа¹⁰⁴.

В «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии опубликованы две работы, посвященные изучению обычного права казахов. Это исследование Л.А. Словохотова «Народный суд обычного права киргиз Малой Орды»¹⁰⁵ и работа А.И. Мякутина «Юридический быт киргиз»¹⁰⁶. Работу Л. А. Словохотова ОУАК выпустила в 1905 году в XV выпуске «Трудов», вторая опубликована в XXV выпуске «Трудов» ОУАК, изданном в 1910 году. Оба автора являлись действительными членами ОУАК. Словохотов Леонид Александрович служил секретарем суда, являлся членом Комиссии с 1905 года, жил в Оренбурге. Мякутин Александр Иванович являлся членом ОУАК с 1901 года, служил сотником, бригадным адъютантом. Более подробную информацию о них мы дали в первом разделе. Особо подчеркнем, что оба исследователя являлись профессионалами в области права.

Исследователи Л.А. Словохотов и А.И. Мякутин, являясь представителями царской колониальной администрации и большими энтузиастами в изучении истории автохтонного населения казахской степи, проделали огромную работу по изучению их юридической организации.

Л. А. Словохотов в своем исследовании задался целью по возможности обрисовать судоустройство, судопроизводство и выяснить смысл основных правовых положений народного суда киргиз Малой орды¹⁰⁷.

Задача работы А.И. Мякутина: «Собрать разбросанные по разным сочинениям, писанным в подавляющем большинстве случаев с этнографическими целями и не юристами, мелкие крупинки материальных правоотношений в киргизском адате гражд-

---

¹⁰⁴ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 243.

¹⁰⁵ Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XV. – Оренбург, 1905. – 56 с.

¹⁰⁶ Мякутин А.И. Юридический быт киргиз // Труды Оренбургской УАК. Вып. XXV. – Оренбург, 1910. – 248 с.

¹⁰⁷ Словохотов Л.А. Указ. работа. С. 4

данского характера, описать их, дать их юридическую квалификацию, постараться объяснить их значение и, наконец, сравнить с обычаями других народов»¹⁰⁸.

Обе работы являются весьма ценными источниками для изучения обычного права казахов, для изучения юридических, социально-экономических отношений казахского общества. В них отражены значительные изменения в структуре казахского обычного права, составляющих его компонентов, его источниках. Авторы внесли значительный вклад в изучение истории казахского общества. Вышеуказанные работы существенно дополняют немногочисленное количество источников и исследований по истории казахского обычного права.

Заключение

Можно заключить, что «Труды» ОУАК являются составной частью целого комплекса исторических источников по истории, этнографии, культуре целого ряда кочевых народов Центральной Азии, содержащей ценный материал, который трудно получить из других источников.

«Труды» ОУАК в целом содержательный источник, но ценность опубликованных работ, безусловно, различна. Общая ценность «Трудов» ОУАК как исторического источника заключается, прежде всего, в широкой информативности.

Результаты археографической, издательской деятельности ОУАК представляют ценность также для исследователей истории казачества, по истории просвещения и промышленности региона, для широкого круга исследователей, в особенности историков, археологов, этнографов. Использование материалов «Трудов» позволит выйти на новый уровень в освещении истории казахского, туркменского, башкирского народов.

Ряду материалов из «Трудов» ОУАК присуща имперская направленность, обусловленная политической конъюнктурой того времени, принципом «цивилизаторской миссии» России в имперской окраине. Но мы пришли также к выводу, что не все исследования в «Трудах» ОУАК несут на себе ярко выраженную идеологическую доминанту. Можно с уверенностью заключить,

---

¹⁰⁸ Мякутин А.И. Указ. работа. С. 8.

что разнообразная научная деятельность ОУАК носила в целом прогрессивный, демократический, просветительский характер.

О.И. Шведова, характеризуя материалы, содержащиеся в Трудах Губернских Архивных Комиссий России, отмечает: «...в них в достаточной степени ярко выражены верноподданнические чувства как в чистом виде по ряду вопросов, так и в содержании и тематике статей: история церкви, церквей, монастырей, их императорский высочества и их императорские величества и пр. – все это занимает в «Трудах» комиссий солидное место. Эту дань времени комиссии отдавали в полной мере»¹⁰⁹.

Но ценность «Трудов» не в этом, хотя, изучая и эти материалы, можно сделать немало интересных выводов и наблюдений. Ценность «Трудов» комиссий заключается в большом количестве опубликованного ими документального материала, часто первостепенного значения, отсутствующего в центральных архивах, и в составлении ими в большом количестве описей архивных дел и документов, находящихся в распоряжении комиссий»¹¹⁰.

При условии критического использования материалов «Трудов» ОУАК введение части материалов, представляющих действительную ценность как источники по истории, археологии, этнографии целого ряда кочевых народов Центральной Азии, значительно расширит источниковую базу так называемого «до-революционного» научного наследия.

Жибек Бегимбаева

Проекты Оренбургского отдела Русского географического общества по изучению культуры кочевых народов Южного Урала во второй половине XIX века

История Южного Урала – это история всех народов, заселявших его территорию с глубокой древности. Исследователи отмечают этническую сложность, неоднородность состава насе-

---

¹⁰⁹ Шведова О.И. Указатель «Трудов» губернских учёных архивных комиссий и отдельных их изданий // Археологический ежегодник за 1957 г. – М., 1958. – С. 377.

¹¹⁰ Там же.

ления южноуральского края¹¹¹. Исторически сложилось так, что на этой обширной территории формировались, соседствовали и развивались три мощных слоя – славянский, тюркоязычный и угро-финский. Полиэтнический состав населения Южного Урала, синтезирующий различные типы хозяйствования и богатые природные ресурсы, предопределил начало изучения края академическими экспедициями с середины XVIII века.

Императорское Русское географическое общество (ИРГО) относится к числу наиболее известных учреждений, оказавших существенное влияние на культурное и научное изучение народов Южного Урала. ИРГО было создано 6 августа 1845 года и ставило очень широкие цели и обширные задачи по изучению России и населяющих ее народов¹¹². Спустя почти двадцать лет, 17 июля 1867 года император Николай I подписал указ о создании Оренбургского отдела ИРГО¹¹³. Это был четвертый по счету региональный отдел ИРГО после Сибирского в Иркутске, Кавказского в Тифлисе и Балтийского в Вильно. В сферу его изучения входила обширная Оренбургская губерния, Казахские степи и среднеазиатские ханства.

14 января 1868 года состоялось первое заседание организованного отдела, который стал научным центром для изучения истории и культуры, этнографии и быта населения, природных ресурсов, экономики и торговли народов Южного Урала¹¹⁴. Председателем Оренбургского отдела общества был избран военный губернатор Тургайской области, генерал-майор Л.Ф. Баллюзек. Руководство Оренбургского отдела ИРГО, и в первую очередь его председательствующий Л.Ф. Баллюзек, разработали определенную стратегию развития общества. Он был намерен создать на базе Оренбурга центральный пункт изучения Востока – Азиатское общество, по образцу аналогичных в Лондоне, Бомбее, Калькутте, Париже и Лейпциге, и сделать его шестым в мире и третьим в России (после

---

¹¹¹ Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века. Диссер... канд. ист. наук: 07.00.02. – Оренбург, 2005; Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ. 2002; История Оренбуржья / Сост. Л.И. Футорянский. – Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1996.

¹¹² История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М.: «Восточная литература». 1997. – С.87

¹¹³ ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.2

¹¹⁴ ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.17

Академии наук и Казанского университета) центром ориенталистики¹¹⁵. Далее, важно было «привлечь и соединить в одно целое все отделения, хотя бы по себе малозначащие, действующие ныне силы во всей Центральной Азии, на всем протяжении между кругами деятельности Сибирского и Кавказского отделов, если мы возбудим новых деятелей и приищем себе корреспондентов в самых отдаленных местностях Азиатского континента»¹¹⁶.

Действительными членами Оренбургского отдела ИРГО было семь казахов: М.-С. Бабаджанов, И.-М.А. Асатов, Б.К. Карпыков, У.К. Кунтеков, Н.М.Саванбаев, С.Т. Тлемисов, М.Я. Яраспаев; членами-сотрудниками пять казахов: И. Алтынсарин, Д.Б. Беркинбаев, Б.Д. Даулбаев, Б.Н. Наурызбаев, Т.А. Сейдалин¹¹⁷. Членами Оренбургского отдела ИРГО были и башкиры, выпускники Оренбургского кадетского корпуса, среди них ставшие впоследствии видными общественными деятелями, просветитель-поэт М.И. Уметбаев (1841-1907), ученый-лингвист М.М. Бекчурин (1819-1887), исследователь-востоковед А.А. Диваев (1855-1933), внесшие определенный вклад в изучение истории и культуры казахского и башкирского народов¹¹⁸. За 1868-1870 годы число членов Оренбургского отдела Русского географического отделения увеличилось от 42 до 89 человек¹¹⁹.

Исходя из этого, целью представленной статьи является анализ программ и инструкций этнографического отделения Оренбургского отдела Русского Географического общества в изучении истории и культуры кочевых народов Южного Урала во второй половине XIX века, территории их расселения,

Программа этнографического отделения как источник изучения культуры кочевых народов Южного Урала во второй половине XIX века

Уже на первых заседаниях было принято решение «о полезности составления программ для будущих действий отдела по

---

¹¹⁵ Сафонов Д. Историческая тема в изданиях Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического общества (ОО ИРГО).// Оренбургский край. Альманах Оренбургского областного краеведческого музея. 1994. – С.61

¹¹⁶ ГАОрО Ф.94. Оп.1. Д.8

¹¹⁷ Известия Оренбургского отдела ИРГО. Приложение к отчету за 1899 г. №1. Вып. №15, – Оренбург: Типо-литография Ф.Б.Сачкова. 1900. – С.1-2

¹¹⁸ Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII-начало XX вв.). Монография. – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ. 2002. – С.124

¹¹⁹ ГАОрО Ф.94. Оп.1. Д.16

изучению Оренбургского края»¹²⁰. Первой была представлена и одобрена программа этнографического отделения, разработанная его руководителями, коллежскими советниками Н.П.Георгиевским и И.П. Покровским. Эта программа стала научным руководством для членов Оренбургского отдела Русского Географического общества, занимающихся этнографическим изучением многонационального населения края и прилегающих к нему территорий Поволжья, Южного Урала и Западного Казахстана. Текст программы сохранился в фондах Государственного архива Оренбургской области, и датирован 17 декабря 1868 года¹²¹.

Программа включала направления по изучению этнической истории казахского и башкирского народов, Оренбургского и Уральского казачества, финно-угорских (мордва, мари, чувашаи) и восточнославянских народов (русские, украинцы). Кроме того, этнографический отдел предложил, в первую очередь, организацию экспедиций, сбор этнографического материала. При этом приоритетным направлением было изучение этнографии и истории казахского, татарского и башкирского народов как представителей нерусского населения, составляющих наиболее крупный массив в регионе. Главное внимание исследователей должно было быть обращено на изучение изменений в занятиях, промыслах, обычаях, хозяйстве и других сторонах жизни кочевых народов Оренбургского края под влиянием общения с «оседлыми обывателями края».

Программа поставила задачу сбора данных по таким важнейшим параметрам социально-экономической жизни кочевников южноуральского региона, как «распределение и пользование земельными угодиями, маршруты перекочевков, тебеневка скота, семейные, сословные и родовые отношения» внутри общества¹²². Специально оговаривалось, что башкиры, находившиеся в составе Империи на протяжении трехсот лет, каким изменениям подвергся их быт «под влиянием различных преобразований в их администрации и поземельном быту». Кроме того, важно было и изучить такое явление кочевой эизни башкир и казахов, как барымта.

---

¹²⁰ ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.6

¹²¹ ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.8

¹²² ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.8

Среди поставленных задач – изучение обрядов, обычаев, празднеств, свадеб, похорон, описание жилищ, одежды, пищи, сбор и изучение произведений устного народного творчества. Причем предписывалось эти исследования проводить «по разным сословиям отдельно».

В журнале заседаний Общего собрания членов отдела было отмечено, что эта программа «по важности поставленных в ней задач в деле изучения этнографии Оренбургского края, по полноте, с которой она изложена, вполне соответствует целям Географического Общества и современным знаниям этнографических особенностей народностей, населяющих Оренбургский Край»¹²³. К каждой программе прилагалась инструкция по заполнению и указывался определенный срок сдачи документа¹²⁴.

Сотрудники Оренбургского отдела Русского Географического общества от составления программ перешли к работе по реализации разработанных научных исследований. Для проведения конкретных этнографических исследований членами Оренбургского отдела ИРГО были разработаны специальные вопросники, анкеты, изданы специальные блокноты для записи ответов. Для проведения конкретных этнографических исследований членами Оренбургского отдела ИРГО была создана разветвленная сеть корреспондентов из представителей местного населения, которые лучше могли ответить на вопросы об особенностях быта казахского народа.

Американский исследователь Натаниэл Найт подчеркивает, что опора на местных корреспондентов имела значительные последствия для дальнейшего развития этнографии. Непосредственным результатом использования программы стало разделение между стадиями сбора материалов и их научного анализа. Поскольку местные корреспонденты не были специалистами, то и не ожидалось, что они подчинят свои наблюдения, решению каких-либо интерпретативных или теоретических проблем. Напротив, их наблюдения приобрели научную ценность как раз за счет чисто описательного подхода – отсутствия каких-либо открыто субъективных суждений и строгого соблюдения инструкций. Отчеты, прибывшие с мест, являли собой сырой исходный матери-

---

¹²³ ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.6

¹²⁴ ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.43.

ал, строительные блоки для более широких обобщений, которые должны были осуществляться учеными-этнографами, посвященными в таинства науки¹²⁵.

В архиве Оренбургской области сохранились блокноты с ответами на вопросы программы Оренбургского отдела ИРГО относительно быта казахского кочевого общества, путей перекочевков, расселения родов, местных корреспондентов Тургайской области. Это были десять человек, в основном трансграничных с Оренбургской губернией, уездов, а именно Актюбинского и Кустанайского. В основном это были должностные лица местного управления, в частности волостной Исмаил Бапанов (Актюбинская волость), старшиной аула №3 Жумабай Трумов (Хобдинская волость), аульный старшина аула №2 Кин-Аральской волости Сарке Карагузин, бии Чопан Чалабаев (Мендыгаринская волость), Аскар Сасыков (Кин-Аральская волость, аул №2), Жундыбаев Жармий (Хобдинская волость), казначей Даутпай Нарбутин (Мендыгаринская волость)¹²⁶. Более того, в сборе этнографического материала участвовал и мулла Актюбинской волости, хазрет Нурфен Байгарин. Собирали данные и султан Султангали Кучангалиев (Туз-Тюбинская волость, аул №5) султан Айтмухамед Арунгазиев (Актюбинская волость, аул №6), работавший младшим помощником Илецкого (Актюбинского) уезда в 1869-1873 гг.¹²⁷

Реализация программы: корреспондентская сеть Общества

Важным в деятельности Оренбургского отдела Русского географического общества являлось то, что для создания корреспондентской сети они привлекали учителей начальных школ. Программы с вопросами для сбора исторических и географических сведений в Оренбургском крае рассылались учителям русско-иногородческих школ. При этом география их рассылок была по уездам Оренбургской, Уфимской губерний, Тургайской и Уральской областей, в частности деревня Стерлибашево (Стерлитамакский уезд), деревня Аканеево (Бирский уезд), деревня Салихо-

---

¹²⁵ Натаниэл Найт. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845-1855 гг. // Российская империя в зарубежной литературе последних лет. Антология. / Сост. А.И. Миллер, П. Верт, П.С. Кабытов. – М., 2005. – С.132

¹²⁶ ГАОрО Ф.94. Оп.1. Д.48

¹²⁷ Султангалиева Г.С. История Актюбинского уезда (1869-1917). – Актобе, 2005. – С.15

во, Сафарово (Уфимский уезд), деревня Метелево (Челябинский уезд), деревни Аскароро, Учасево (Верхнеуральский уезд), деревня Тляумбеево (Уральский уезд Уральской области), города Уральск, Гурьев, Троицк, Тургай, Стерлитамак¹²⁸.

В Оренбургском отделе общества сохранились адреса казахов Кустанайского уезда Тургайской области, которым были разосланы конверты с циркулярными письмами и программой вопросов по истории и культуре казахского народа. Данный список (в количестве 50 человек) был составлен начальником уезда А. Михайловым. В первую очередь, это были грамотные казахи, получившие образование в учебных заведениях Оренбургского региона: Хамза Карджасов, Баймухамед Асатова-Кунабаев, Демейсин Найманов, Танаткан Самаев, Малдыбай Италмасов, Сандыбай и Дандыбай Тлемисовы, Иманбай Кудайбергенов, Баймухамед Наурызбаев, султан Махмуд Джантюрин, султан Даулетгирей Ахмедов и другие¹²⁹.

Для более четкой работы с местными корреспондентами в Оренбургском отделе ИРГО была заведена специальная разносная книга для регистрации корреспондентов. В разносной книге, которая была начата 8 февраля 1889 года и закончена 14 февраля 1894 года, отмечены следующие корреспонденты: Н. Саванбаев, Б. Даулбаев, Б. Наурызбаев, С. Тлемисов, М. Яраспаев, У. Кунтеков, Т. Сейдалин. Б. Карпыков И. Асатов¹³⁰. Однако, большинство корреспондентов этнографического отделения оставались, по сути дела, анонимными; самое большее, что мы можем установить, — это их имена, место жительства и, иногда, социальное положение¹³¹.

В Государственном архиве Оренбургской области имеются рапорты корреспондентов Оренбургского отдела ИРГО, в частности старшины аула №5 Туз-Тюбинской волости, Илецкого уезда султана Султангали Кучангалиева, старшины № 4 аула Таупской волости Иргизского уезда Алчаева Салтыбека¹³².

---

¹²⁸ ГАОрО Ф.94. Оп.1. Д.48

¹²⁹ ГАОрО Ф.94. Оп.1. Д.43

¹³⁰ ГАОрО Ф.94. Оп.1. Д.88

¹³¹ Натаниэл Найт. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845-1855 гг. // Российская империя в зарубежной литературе последних лет. Антология. / Сост. А.И. Миллер, П. Верт, П.С. Кабытов. — М., 2005. — С.133

¹³² ГАОрО Ф.94. Оп.1. Д.43

Программы и инструкции были написаны доступным языком для местных корреспондентов. Ответы на программы этнографического отделения не требовали каких-либо специальных умений или обучения, – нужна была лишь общая грамотность и умение наблюдать, что и делало проект реальным для исполнения.

Географическое общество предприняло специальные меры для того, чтобы вызвать ощущение гордости за участие в проекте: авторам лучших ответов присваивался статус члена-сотрудника общества или вручались благодарственные письма или же их имена упоминались в Вестнике географического общества¹³³.

Создание корреспондентской сети дало толчок Оренбургскому отделу Русского географического общества к дальнейшему привлечению местного населения, в частности включению их в состав экспедиций по сбору казахских обычаев, произведений устного народного творчества, сведений о хозяйстве. При этом выбор падал на тех, кто знал местную природу казахов – путешественников. Они знакомили ученых с топонимикой, с названиями растений и животных, в результате чего эти сведения отмечались в картографических и других изданиях.

Среди самых ценных материалов, которые доставила программа, оказались образцы фольклора, записанные местными корреспондентами. Это был тот самый случай, когда потребности этнографического отделения прекрасно совпали со способностями корреспондентов: запись фольклора с сохранением характера местных наречий, насколько это было возможно, – задача, с которой местные наблюдатели смогли справиться довольно легко. Не возникало вопросов и по поводу того, что делать с этими материалами. Прежде всего их надо было опубликовать¹³⁴. В 1870 году Оренбургский отдел ИРГО основал свой печатный орган «Записки». Всего в свет вышло четыре его выпуска (1870 г., 1872 г., 1874 г., 1881 г.). В этих номерах вышли лучшие научные работы казахских, русских, башкирских исследователей. При этом рекомендации к опубликованию проходили через заседания Оренбургского отдела ИРГО.

---

¹³³ Натаниэл Найт. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845-1855 гг. // Российская империя в зарубежной литературе последних лет. Антология. / Сост. А.И. Миллер, П. Верт, П.С. Кабытов. – М., 2005. – С.134.

¹³⁴ Там же. С.135

На основе этих материалов сотрудники Оренбургского отдела Русского географического общества перешли к созданию этнографических статей, описаний. Чаще всего они касались изучения свадеб, похорон, суеверий у различных народов края – казахов, башкир, русских, татар, чуваш, марийцев, оренбургских казаков¹³⁵. 23 марта 1868 года на заседании членов Оренбургского отдела Русского географического общества под председательством генерал-майора Л.Ф. Баллюэка был заслушан доклад «Свадьба у киргиз» переводчика Оренбургского укрепления Ибрагима Алтынсарина (1841-1889). Председатель отметил, что все условия и подробности брака в среде кочевников, литературные достоинства языка сделали доклад И. Алтынсарина ценным приобретением по этнографии казахов, бытовая жизнь которых до сих пор еще мало исследована. Признавая эти достоинства за очерком И. Алтынсарина, общее собрание рекомендовало доклад к печати в периодическом издании Общества¹³⁶. В первом выпуске «Записок» были опубликованы статьи И. Алтынсарина «Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства» и «Очерк обычаев при похоронах и поминках у киргизов Оренбургского ведомства»¹³⁷.

В декабре 1876 года Оренбургский отдел ИРГО разослал местным корреспондентам программы для собирания исторических и географических сведений. В списках корреспондентов по Тургайской области, которым была адресована программа, значились казахи, находившиеся на службе, в частности письмоводитель Хпмза Харджасов, младший помощник Дербисали Беркимбаев, народный судья Баймухамед Наурызбаев и др.¹³⁸

Хамза Карджасов, уроженец станицы Усть-Уйской, выпускник Оренбургской фельдшерской школы при военном госпитале, письмоводитель уездного управления в Кустанае, будучи корреспондентом Оренбургского отдела ИРГО, представил в географические сведения о местности реки Аят. В последующем на основании сбора этих данных он написал статью о топонимике Тургайской области, а именно «Происхождение слов: Аман-Ка-

---

¹³⁵ Зобов Ю.И. Этнография и фольклор Оренбургских казаков в трудах исследователей последней трети XIX – начала XX вв. // Этнопанорама, № 2. – Оренбург, 2000. – С.43-48

¹³⁶ ГАОРО Ф.94, Оп.1, Д.6

¹³⁷ Записки Оренбургского отдела ИРГО. Выпуск №1. – Казань, 1870. – 300 с.

¹³⁸ ГАОРО Ф.94, Оп.1, Д.43

рагай, Наурузум, Тирсак, Толагай-Тепке, Джанабике, Сарытоин»¹³⁹. Затем работал при султানে-правителе Восточной части орды, после шесть лет был врачом в школе для казахских детей в Оренбурге. В 1870-х годах Хамза Карджасов работал¹⁴⁰.

Баймухамед Наурызбаев, казах Тургайской области, народный судья Кустанайского уезда был корреспондентом, затем стал членом-сотрудником Оренбургского отдела ИРГО¹⁴¹. Он собирал сведения по истории, культуре и географии Николаевского уезда¹⁴². На основании этих сведений в «Тургайской газете» он опубликовал серию статей. В статье «Дамбарская волость Николаевского уезда» (1895 г., №3, 15 января) автор, описывая процесс обручения жениха и невесты детского возраста, выступил против системы калыма и ранних браков. Продолжение этой темы имело место в его статье «О киргизских женщинах» (1898 г., №21), где автор затронул гендерную проблему в казахском обществе, раскрывая положение женщины в семье, в быту. Автор поднимал и такие социальные вопросы, как состояние по оказанию медицинской помощи в казахских аулах и др. Активно участвовал в работе географического общества и чиновник Илецкого и Иргизского уездных правлений Дербисали Беркимбаевич Беркимбаев (1838-1913), ставший в 1879 году членом-сотрудником Оренбургского отдела РГО. Д. Беркимбаев принимал активное участие в организации Тургайского областного музея¹⁴³. В 1895 году в «Тургайской газете» им была опубликована статья «Древние развалины и курганы в Киргизской степи» (№ 38, 17 сентября)¹⁴⁴.

В 1896 году Оренбургский отдел ИРГО и Оренбургская Ученая архивная комиссия приняли участие в подготовке и проведении Всероссийской художественной и промышленной выставки

---

¹³⁹ Галиев В.З. Казахстан на страницах дореволюционной печати: Сибирская газета, Тургайская газета. – Алматы, 2001. – С.27

¹⁴⁰ Галиев В.З. Медицинская деятельность ссыльных революционеров в Казахстане (вторая половина XIX в.). – Алма-Ата: Казахстан, 1982. – 160 с. – С.129

¹⁴¹ Известия Оренбургского отдела ИРГО. Приложение к отчету за 1899 г. №1. Вып. №15. – Оренбург, Типо-литография Ф.Б.Сачкова, 1900. – 124 с. – С.2

¹⁴² ГАОрО Ф.94, Оп.1, Д.43

¹⁴³ Галиев В.З. Караванные тропы: (Из истории общественной жизни Казахстана XVII-XIX веков). – Алматы: Атамура, 1994. – 128 с. – С.104

¹⁴⁴ Галиев В.З. Казахстан на страницах дореволюционной печати: Сибирская газета, Тургайская газета. – Алматы, 2001. – 185 с. – С. 29

в Нижнем Новгороде. Образованный ими Выставочный комитет проделал большую работу по сбору казахских экспонатов. Казахские экспонаты собирали для выставки уездные и волостные чиновники, среди которых особенно выделялись Дербисалий Беркимбаев, Сеитбатал Нурмухамедов¹⁴⁵.

К 1900 году в составе членов Оренбургского отдела ИРГО насчитывалось десять казахов. Действительными членами общества являлись Ишъ-Мухамед Асатович Асатов, Бекмухамед Карпыкович Карпыков, Умуртай Кунтекович Кунтеков, Нуркан Мурзабакинович Саванбаев, Саутбай Тлемисович Тлемисов, Минайдар Яраспаевич Яраспаев. Членами-сотрудниками общества были Дербисали Беркинбаевич Беркинбаев, Бейбит Даулбаевич Даулбаев, Баймухамед Наурызбаевич Наурызбаев, Тлеумухамед Айтюрин Сейдалин¹⁴⁶.

Изучением истории казахского общества занимались и русские чиновники, в частности член-сотрудник Оренбургского отдела ИРГО, окружной инспектор Оренбургского учебного округа А.В. Васильев (1861-1943). Он записал текст песни «Уш жигит» в Иргизском уезде Тургайской области, затем провел сравнительный анализ текста различных вариантов аналогичной песни в других уездах Тургайской области. А.В. Васильев отметил, что «некоторые строфы передаются совершенно иначе» у казахов Тургайского уезда¹⁴⁷.

Ветеринарный врач Тургайской области А.И. Добросмыслов (1854-1915), являясь членом-сотрудником Оренбургского отдела ИРГО, внес в клад в изучение истории и культуры казахского кочевого общества¹⁴⁸. На страницах «Известий» Оренбургского отдела ИРГО был опубликован его фундаментальный труд «Тургайская область»¹⁴⁹. Эта работа имеет научную ценность и сегодня.

---

¹⁴⁵ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С.244

¹⁴⁶ Известия Оренбургского отдела ИРГО. Приложение к отчету за 1899 г. №1. – Вып. №15. – Оренбург, Типо-литография Ф.Б.Сачкова, 1900. – С.1-2

¹⁴⁷ Васильев А.В. Киргизская песня о трех молодцах.// Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. XI. – Оренбург, 1897. – С.93-122

¹⁴⁸ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С.242

¹⁴⁹ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк.// Известия Оренбургского отдела ИРГО, Вып. XV, 1900. – 124с.; Вып. XVI, 1901. – 272 с.; Вып. XVII, 1902. – 524 с.

Таким образом, программы и инструкции этнографического отделения Оренбургского отдела Русского географического общества были научным руководством для изучения культуры кочевых народов Южного Урала во второй половине XIX века. Большое внимание в программах и инструкциях этнографического отделения общества было уделено изучению культуры казахского и башкирского народов, Оренбургского и Уральского казачества, финно-угорских (мордва, мари, чуваша) и восточнославянских народов (русские, украинцы). Внедрение проектов этнографического отделения Оренбургского отдела ИРГО позволило проводить более тщательное и научно обоснованное изучение культуры казахского, татарского и башкирского народов, составляющих наиболее крупный массив населения на территории Южного Урала.

Анара Смагулова

Юго-Западный Алтай: имперская практика географического описания

Юго-Западный Алтай. Почему географическое название участка горной системы Большого Алтая стало главным участником в определении исследованной нами темы?

Что это? Пространство, горная система, реки и озера, флора и фауна? Какое значение имеет Алтай в историческом исследовании казахского народа во второй половине XVIII – 60-е гг. XIX вв.?

Целый ряд вопросов, поставленных нами, вызваны предыдущими исследованиями истории, географии, культуры народов, заселяющих пространство Алтая. Так сложилось, что многие модели гуманитарных исследований, основанные на локальном, региональном подходе, использовали географию в качестве фонового содержания социальных процессов, в качестве молчаливого участника как объекта освоения, колонизации или военных действий.

Обычно географические регионы в исторических исследованиях о колонизации в имперский период представлены как «особое место в Евразии в силу своей пограничности», как дихотомия «центр-периферия», «азиатская окраина Российской империи»,

«фронтир» и т.д. Данные подходы вызвали у нас стремление проблематизировать географию региона как действующее живое пространство, которое не играет роль подчиненного, используемого как фон для социального действия.

В поисках интеллектуального опыта осмысления географического пространства как поля, формирующего локальные культуры и истории человеческих обществ, мы обратились к истоку данного направления, а именно к французской Школе анналов. Один из ее представителей, Фернан Бродель в середине XX века написал большое исследование «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»¹⁵⁰.

Говоря его словами, можно представить себе любую географическую зону в историко-культурном контексте: «Перейти от средиземноморского пространства в собственном смысле, ограниченного климатическими рамками, к Средиземноморью в расширенном понимании, к которому тяготеет указанное пространство, означает перейти от некой природной целостности к тому социальному целому. ...Это целое не является природной данностью и, точнее говоря, не вытекает из простого наличия Средиземного моря. Наличие моря подразумевает все, что ему приписывают – единство, средства передвижения, обмен, сближение, при условии, что люди прилагают соответствующие усилия, соглашаются заплатить требуемую цену. В то же самое время море означает и долгое время означало разобщение и преграду, которую следовало бы преодолеть»¹⁵¹.

Пространство и его условия, такие как рельеф, климат, природные ресурсы, – все это обширное поле для изобретения и воспроизводства пространственных практик, начиная от экономики заканчивая культурным капиталом и символической властью.

Еще один опыт, мега-проект «Spatial History Project» (в пер. «Проект Истории Пространства»), реализуемый в стенах Стенфордского университета, основателем которого является американский историк Ричард Уайт. Основатель данного проекта от-

---

¹⁵⁰ Бродель Фернан Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с. (Studiahistorica).

¹⁵¹ Бродель Фернан Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. Москва. Языки славянской культуры, 2002. – 496 с. (Studiahistorica). – С. 385.

талкивается от предыдущих геоисторических и геокультурных исследований в Европе, основателями которых являлись представители Школы Анналов (Франция).

Ричард Уайт в одной из научных статей сформулировал концепцию и актуальность пространственного метода в общих чертах: «Историки по роду своего занятия всегда фокусируются на времени. Поэтому хронология всегда будет оставаться в центре дисциплины, которая стремится объяснить изменения течением времени, но этот факт всегда оставляет возможность географам обвинить историков в том, что они пишут историю, как будто она происходила на булавочной головке. Обвинение не совсем верно, но иногда близко к правде. Многие из классических историй последнего полувека – от Фернана Броделя «Мир Средиземноморья» до «Метрополиса Природы» Уильяма Кронона – были пространственными в смысле изменения пространственных отношений, которые лучше всего объясняют характер изменений во времени. Когда Уильям Кронон переиздал старое издание Чарльза Полина, показывающее изменение во время путешествия из Нью-Йорка в различные части Соединенных Штатов, он дает наглядное представление о взаимосвязи пространства и времени. Это ранний пример того, что я называю пространственной историей. Проблема с ссылкой на исключительные пространственные истории заключается в том, что эти истории являются исключительными. Историки до сих пор регулярно пишут о политических переменах, социальных изменениях, классовых отношениях, отношениях между полами, культурных изменениях, как будто пространственные измерения значат мало. Удивительно, что с точки зрения исторического пространства, теории всегда занимали важное место в течение достаточно значительного времени. Работа «Производство пространства» Анри Лефевра навела поколение историков на мысль, что пространство не является ни просто естественной географией, ни пустым контейнером для заполнения историей. Это, скорее что-то, что люди производят в течение долгого времени – пространственное смещение отношения и изменения. Пространство само по себе категория историческая. Лефевр, который был философом, не географом, упоминал в своей работе три формы пространства, которые он назвал «пространственная практика», «представление пространства» и «представительское пространство». Пространственная практика, с одной стороны, это движение

в наших домах – от спальни до кухни, до ванной, до гостиной. В другом масштабе, это наше движение от дома до работы по инфраструктуре тротуаров, дорог и поездов. Дальнейшее увеличение масштаба создает наши движения на расстояния через аэропорты по воздушным трассам. Пространственная практика предполагает разделение некоторых видов построенных пространств и их связей через движения человека»¹⁵².

Исходя из американской школы истории пространства, можно заключить, что пространство имеет свою самостоятельную историю – в рамках технологии его использования, моделирования и взаимосвязанности – все это естественно создается руками человека, но человек подчиняется структуре пространства – его рельефности, климату, ресурсам, обустройство учитывает все особенности региона.

И наконец, на сцене постсоветской науки появляется «геокультурный образ», который представил российский географ и культуролог Д.Н. Замятин¹⁵³.

Геокультурный образ, по Д. Замятину, это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования культур и цивилизаций¹⁵⁴. Он также вкладывает в него потенциал формировать глобальные стратегии поведения наиболее крупных политических, экономических и культурных акторов. Нельзя не согласиться с его мнением, что к геокультурам относятся и большинство империй, формирующих свои культурные круги (геокультурные периферии).

В итоге мы обнаруживаем, что географический детерминизм открывает нам новые вопросы для исследований Алтая, открывает возможности изучения истории региона в новых исследовательских практиках в мировой науке.

От экспедиции до текстуализации

Впервые географическое название Юго-Западный Алтай было закреплено текстуально в имперском дискурсе, вошедшее в

---

¹⁵² Richard White. What is Spatial History?//<http://web.stanford.edu/group/spatialhistory/cgi-bin/site/pub.php?id=29>

¹⁵³ Замятин Д.Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации. // <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3223>

¹⁵⁴ Замятин Д.Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации. // <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3223>.

него с момента экспедиционных исследований географов Российской империи в период XVIII-XIX веков.

Введение Алтая в академическое знание Российской империи осуществлялось усилиями научных экспедиций ученых Петербургской Академии наук, мы намеренно исключаем из нашего поля ряд военно-разведовательных экспедиций, так как они имели совсем иные цели и задачи в обследовании региона. Приведем несколько фактов научных исследований окраин Российской империи.

Научное изучение Алтая было включено в планы масштабных полевых работ государства, развернувшихся на территории от Урала до Камчатки. В 1733 году пионерами-естествоиспытателями были участники Второй Камчатской экспедиции 1733-1743 г. под руководством В. Беринга. В ее составе принимали участие Иоганн Георг Гмелин (1709-1755) и Герард Фридрих Миллер (1705-1783).

В 1770-1774 годах по поручению Академии Наук Иоганн Готлиб Георги (отчасти вместе с Фальком) посетил Астрахань, берега Урала, кочевки башкир, Барабинскую степь, Колыванские серебряные рудники, Алтай, Томск, Иркутск, Байкал, который снял на карту, и Даурию для ознакомления с ее рудными богатствами.

На основании собственных наблюдений и сведений, взятых у других исследователей, И.Г. Георги создал свое самое известное сочинение – «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». Его перу принадлежат «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга» и подробный девятитомный естественно-исторический и физико-географический обзор России.

Немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник Александр Гумбольдт в 1829 г. по приглашению русского правительства путешествовал по России и Западной Сибири, посетил Алтай. В 1829 г. он посетил Барнаул, исследовал Колыванское озеро, побывал на Змеиногорском, Риддерском и Зыряновском рудниках, в Горном Алтае – до горы Белухи. Гумбольдт вел астрономические, магнитные, физические и естественно-исторические наблюдения.

В целом, европейский опыт был успешно перенесен в российскую академию, для создания научных данных, картографирования и обследования колониальных окраин. Весь этот интел-

лектуальный опыт воплотился в многотомных трудах, ставших базой для развития русской ориенталистики. Благодаря проведенной работе имперских ученых была создана большая отрасль востоковедного знания, которая впоследствии послужила источниковой базой в советский и постсоветский период.

Нужно заметить, что на протяжении XVIII века эту миссию выполняли зарубежные ученые (Гмелин, Георги, Гумбольд, Леденбург, Бунге, Мейер), которые экстраполировали научные методики и подходы из имперской Европы. Многие труды также издавались за пределами Российской империи, изучались европейской аудиторией, чиновниками и интеллектуалами. Постепенно опыт был взят на вооружение сибирскими интеллектуалами, стали возникать локальные отделения Императорского Русского Географического общества, которое, по сути, являлось главным институтом производства имперского знания и появления научных школ, не только среди российских ученых, но и из рядов местных колониальных элит – татарской, казахской, хакасской, бурятской и др.

В XIX веке научные экспедиции продолжались Г. Спасским, В. Сапожниковым, Н. Пржевальским, Грум-Гржимайло, Н. Потаниным – это уже были макро-исследования в рамках Центральной Азии, включавшие Монголию, Китай, Киргизский край, Тибет, Туркестан, Хивинское ханство.

Картография

Параллельно с путешествиями и экспедициями развивалось имперское картографирование, фиксировавшее географию окружающего империю пространства. Самым первым государственным заказом на заре империи стало создание «Чертежной карты Сибири» по приказу Петра I. Сущность этого предприятия заключалась в военно-организационном подходе к осмыслению «Дикого поля», по другую сторону южных и восточных окраин Российского государства. Сам характер азиатского пограничья России был размытым, тогда в ней не существовало делимитации границ, в европейском стиле. Этот процесс не торопили развивать, так как были явные возможности расширять пространство империи за счет поглощения новых земель. Путь к Индии должен был пролегать через Центральную Азию, значит эта территория подлежала исследованию на предмет завоеваний для дальнейшего российского продвижения вглубь континента.

Картографический проект XVII века был признан успешным достижением российской картографии, по оценке казахстанского историка И. Ерофеевой, «из всех карт атласа С.У. Ремезова самое большое научно-практическое значение имеет для изучения истории и исторической этногеографии Казахстана «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи», обобщивший наиболее достоверные сведения о смежных с Сибирью регионах Центральной Азии, которые были накоплены в России к началу XVIII в.»¹⁵⁵.

В XVIII веке было создано немало карт Центральной Азии: карты Й.-Г. Рената, Карла Миллера, И. Красильникова, Зейферта они имеют большое значение не только для «развития пространственно-географического мышления современных историков»¹⁵⁶, но и для исследования структуры, концепций и методик производства имперского знания, как символической власти имперского центра в контексте легитимации своего господства и в соперничестве с другими морскими и континентальными империями.

Юго-Западный Алтай в «Полном географическом описании»

Два столетия научной деятельности в масштабах большей части евразийского континента постепенно вылилось в создание географического описания Российской империи в серии книг «Полное географическое описание». Это подробное пособие по географии, истории, экономике и социальной сфере разных уголков Российской империи. Изданием руководил знаменитый географ, вице-председатель Императорского Русского Географического Общества – Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Серия издавалась в 1899-1914 годах, в количестве 11 томов¹⁵⁷.

Монументальный труд стал важным событием не только для имперской науки России, но и для всей системы производства имперских знаний Евразии. До сих пор этот труд служит важным

---

¹⁵⁵ Ерофеева Е.И. Географические карты XVIII века как источник по истории, этнографии и исторической топонимике Казахстана // История Казахстана в документах и материалах. – Альманах. Вып. 1. – Алматы: «Издательство LEM», 2011. – С.335.

¹⁵⁶ Ерофеева Е.И. Географические карты XVIII века как источник по истории, этнографии и исторической топонимике Казахстана // История Казахстана в документах и материалах. – Альманах. Вып. 1. – Алматы: «Издательство LEM», 2011. – С.354.

¹⁵⁷ Россия. Полного географического описания нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край / под ред. П.П. Семенова. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена. 1903. – С.4.

источником для развития научных изысканий в различных отраслях естественнонаучного и социально-гуманитарного знания.

Наше обращение к этому труду не случайно, так как именно в 8 томе «Полного географического описания» мы смогли обозреть пространство империи, зафиксированное в естественнонаучных определениях академического знания XIX века.

Предисловие, написанное В. Семеновым к 18 тому «Полного географического описания», выявляет основной прагматический подход государства, используемый в колонизации окраин империи. Он заключался в категориях, свойствах и описаниях, формирующих образ Киргизского края. Это была государственная, имперская география.

Во-первых, анализируя источник, мы видим, как взгляд империи через географию региона выражен в оценке его рельефа с точки зрения оседлой экономики – земледельческой культуры и горнодобывающей отрасли. Делая беглый обзор рельефа Киргизского края, В. Семенов, делает позитивную оценку лишь отдельным частям региона: «...Только эта благодатная полоса «мелкосопочника», так же как долины Юго-Западного Алтая, Тарбагатая, Саура, долины Иртыша и Урала, да узкая полоса лесостепи и травяных степей в северной части Киргизского края – и пригодны для земледельческой культуры и оседлости. Все же остальные пространства описываемого края представляют собою совершенно пустынную, горькосоленую страну с песчаными барханами, самосадочными озерами, солончаками и узкими солеными реками, впадающими в воздушный океан, – страну, получившую столь резкое и типичное внешнее выражение в Голодной степи»¹⁵⁸.

Во-вторых, если опустить авторский краткий идеологизированный исторический экскурс о борьбе кочевников с Русью, то следуя по источнику, мы видим особенности устройства границы с кочевниками Киргизского края. Немного ранее, мы обращали внимание на сущность понимания пограничья на южных и восточных окраинах России, о том, что они были дисперсными, размытыми границами, не имевшими четких очертаний и ограждений, как это было принято на западных рубежах с Европой.

---

¹⁵⁸ Россия. Полного географического описания нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край / под ред. П.П. Семенова. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена. 1903. – С.4.

Причина, которая обращает нас к отличию пограничного устройства с запада, заключается в том, что строительство укрепленных линий с военизированными форпостами на границе с кочевниками, ни для кого не секрет, является больше стратегией, нежели границей, по существу.

«Образование укрепленных линий (прим. автора – Горькой и Иртышской) на окраине Киргизской степи достигло своей главной цели – охранения безопасности русской колонизации и развития земледельческой культуры на юго-востоке Европейской России и в Западной Сибири»¹⁵⁹.

Эта цель имела второстепенное значение по сравнению с другой, озвученной В. Семеновым: «...Таким образом, к половине XIX века завершилось подчинение России всего Киргизского края. Для ограждения его со стороны Китая мирная русская колонизация стала водворяться вдоль естественных (горных) границ с Поднебесной Империей, выдвинув на юг передовое русское поселение – нынешний г. Верный – к подножию снеговых гор Тянь-Шанской системы»¹⁶⁰.

Историк международной дипломатии в Центральной Азии, известный казахстанский синолог К.Ш. Хафизова очень подробно раскрыла вопрос о борьбе между Цинской и Российской империями за господство в казахских владениях. Анализ архивных источников длительного дипломатического процесса привел автора к выводу о том, что «Соперничество между Российской и Цинской империями за влияние в Казахстане объективно привело к поддержанию казахами своей государственности до конца XIX века и его широким международным связям»¹⁶¹.

Перейдем к научным данным 18 тома «Россия. Полного географического описания нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край». Согласно оглавления тома, материалы в отделе 1. Природа были подготовлены А.Н. Седельниковым.

---

¹⁵⁹ Россия. Полного географического описания нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край» / под ред. П.П. Семенова. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена. 1903. – С.4.

¹⁶⁰ Россия. Полного географического описания нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край» / под ред. П.П. Семенова. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена. 1903. – С.5.

¹⁶¹ Хафизова К.Ш. Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Издательский дом «Таймас», 2007. С.92.

Автор главы под названием «Формы поверхности и строение земной коры в пределах Киргизского края» был уроженцем села Большенарымское на Южном Алтае.

А.Н. Седельников являлся активным членом Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Подготовил к печати, опубликовал и ввел в научный оборот десятки научных трудов по истории, географии, ботанике, зоологии, геологии, археологии, этнографии Сибири и Казахстана; привел в порядок собрания Омского музея; много выступал с лекциями о растительном и животном мире Юго-Западного Алтая в Омске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске.

Этот факт свидетельствует о многом в пользу научности содержания многотомного труда, так как в состав его авторов привлекались исследователи-краеведы, много лет профессионально занимавшиеся изучением регионов. Этот внушающий доверие аспект позволил нам внимательно знакомиться с материалами этого издания и определиться с географическим описанием Юго-Западного Алтая в контексте имперской географии Российской империи.

По словам А.Н. Седельникова, «в пределы Киргизского края входит только небольшая часть ее (прим. автора – Алтайской горной области) – юго-западная. Самым высоким местом ее следует считать восточный угол Семипалатинской области, где лежит один из высочайших горных узлов всей Алтайской системы гор, известный под разным названием, с главной вершиной Кий-ын. От этого узла горы расходятся в различные стороны; самая значительная ветвь идет на юг, в пределы Китая, и известна на старых картах под именем Эктаг (кит.) – Алтай. Почти такой же высоты достигает ветвь на западе, чаще известная под общим именем Большого Алтая»¹⁶².

К горному участку Юго-Западного Алтая были отнесены ответвления – Саур, Тарбагатай, Нарымский хребет, Курчумские горы (с группой Сары-Тау) и горный узел Южного Алтая.

В описание Юго-Западного Алтая было включено перечисление удобных горных перевалов Нарымского хребта:

---

¹⁶² Россия. Полного географического описания нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край / под ред. П.П. Семенова. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена. 1903. – С.31.

– Мын-Булакский перевал, ведущий на юго-восток, в долину притоков реки Курчум;

– Перевал по горным склонам Сары-Чеку, близ устья р. Балгына;

– Перевал по северным склонам Джайзака.

Этими перевалами пользовались как местное население, так и золотопромышленники.

Из Зайсана через Саур есть два прохода:

– Уйдонский переход в долину Чиликты;

– Кендерлыкский переход в пределы Китая.

Через Нарымский хребет из долины р.Бухтармы в долину р.Кабы наиболее удобными указывались:

– Югунтас (горная вершина) в сторону Курчума;

– Сарымсакты выходит в верховья р.Курчум;

– Байберды близ д. Черновой к горам Кезен на запад к озеру Маркаколь;

– Бурхат начинается от пикета Чингистай в долину р.Кабы;

– Ушкунгуй, Убалы, Тау-Текеле, Баканас, Канас, Курту, Огульгун – ведут в долину р.Кабы и в китайские пределы, некоторые из них известны под именем «воровских», т.е. таких, по которым ездят только «барантаци» (конокрады)¹⁶³.

Перевалы являлись стратегическими пунктами на горных дорогах Юго-Западного Алтая, связующих линий, пересекавшие горы. Многие пути стали в будущем соединять не только отрезки имперских владений, но и центры торговли России и Китая: Семипалатинск – Чугучак, Семипалатинск – Кобдо, Зайсан – Чугучак, Семипалатинск – Зайсан.

Наиболее ярко описываемым географическим объектом в 18 томе мы увидели обзор Бухтарминско-Алтайского тракта из Усть-Каменогорска. Путь был основан в 1760 году. Это была самая ранняя и самая востребованная дорога империи, которая пересекала территорию Юго-Западного Алтая, постепенно расширявшая зону расселения и хозяйственного освоения региона русскими переселенцами.

Бухтарминско-Алтайский тракт выполнял важную стратегическую задачу соединения с водным путем к Семипалатинску с

---

¹⁶³ «Россия. Полного географического описания нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край» / под ред. П.П. Семенова. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена. 1903. – С.32.

прилегающими провинциями Китая. Цель создания пути объяснялась необходимостью защиты алтайских горных заводов Кабинета Его Императорского Величества от нападений во время джунгарско-китайского противостояния.

Несмотря на то, что 8 том был опубликован в 1903 году и соответственно включает в себя весь процесс русской колонизации включительно до конца XIX века, считаем, что данный географический обзор содержит массу информации о раннем этапе организации пространства XVIII века, который последовательно перешел в более поздний период колонизации к рубежу XIX-XX столетий.

Мы воспроизведем движение тракта по 8 тому в более сжатом виде, чтобы можно было представить его ареал и ключевые позиции.

Основное внимание в обзоре Бухтарминско-Алтайского тракта А.Н. Седельников обращает на создание стратегических пунктов пути – станции, крепости, поселки¹⁶⁴.

Это направление первоначально открыто вольными колонизаторами, как писал А.Н. Седельников, называя первых основателей русских поселений, бежавших от невольного труда на горнодобывающих рудниках. Эти земли были самыми труднопроходимыми и неприступными, со множествам природных препятствий.

Путь, начинавшийся из Усть-Каменогорска, направлялся на восток до станции Ульбинской. Далее по этому пути стояли «коммуникационные редуты» Феклистовский, Северный и Березовский основанные в 1796 году. Данный участок пролегал по левому берегу реки Ульба, пересекал ущелье Проходное и высокий трудный перевал Коровье седло, до поселка Северный. Через каменные ущелья путь достигал станции Александровской, после которой дорога шла по горным лугам к поселку Березовский.

Следуя по невысоким каменистым возвышенностям, путь приводил к Бухтарминской станице. Она была одной из первых крепостей участка Юго-Западного Алтая, построенная в 1781 году. По пути из Бухтарминской станицы к поселку Вороньему было два ответвления дороги в сторону Зырянского рудника, один был сухопутным, а другой вел к р.Иртыш на Гусиную пристань, для сплава руды до Усть-Каменогорска.

---

¹⁶⁴ Россия. Полного географического описания нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край / под ред. П.П. Семенова. – СПб.: Издательство А.Ф. Девриена. 1903. – С. 416-432.

Вдоль юго-западного склона гор и вдоль Иртыша путь пролегал через поселок Черемшанский до поселка Мало-Красноярский, пересекая широкую долину реки Таволжанка к берегу Иртыша. В нескольких верстах от Мало-Красноярского поселка от селения Буконь, была дорога до Кокпекты.

Следующей станцией по тракту был Больше-Нарымский поселок, в долине Нарымского хребта, через долину р. Чиркаин (Хайрузовка). Сам поселок располагался на правом берегу р. Нарым, через этот поселок также проходила дорога на Зыряновский рудник.

До поселка Мало-Нарымский дорога поднимется на невысокие горы Ак-Жал и пересекает долину р. Каразюк. Отсюда пересекая живописные долины Нарымского хребта и Май – Эмирской степи через д.Таловка и Медведка путь достигает станицы Алтайской (1871 г.). Территория долины верхней Бухтармы до 1871 года входила в состав китайских владений. Станица лежит у подошвы Нарымского хребта, на берегу р.Сарымсакты, впадающей в р.Кульмес (левый приток р. Бухтармы). В двух верстах от станицы лежит деревня Котон-Карагайская, раньше в ней находился пограничный военный пост, который потом был переведен в Кош-Агач. От Алтайской станицы через Нарымский хребет есть проходы Байберды, Маркас, Бурхат. Эти перевалы находятся рядом с Чингистайским пикетом, где стоит пограничный казачий пикет.

Следующий пункт тракта – поселок Урульский (осн. в 1871 г.) как военное пограничное поселение. Оттуда следует два пути в деревню Берель и на Арчаты, которые входили в состав Томской губернии. На 54-й версте от Урульского пикета идут две тропы, сходящиеся на урочище Кош-Агач (в составе Томской губернии). Кош-Агач – небольшое селение между Россией и Монголией, здесь проходит известный торговый Чуйский тракт.

Пограничный пикет Укок стоит на границе с г. Кобдо (западная Монголия, входившая в состав Китая), он выполняет те же функции, что и Урульский пикет.

Ономастические трансформации Юго-Западного Алтая

Подробное географическое описание Юго-Западного Алтая содержит в себе комплекс новых ономастических изменений, которые трансформировали карту региона. Для анализа и расшифровки данного процесса обратимся к современным казахс-

танским ономастическим исследованиям региона в исторической ретроспективе.

Ономастическое пространство, по словам Г.Б. Мадиевой, представляет собой совокупность всех собственных имен, функционирующих в языке и речи, которые в соответствии с таксономическим принципом классификации вещей и предметов делятся на определенные разряды и классы, занимающие в зависимости от наличия/отсутствия тех или иных онимических признаков определенные зоны в ономастическом пространстве¹⁶⁵.

Исследователь Мадиева Г.Б. считает, «что русское ономастическое субпространство Казахстана представляет собой особое региональное образование (по сравнению с Россией), так как его различные зоны и поля включают как имена собственные, созданные в пределах Казахстана, так и русские имена собственные, характеризующие ономастическое пространство России. Так мощным фундаментом для формирования русской топонимической системы на территории Казахстана как одного из фрагментов ономастического пространства послужили казахские названия, которые функционально адаптированы русским языком, и собственно русские названия»¹⁶⁶.

Систематизация вариантов происхождения и семантики русских топонимов была проведена ученым Мырзахметовым М.¹⁶⁷:

- Способ названия новых колонизированных земель именами царей из династии Романовых и великих князей, военачальников, непосредственно участвовавших в колонизации, генерал-губернаторов, царских деятелей;
- Способ названия населенных пунктов именами православных духовных лидеров, миссионеров, святых, духовных деятелей, духовных праздников и известных церквей;
- Способ повторения названий метрологического центра на новых колонизированных землях;

---

¹⁶⁵ Мадиева Г., Сапашев О., Бияров Б., Алимхан А., Смаилова А. Топонимическое пространство Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск: Рекламный Дайджест. 2008. – С.36.

¹⁶⁶ Мадиева Г., Сапашев О., Бияров Б., Алимхан А., Смаилова А. Топонимическое пространство Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск: Рекламный Дайджест. 2008. – С.37.

¹⁶⁷ Алимхан А. Лингвистические и этнокультурные основы топонимов южного региона Восточного Казахстана / Мадиева Г., Сапашев О., Бияров Б., Алимхан А., Смаилова А. Топонимическое пространство Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск: Рекламный Дайджест. 2008. – С.138.

- Способ кальки, то есть названия на казахском языке переименовывали русским переводом;

- Способ называния именами принцев и царей из династии Романовых с добавлением слова «Ново», учитывался и способ названия именами простых людей.

На первом этапе русского миграционного потока в XVIII веке на территорию казахских владений по Иртышской казачьей линии было основано несколько крепостей: Омская, Ямышевская, Железинская, Усть-Каменогорская и Семипалатинская.

В 1782 году на Рудном Алтае, сообщает Мадиева Г.Б., было около 15 населенных пунктов с русскими названиями: Бобровка, Красноярка, Крутоберезовка, Плоская, Прапорщиково, Зевакино, Секисовка, Глубокое, Выдриха, Шемонаиха, Убинка и др. К этому периоду исследователь относит гидронимы, образованные при помощи суффиксов женского рода -их(а), -ух(а), -юх(а), которые по ссылке на мнение А.В. Суперанской, относятся к архаичным и непродуктивными. Автор приводит далее точку зрения А.В. Суперанской, что эти суффиксы не являются специально топонимическими, они могут участвовать в образовании нарицательных слов, а также прозвищ и являются словообразовательными средствами просторечной речи: Талиха, Выдриха, Гришиха, Грязнуха, Громотуха, Комаруха, Щебенюха, Синюха и т.д. (всего зафиксировано 42 гидронима)¹⁶⁸.

Топонимы первого этапа были созданы сибиряками-старожилами: сибирскими казаками, вольными «каменщиками», староведами-«поляками», так как указанные выше гидронимы, по словам исследователя, являются маркером речи номинаторов, вносившие экспрессивно-просторечную окраску.

Второй этап заселения во второй половине XIX века внес на карту Юго-Западного Алтая новые топонимы, связанные с активизацией переселения русских и украинских крестьян, поэтому многие топонимы внесли новый стиль наименования, с суффиксом – а по ссылке на Суперанскую А.В., Мадиева Г. относит к собственно русским и украинским топонимам. Автор приводит в пример следующие топонимы: Орловка, Медведка, Александ-

---

¹⁶⁸ Мадиева Г. Заимствованные топонимы как отражение миграционных процессов. / Мадиева Г., Сапашев О., Бияров Б., Алимхан А., Смаилова А. Топонимическое пространство Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск: Рекламный Дайджест, 2008. – С.50.

ровка, Архиповка, Селезневка, Грачевка, Песчанка, Глубочанка, Серебрянка, Ильинка¹⁶⁹.

Помимо внесения на карту региона новых топонимов русского происхождения, параллельно шел процесс гибридизации между русским и казахским языковым пространством. Это выразилось, прежде всего, в названиях, подвергшихся фонетической, морфологической и словообразовательной ассимиляции русским языком казахских названий. К этим процессам Мадиева Г. относит следующие действия¹⁷⁰:

- субституция¹⁷¹ казахских звуков соответствующими русскими: Қызыл су – Кизилсу, Бөкен – Буконь;

- замена согласных, что, возможно, обусловлено чередованием ш/ч в говорах казахского языка, параллельно может происходить субституция гласных звуков – Аршаты – Арчаты, Шетозен – Чет-узен;

- эллизия¹⁷² гласных под влиянием регрессивной ассимиляции, происходящей в разговорной речи казахского населения: Сарыалқа – Сарыалка, Екіаша – Икаша, Қараағаш – Карагач;

- оформление грамматического рода казахским топонимов на основе формального показателя и соотнесения с объектом: река Дженечка;

- в результате фонетической адаптации происходит ремотивация топонима: Бельдеевский ручей вместо Белдіюзек, Концарь вместо Кансар, Богомюс вместо Бұғымүйіз;

- частичное или полное калькирование: Қара Ертіс – Черный Иртыш, Қарасу – Чернушка, Сарымсақты – Чесноковка;

---

¹⁶⁹ Мадиева Г. Заимствованная топонимия как отражение миграционных процессов. / Мадиева Г., Сапашев О., Бияров Б., Алимхан А., Смаилова А. Топонимическое пространство Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск: Рекламный Дайджест. 2008. – С.51-52.

¹⁷⁰ Мадиева Г. Заимствованная топонимия как отражение миграционных процессов. / Мадиева Г., Сапашев О., Бияров Б., Алимхан А., Смаилова А. Топонимическое пространство Восточного Казахстана. – Усть-Каменогорск: Рекламный Дайджест. 2008. – С.52.

¹⁷¹ СУБСТИТУЦИЯ [лат. substitutio – подстановка] – 1) замещение, подстановка; замещение одного лица другим; 2) лингв. замещение одного звука другим.

¹⁷² ЭЛЛИЗИЯ (от лат. *ēlīsiō* «выдавливание», «выталкивание») в лингвистике – опадение звука (гласного, согласного или слога) в слове или фразе с целью облегчения произношения для говорящего. Иногда звуки могут быть опущены с целью улучшения благозвучия.

- образование модели по законам русского словообразования: Сырой Мараленок, Белопорожная Уба, Таловый Тургусун, Ерохина Уба и тд.

Анализ маркеров имперской географии Юго-Западного Алтая

Разбор основных маркеров имперской географии Юго-Западного Алтая – описания территории и ономастического пространства привел нас к следующим выводам:

Научные исследования были предприняты в эпоху провозглашения Российского государства как империи, начиная с Петра Великого. В этот период начался перенос научных методов исследования из Европы, произошло становление научной школы естественнонаучного знания. Иностранные ученые принесли в Россию свои знания, создали Академию на основе западного опыта и внесли большой вклад в ее развитие. В этом Россия оказалась большим полем для исследований в различных отраслях, и регионах страны, не только на периферии, но и в пределах ее центральной части, населенной русскими.

- География как наука оказалась включена государством в имперский дискурс. Основные ее проекты были государственным заказом, реализовывавшимся на средства империи. Постепенно «активная, агрессивная» научная практика в XIX веке начинает менять свой курс на более мягкие методы, когда идеология империи начала отказываться от образа классической «империи-захватчицы». Самым знаковым событием исследуемого периода является открытие Императорского Русского Географического общества (ИРГО) с филиалами в периферии. В этот период начинается сотрудничество с местными элитами, курс направлен на коренизацию интеллектуальных кадров, ИРГО успешно рекрутировало ссыльных интеллектуалов и образованных подданных периферии для исследовательских полевых практик.

- Научный язык географического описания выражает стратегические цели и задачи, достижения российской науки, демонстрируя интеллектуальное содержание как символическую власть научного знания, подчеркивая великодержавность и одновременно заботу о новых владениях. Этот язык использует изобретенную ономастику, которая возникла в процессе колонизации. Ономастика тоже в свою очередь носит имперский характер, так как в ее основе лежат принципы трансформации завоеванных

народов посредством трансформации языка ономастического пространства. Думается, за этим направлением стоят интересные исследовательские перспективы не только для филологов, но и для историков, географов. Этот вопрос нуждается в дальнейшем более углубленном изучении и применении междисциплинарного подхода в исследовании в рамках имперского дискурса.

- Географическая карта ландшафта Юго-Западного Алтая начала постепенно меняться в XVIII веке. Не вдаваясь в лежащие на поверхности причины, нужно обратить внимание на стратегию заселения региона казаками, «вольными» каменщиками и крестьянами. Этот процесс начинал развиваться стихийно в отрыве от государственных планов развития региона, но постепенно стихийность сыграла важную роль в будущей делимитации границ с Китаем. Помимо этого, населенные пункты, траектории путей, и расположение военных пограничных пикетов стали основными узлами картографии региона. Это сыграло на перспективу, так как в последующие исторические периоды (также в советский и постсоветский периоды) карта региона воспроизводилась и воспроизводится в имперской традиции. Во многом этот аспект касается не только административно-территориального устройства региона, он вошел в основу многих отраслей знания. Символическая власть картографирования проектирует не только экономические, внутривнутриполитические и геополитические процессы, эта власть смоделировала историю региона. Многие ученые не замечают, как эту имперскую символическую власть они воспроизводят, опираясь на некогда возведенные империей контуры карты региона, даже отечественные историки в какой-то степени продолжают осмысливать историю населения в отрыве от автохтонных ментальных карт, которые в силу образа жизни и культуры имеют кардинально иное содержание и значение.

В заключение, хотелось бы привести цитату из статьи российских историков Сибири Ремнева А.В. и Суворовой Н.Г., которые рассматривали важнейший аспект в современной научной дискуссии, вопрос о теоретических конструкциях империи, находившейся в поисках национальной консолидации «единой и неделимой» России.

«Идеологического обоснования требовала не только внешняя экспансия империи, но и ее собственная гигантская территория, которая нуждалась во «внутренней геополитике» как интеллек-

туальном поле взаимодействия политических практик, презентаций и репрезентаций, а в имперскую и национальную риторику сверх решения социально-экономических задач были широко включены культуртрегерские мотивы. Своего рода «духовный комплекс» и циркуляция не только материальных, но и символических ресурсов, «образов жизни», вписанных в ментальную географию и социокультурный ландшафт осваиваемого и присваиваемого «внутреннего геополитического пространства»¹⁷³.

Таким образом, попытка применения пространственного подхода выявила несколько важных исследовательских вопросов, которые нужно рассматривать в имперском дискурсе, кроме этого, позволила интегрировать несколько областей гуманитарного знания в рамках одного исторического исследования, также этот подход открывает взгляд на невидимую власть интеллектуального капитала знаний и символов в установлении и обеспечения империи.

---

¹⁷³ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи: оценки и прогнозы имперских экспертов. / Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков. – Иркутск: Издательство: Оттиск. 2010. – С. 17.

2 КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Болат Азнабаев

Возобновление российского подданства башкир в 1722 г.

Историки, обращавшиеся к изучению итогов башкирского восстания 1704-1711 гг., не сомневались в его поражении. Наиболее отчетливо этот вывод сформулировал И.Г. Акманов, указавший на то, что соотношение сил было не равным; обстановка в регионе изменилась явно не в пользу башкир и восстание потерпело поражение¹⁷⁴. В.И. Лебедев был не столь уверен в окончательной победе правительственных сил. Он лишь отметил, что в течение всей первой четверти XVIII в. башкиры продолжали сопротивляться царским властям, не выдавали пленных и не уплачивали окладные сборы¹⁷⁵. С.У. Таймасов первым из исследователей обратил внимание на то, что в результате восстания башкирам удалось временно обрести самостоятельность¹⁷⁶. В составе фонда Сената Российского государственного архива древних актов нами были обнаружены материалы, свидетельствующие о том, что только к началу 1721 г. башкиры не считались даже номинальными подданными империи¹⁷⁷. В данной статье мы попытаемся

---

¹⁷⁴ Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. – Уфа: Китап, 1993. – 224 с. – С. 222.

¹⁷⁵ Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705-1711 гг. // Исторические записки. Т. 1. Отв. ред. Н. М. Лукин; АН СССР, Ин-т истории. – М.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 97.

¹⁷⁶ Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. – М.: Наука, 2009. – 344 с. – С. 113.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 2-717.

рассмотреть обстоятельства, обусловившие добровольное решение башкир восстановить свой прежний статус отношений с Россией.

Роль внешнеполитического фактора в башкирском восстании 1704-1711 гг.

После прекращения активных боевых действий в Уфимской провинции в 1712 г. казанский губернатор обратился к своему влиятельному брату адмиралу Ф.А. Апраксину с просьбой исходатайствовать разрешение царя на организацию военного похода против башкир. П.А. Апраксин был убежден в том, что масштабная военная акция должна была пресечь бегство в Башкирию ясачного населения и привести башкир в «прямое подданство, учинить их данниками прямыми»¹⁷⁸. Казанский губернатор считал, что фискальные соображения правительства должны быть подчинены политическому значению усмирения башкир: «Не можно терпеть, видя таких домашних злодеев толь преславному и великому монарху противных и не послушных»¹⁷⁹. Тем не менее, Петр I не поддержал инициативу П.А. Апраксина. С 1711 до 1734 г., т.е. до прибытия в Уфу Оренбургской экспедиции, власти не предпринимали активных военных действий на территории Уфимской провинции. Почему российское правительство отказалось от процедуры приведения башкирского населения к подданнической присяге? Дело в том, что в регионе главным, если не единственным лояльным союзником Петра I, был калмыцкий лидер Аюка. Благодаря его военной поддержке правительству удалось существенно ограничить масштабы башкирского восстания и воспрепятствовать установлению контактов башкир с булавинцами. Однако в начале второго десятилетия XVIII в. в регионе возникла перспектива военного союза башкир, казахов и каракалпаков, что поставило в трудное положение калмыцкого хана. В 1715 г. Аюка писал царю, что «...башкирцы, крымцы, кубанцы и каракалпаки ему неприятели и без помощи русских войск нельзя ему кочевать между Волгою и Яиком»¹⁸⁰. Военная коллегия приказала стольнику Д. Бахметеву постоянно находиться при Аюке

---

¹⁷⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М. – Л.: Изд-во АН РАН. 1936. – 631 с. – С. 224.

¹⁷⁹ Там же. С. 129.

¹⁸⁰ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М. – Л.: Изд-во АН РАН. 1936. – 631 с. – С. 363.

с отрядом, состоящим из 300 солдат и офицеров уфимского солдатского полка¹⁸¹. В 1717 г. объединенное десяти тысячное войско казахов, башкир и каракалпаков, пройдя весь Уфимский уезд, вторглось в район Закамских крепостей и взяло штурмом Новошешминск¹⁸².

Ослабление позиции российских властей в Уфимской провинции после башкирского восстания.

В этих условиях российские власти фактически свертывают свое военное присутствие в Башкирии. Уфимская администрация отказалась от намерения отстроить заново сожженный башкирами Соловарный городок, гарнизон которого в конце XVII в. насчитывал 200 стрельцов. В начале 20-х гг. XVIII в. с ветхих стен и башен Уфимского острога сняли всю артиллерию. Значительно сократилось и служилое население Уфы. В 1715 г. в городе находилось на службе 770 солдат уфимского полка, 75 дворян и 300 казаков¹⁸³. В уезде имелся еще гарнизон Бирского городка, в котором несли службу 200 стрельцов. По сравнению с 1699 г. служилое население Уфимской провинции было сокращено почти на 500 человек (25%). Однако даже эта цифра не отражала реальной укомплектованности уфимского гарнизона. Из доношения в Сенат от 1720 г. ротмистра уфимской дворянской роты А. Аничкова видно, что в Уфе не было и половины войск от положенного штата. Только 310 человек из заявленного количества служилых людей по возрасту и здоровью были способны нести гарнизонную службу. Аничков отметил, что наличный состав двух дворянских рот Уфы насчитывал не 75, а 35 человек¹⁸⁴. Таким образом, размещенных в Уфимской провинции вооруженных сил едва хватало для прикрытия Уфы. В 1720 г. уфимский комендант Д. Бахметьев писал в Сенат, что служилые люди, посылаемые в отъезжие караулы, не удаляются от Уфы дальше 10 верст¹⁸⁵. Таким образом, сфера правительственного контроля над территорией провинции ограничивалась подгородными деревнями уфимских помещиков.

---

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 102. Л. 127.

¹⁸² Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель// Уч. зап. Казанского университета. Т. VI. – Казань: Тип. Каз. ун-та, 1871. – С. 21.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 102. Л. 224.

¹⁸⁴ НА ИИЯЛ УНЦ РАН. Ф. 23. Оп.1. Д. 12. Л. 54.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 102. Л. 199.

Вместе с тем еще в середине XVII в. уфимские станицы ежегодно отправлялись к верховьям Яика и Ашкадара¹⁸⁶.

В шаге от Башкирского ханства.

Следует обратить внимание на то, что именно в 20-е гг. XVIII в. в официальной документации впервые появляется поли-
тоним «Башкирская орда». Ротмистр А. Аничков употребил это выражение в следующем контексте: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и до ныне живут посреди Башкирской орды...и их город стал украинной и от иных городов в дальнем расстоянии и посреди оной басурманской воровской орды»¹⁸⁷. В.П. Юдин, всесторонне раскрывший денотативное значение понятия «орда», пришел к выводу, что в русский язык оно вошло и в значении «ханская юрта, ханский шатер, резиденция хана», и в значении «степное кочевое объединение, кочевая держава»¹⁸⁸. Появление термина «Башкирская орда» фактически означало официальное признание независимого статуса башкирского объединения. Интересно то, что даже после возобновления российского подданства, состоявшегося в 1722 г., в сенатских в делах по-прежнему продолжали именовать коренное население Уфимской провинции «ордой». П.И. Рычков использовал этот термин в сенатском отчете от 1734 г.: «Выписанные города Уфы середина всей Башкирской орды, Бирск подчинен Уфе, а построенные для помощи Уфе Мензелинские, хотя в Казанском уезде, но при самых же башкирцах»¹⁸⁹. Таким образом, на протяжении почти 12 лет, с 1711 по 1722 г., башкиры были предоставлены сами себе. Они имели все возможности для создания собственной государственности во главе с ханом.

Как показывают события первых двух десятилетий XVIII в. башкиры в этот период не испытывали недостатка в претендентах на ханский престол. В ходе восстания 1704-1711 гг., наряду с сомнительным ханом Султаном-Хази, в Башкирии находился подлинный чингизид – Рыс-Мухаммед, выдвинутый влиятельным тарханом Алдаром Исекеевым. Тем не менее, в челобитной башкир всех дорог от 1722 г. отмечено, что этот шибанид был

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп.1. Д. 485. Л. 8.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 107. Л. 201.

¹⁸⁸ Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая// Чингиз-наме. – Алма-Ата: Ғылым. 1992. – 296 с. – С. 24.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп.13. Д. 750. Л. 224.

передан российским властям после его пленения башкирами: «В прошлых годах, когда приходил в Уфимский уезд на Ногайскую дорогу из каракалпаков Рысмухамед хан с воинскими людьми на вашу императорского величества вотчину, умышляя разорение и мы все четырех дорог с ними бились, и на том бою из нас и их многие побиты и ранены, а его Рысмухамеда поймали да наших башкирцев, которые к тем каракалпакам пристали, чинили дурна, а именно Ногайской дороги Юрматиской волости Бакалана Топанова, Исентея Тлевлина, Бурзянской волости Сатлыка Утяпова, да из них же каракалпаков, которые пристали к ним ходил на Сибирской дороге Мухамед-хан, а Сибирской дороги Гайнинской волости Текниша да Арслана Яныурсова поймав с ним Рысмухаметом отдали на Уфу»¹⁹⁰. Согласно изысканиям Ж.М. Сабитова. Рыс-Мухаммед являлся племянником другого известного лидера башкирского восстания 1704-1711 гг. Султан-Мурата, казненного в Казани после захвата в плен при штурме Терского городка¹⁹¹. В 1708 г. в Башкирии был избран 25-летний сын Тобурчака хан Каип, который имел сына Хузея¹⁹².

Однако наиболее важным свидетельством этой челобитной является известие о том, что знаменитый впоследствии хан Младшего жуза Абулхаир еще до своего избрания принимал активное участие в башкирском восстании 1707 г. В частности, в коллективной башкирской челобитной отмечено: «Да в прошлых годах как приходили из Киргискайсацкой орды два хана Зангыр да Абулхаир с воинскими людьми под Уфу город, и многие жилища башкирских и русских людей вырубали, а коней и животы побрали и вашего императорского величества рабов многих побили и в полон взяли и поранили, и мы со всех дорог собрався на скоро, за ними гнали, и догнав в урочищах на Ногайской дороге под Юряктавом горою с ними бились и на том бою Абулгаир хан ранен ушел, а из войска его поимали двух человек постельника да трубача, да и кто к тому Абулагиру приставали из нашей бра-

---

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 679.

¹⁹¹ Сабитов Ж.М. Кучумовичи в восточном Дешт-и Кипчаке в середине XVII–начале XIX вв.// История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17-18 апреля 2014 г.) / отв.ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. – Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. – 148 с. – С. 88.

¹⁹² Тоган А.З. История башкир / Пер. с турецкого А.М. Юлдашбаева. – Уфа: Китап, 2010. – 352 с. – С. 88.

тии башкирцев из воровства и злоумышления Ногайской дороги Тангаруской волости Ногайчуру Минские волости Арасланбека Аднагулова, Асана Бегишева и отдали на Уфу». Из показаний ташкентского купца Нур-Мухаммета Алимова, который в 1735 г. имел беседу с И.К. Кириловым, стало известно: «В последний башкирский бунт башкирцы – Алдар и товарищи призвали к себе оного Абулхаир-салтана, тогда назвали ханом...»¹⁹³. Два этих источника говорят о том, что у чингизидов, оказавшихся в начале XVIII в. в Уфимской провинции, были авторитетные последователи среди башкир. Более того, в то время как большая часть восставших начала склоняться к восстановлению российского подданства, группа башкирской знати активно вела переговоры с казахскими и каракалпацкими чингизидами с целью приглашения одного из них в на ханство в Башкирию. Полковник И.Г. Головкин, прибывший в Уфимскую провинцию в 1720 г. для урегулирования отношения с башкирами, узнал от уфимца Антропова, что двое башкир Ногайской дороги ездили к хану Абулхаиру. В итоге посланцы привезли хана в Бурзянскую волость¹⁹⁴. Тот же источник сообщил властям о прибывших в Бурзянскую волость каракалпаках, которые предложили башкирам установить контакты с неким ханом Муратом. Вопреки официальной версии, утверждающей, что этот хан был повешен в Казани в 1708 г., посланцы уведомили башкир о его спасении. Каракалпаки сообщили бурзянам, что хан ждет к себе «знатных башкирцев». По предположению Ж.М. Сабитова, Султан-Мурат, о котором сообщили бурзяне, был сартом Абдурахманом¹⁹⁵. Этот авантюрист, воспользовавшись тем, что подлинный сын Кучука воспитывался среди джунгар, выдал себя за Султан-Мурата. Тем не менее, несмотря на избыток претендентов на ханство, башкиры в 1719 г. приняли решение восстановить свое российское подданство.

Внешние и внутренние факторы возобновления российского подданства.

Чаще всего кочевые или полукочевые сообщества ищут покровительства большой державы с целью получить защиту от внешней угрозы. В подобной ситуации, к примеру, оказались са-

---

¹⁹³ Таймасов С.У. Указ. соч. С. 113

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 675.

¹⁹⁵ Сабитов Ж.М. Указ.соч. С. 89.

ми башкиры во второй половине XVI в., когда протекторат набирающей мощь России был необходим им для противостояния анархии, возникшей во время смуты в Ногайской орде.

Вместе с тем сложившаяся расстановка сил на юго-востоке в 20-30-е гг. XVIII в. говорит о том, что башкиры в этот период не испытывали серьезных проблем внешнеполитического характера. К примеру, в 1733 г. рейд десятитысячного отряда хана Среднего Жуза Семенеке на Сибирскую дорогу Уфимской провинции закончился разгромом, который организовал Таймас-батыр. До строительства крепостей Оренбургской линии башкиры самостоятельно решали все вопросы обеспечения безопасности границ своих владений. В 1731-1732 гг. были созданы йыйыны для организации застав по рекам Самара, Кинель, Ик, Садеф и Чермасан¹⁹⁶. В указе 1722 г., который формально восстановил российское подданство, башкирам вменялось в обязанность самим принимать меры по защите края от внешних угроз: «Когда каракалпаки и киргис-кайсаки в Российские города возымеют намерение приходить для воровства, и они бы того приостерегали и проходить в Российские пределы не допускали, и в таких случаях свойски на них ходили и о том заблаговременно на Уфу и другие города, куда надлежит к воеводам ведомости подавали»¹⁹⁷. Таким образом, башкиры в 20-30-е гг. XVIII в. отнюдь не представляли собой народ, нуждающийся во внешней защите.

Судя по сенатским материалам, башкиры вопрос о восстановлении российского подданства связывали с проблемой выселения беглых и «сходцев», обосновавшихся на их вотчинных землях. Всё началось с челобитной некого «татарина» Бекбава Чимкина, который взялся представлять перед правительством не только переселенцев и «полоняников», но и самих башкир. В результате в 1719 г. в Сенат поступило дело о возвращении из Уфимской провинции ясачных жителей, которых «башкирцы разорили и побрали в полон, а иные сами бежали и ныне живут у оных башкирцев на Уфе»¹⁹⁸. В ходе расследования выяснилось, что сходцы из Казанского уезда уже обращались к коменданту Уфимской провинции Д. Бахметьеву с просьбой обложить ясаком по новому

---

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 326.

¹⁹⁷ Там же. Л. 697.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л.3.

месту жительства. Однако Бахметьев челобитную принять отказался. Относительно башкир Чимкин сообщил властям, что они «покорны и подати платить будут»¹⁹⁹. Одновременно в Сенате разбирали письмо башкир, адресованное казанскому дворянину Д.И. Молостову. Он был воеводой в Уфе еще в конце XVII в. В 1698 г. Молостову было поручено возглавить отряд башкир, собранный со всех 4 дорог Уфимского уезда, для участия в Азовском походе²⁰⁰. Примечательно то, что в данном случае башкиры апеллировали не к своим гражданским начальникам, а к воеводе, под началом которого они участвовали в боевых действиях. Во время восстания 1664 г. башкиры с подобными просьбами обращались к Г.С. Черкасскому, с которым они побывали в крымском походе. В 1705 г. башкиры, участвовавшие в военных действиях в Ингерманландии, жаловались на казанских воевод фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. В 1718 г. башкиры просили Молостова походатайствовать за тех казахов и каракалпаков, которые решили переселиться в Уфимскую провинцию. Башкиры особо настаивали на том, чтобы для обложения ясаком переселенцев «послать розыщника, а казанским судьям того не ведать»²⁰¹.

Поскольку в обеих челобитных речь шла о плательщиках ясак Уфимской провинции, в Сенате дела объединили. В процессе их слушания обнаружилось, что после восстания 1704-1711 гг. российское подданство башкир не было подтверждено. Так фискальное дело, начатое Камер-коллегией, переросло в политическое мероприятие по возвращению башкир в «в прежнее подданство к царскому величеству»²⁰².

Следует отметить, что ни в челобитной, которую подал Бекбав Чимкин, ни в письме башкир Д.И. Молостову, не было прямо заявлено о готовности всех башкир принять российское подданство. Поэтому в Сенате вынесли резолюцию о более обстоятельном исследовании данного вопроса. Сенаторы резонно высказали сомнение в том, «...что из того усмотреть можно ли, что они челобитчика татарина прислали и покорность свою приносят ли, и ясак платить хотят ли, или не прихотят, и нет ли от оногo доноси-

---

¹⁹⁹ Там же. Л.5.

²⁰⁰ Там же. Л.6.

²⁰¹ Там же. Л. 50.

²⁰² Там же. Л.6.

теля какова подлогу»²⁰³. Сенат обязал ответственных лиц соблюдать максимальную осторожность: «...исследовать рассуждается не без опасения, чтобы не произошло паки ребелии»²⁰⁴. В итоге 17 июля 1719 г. было принято решение: «...к ним башкирцам послать с грамоты великого государя из Сената выбрав, кого знатного человека, а в той грамоте написать, чтоб они башкирцы были его императорского величества в подданстве по-прежнему, а за то обнадежить его царского величества милостью, что всех их прежде показанные противности оставлены будут»²⁰⁵.

Угроза утраты единства башкирского общества.

В ходе дальнейшего изучения вопроса российским властям стало ясно, что башкиры не имеют единого мнения относительно «сходцев», поселившихся на их вотчинных землях. Многие башкиры добивались выселения всех «сходцев» за пределы Уфимской провинции: «Они де, башкирцы всех дорог, писали пришлые де люди, которые живут у них выбрали челобитчиков, чтоб им поселиться на их башкирском земле, и по тому прошению, дабы великий государь селиться не повелел, а указал оных пришлых от них взять»²⁰⁶. В 1720 г. башкиры Дуванейской волости подали челобитную казанским властям, в которой потребовали содействия в высылке ясачных людей, поскольку «оные беглецы чинятся им противны»²⁰⁷. Там не менее, когда в Уфимскую провинцию приехал комиссар Ф. Люткин с указом от казанского губернатора А.П. Салтыкова о возвращении беглых, некоторые башкиры оказали ему вооруженное сопротивление: «Из оных башкирцев Смаил мулла с товарищи приезжали к нему многолюдством с ружьем и копьём, и в отдаче пришлых учинились не послушны, и прислали письмо, чтобы тех беглых у них ясаком обложить против их окладу»²⁰⁸. В своем доношении Ф. Люткин приводит интересные расчеты, которые разъясняют мотивы, побуждавшие ясачных людей Казанской провинции бежать в Башкирию: «А они (башкиры – А.Б.) токмо платили с восьми ясаков по одной кунице, которой цена восемь гривен и обойдется ясака токмо по гривне в год, а с двора по четыре деньги, а в Казани с ясака в

---

²⁰³ Там же. Л. 4.

²⁰⁴ Там же. Л. 7.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 5.

²⁰⁶ Там же. Л. 102.

²⁰⁷ Там же. Л. 103.

²⁰⁸ Там же. Л. 130.

год денежных сборов собирается по восьми рублей по 26 алтын с полуденьгою, и оные беглецы с оных пустых ясаков живут у них башкирцов не токмо одни иноверцы, но и русские люди и на них всякую работу работают и пашню их пашут»²⁰⁹.

По-видимому, именно подобная неоднозначность отношения башкир к переселенцам создала в крае обстановку крайней нервозности и недоверия между властями и населением. В итоге была сорвана церемония вручения башкирам «подлинной» грамоты «с посольскою государственной печатью». Эта акция должна была символизировать начало процесса восстановления российского подданства башкир. Обе стороны так и не смогли договориться о месте вручения грамот. Башкирские представители настаивали, чтобы это событие произошло на берегу Белой у Чеснаковской горы. Полковник И.Г. Головкин категорически заявил, что передаст документ башкирам только в Уфе. Обе стороны откровенно боялись. Башкиры отказывались отправляться в Уфу, потому что «в прежние годы показали царскому величеству великие противности». Полковника же накануне предупредили, чтобы он «на песок не выезжал». Тем не менее, в ходе этого заочного диалога Головкину удалось добиться от башкир главного. Через посредников ему сообщили, что башкиры готовы выдавать российским властям беглых и «сходцев». Башкирские представители заверили полковника, что не будут противодействовать властям в поиске переселенцев.

Только через два месяца 13 сентября 1720 г. две царские грамоты были вручены представителям от башкир всех дорог в Уфе. Одна из них содержала обращение к башкирам в связи с возвращением в российское подданство, в другой говорилось о необходимости выдать всех «сходцев» и беглецов. Тем не менее, и в данном случае башкиры выдвинули свои условия. Они согласились передавать только тех переселенцев, кто обосновался в крае после 1678 г. Окончательно процесс восстановления подданства башкир следует связывать с жалованной грамоты башкирскому народу, которая была вручена в Санкт Петербурге 8 представителям от башкирского народа 22 июня 1722 года. Тогда официально было провозглашено, что «...они (башкиры – Б.А.) пришли в прежнее послушание»²¹⁰.

---

²⁰⁹ Там же. Л. 150.

²¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 196.

В сентябре 1720 г. ходе переговоров с башкирами И.Г. Головкину удалось выяснить главную причину, побудившую башкир поднять вопрос о выселении из Уфимской провинции беглецов. Башкиры заявили ему: «...иные происком своим назвав их башкирские земли своими землями, и взяв от губернаторов указ, живут, поселились деревнями на их башкирских землях». В то же время, отдельные волости башкиры категорически отказывались выдавать властям «сходцев». Многим башкирам переселенцы задолжали деньги за проживание на их землях. Вотчинники соглашались отпустить их только после уплаты долгов. Некоторые доводы башкир были явно рассчитаны на понимание их интересов дворянами, которых посылали собирать «сходцев» по волостям. Так, башкиры Иланской волости на требование поручика В. Милкевича отдать беглецов ответили ему: «Ежели тех работников станут от них требовать, то де никаких отдавать не станут, за что де государь ваших крестьян из вас не выводит?»²¹¹.

«Степные» и «лесные» башкиры. Документ, объясняющий суть разногласий между сторонниками и противниками выдачи переселенцев, был перехвачен драгунами Казанского полка. Иноземец Иоганн Александров обнаружил послание на татарском языке, которое содержало обращение башкир Казанской и Осинской дорог к башкирам Ногайской и Сибирской дорог. Перевод письма, весьма неаккуратно сделанный Юсупом Акбулатовым, позволяет понять суть противоречий между различными родами башкир. Интересно то, что данный конфликт не получил никакого отражения ни в официальной переписке, ни в доношениях правительственных конфидентов. Письмо, в частности, содержало обвинения в адрес степных башкир: «Все мы говаривали, что в степной стороне живут воры, к калмыкам и каракалпакам уехать хотят, хан судья ваш»²¹². Анонимный автор угрожал адресатам, что если «...после войны, которой перешли чуваша не отдадите, то между нами доброго не будет»²¹³.

Уникальность информации этого источника обусловлена тем, что для внешнего мира башкиры стремились позиционировать себя как сплоченный народ. В своих коллективных челобитных башкиры, как правило, указывали, что они представляют жите-

---

²¹¹ Там же. Л. 647.

²¹² РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 585.

²¹³ Там же. Л. 586.

лей «всех четырех дорог». В башкирских посольствах в Москву XVII в. были случаи, когда делегация из 5-10 человек посылалась от башкирских волостей Уфимского уезда²¹⁴. Лишь немногочисленные эпизоды из длинной череды восстаний свидетельствуют о некотором расхождении интересов у этих двух групп башкир. Те, кто обитал на границе степей, всегда имели возможность уйти за пределы досягаемости правительственных сил. Например, уже на этапе подготовки общего восстания 1662-1664 гг. определились два центра руководства повстанческими действиями – сибирский султан Кучук и калмыцкий тайша Дайчин. Несмотря на определенную зависимость кучумовичей от калмыков, сибирские царевичи в ходе восстания 1662-1664 гг. действовали вполне самостоятельно. Местная администрация в процессе усмирения башкир должна была учитывать различные, нередко противоречивые интересы калмыцких лидеров и сибирских царевичей. Почему башкиры не выдвинули единого лидера восстания? Подчинение всех башкирских племен одному лидеру не могло быть реализовано в силу различного географического положения волостей Северо-Восточной и Юго-Западной Башкирии. Башкиры Ногайской и Казанской дорог имели открытую границу с калмыками, которые всеми средствами стремились привлечь башкир на свою сторону. Астраханский сын боярский Петр Шубников, побывавший в улусах Дайчина в январе 1663 г., обвинил калмыков в том, что те «забыв шertz великого государя вечных холопей великого государя к себе призывают»²¹⁵. Он сообщил в Москву о том, что тайша Аюка подговорил к отъезду в улусы 1500 дворов башкир. Зимой 1663 г. из Ногайской дороги к Дайчину перешло 8000 башкир. Влиятельный тархан Ногайской дороги Ишмухамед Давлетбаев признал над собой власть тайши Аюки и получил от него район кочевий по Яику. Тайше Дайчину подчинился башкир Ицкой волости Карабаш Утеев, который со своими стадами и людьми намеревался кочевать с калмыками в Поволжье²¹⁶.

Таким образом, южные и юго-западные башкиры поступили так, как обычно поступают кочевники в случае конфликта со

---

²¹⁴ Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII веке. От Древней Руси к России нового времени. Сб. ст. – М.: Наука, 2003. – 511 с. – С. 180.

²¹⁵ РГАДА. Ф.119. Оп.1. Д. 1633 Л. 4.

²¹⁶ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. Исторические записки. Кн. 24. – М.: 1947. – С. 137.

своим верховным правителем – они откочевали. В отношении башкир Ногайской и Казанской дорог власти должны были использовать главным образом меры дипломатического характера, направленные на возобновление вражды между башкирами и калмыками.

Совершенно иные методы подавления восстания требовались на Осинской и Сибирской дорогах Уфимского уезда. Многие местные башкиры вели оседлый образ жизни. Возможность откочевки была ограничена, поэтому сопротивление властям приняло здесь наиболее ожесточенный и длительный характер. При этом, башкиры Осинской и Сибирской дорог в середине XVII в. составляли не более 30% от численности башкир Уфимского уезда²¹⁷. Самым значительным успехом восставших следует считать взятие Кунгура, в штурме которого принимали участие башкиры Осинской и Сибирской дорог. В то же время богатые и многочисленные кочевые волости Ногайской и Казанской дорог предпочли пассивную тактику сопротивления властям. По официальным оценкам, численность башкир Ногайской дороги, откочевавших в ходе восстания к калмыкам, превышала все башкирское население Осинской дороги²¹⁸.

Н.В. Устюгов утверждал, что восставшие башкиры действовали так, как это свойственно кочевникам в условиях степной войны, однако в ходе восстания 1662–1664 гг. наиболее ожесточенной была борьба на севере Башкирии, т.е. там население было оседлым, а большая часть башкир занималась земледелием.

Вместе с тем, ведение длительной вооруженной борьбы требует определенной материальной базы, а главное, значительного конского поголовья. В этом отношении северные и зауральские башкирские волости ощутимо уступали своим южным и западным соседям. Так, башкиры Ногайской дороги были самими богатыми скотоводами, они же обладали лучшими бортными угодьями и обширнейшими охотничьими вотчинами²¹⁹. Башкирские волости Казанской дороги, согласно сведениям кунгурского бургомистра Юхнева, отличались наиболее успешным сочетанием

---

²¹⁷ Устюгов Н.В. Указ. соч. С. 123.

²¹⁸ Там же. С. 133.

²¹⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М. – Л.: Изд-во АН РАН. 1936. – 631 с. – С. 198.

земледелия и полукочевого скотоводства²²⁰. На юге Башкирии существовали крупнейшие племенные союзы, возникшие еще в период набегов ногаев и вторжения калмыков. Однако именно небогатые башкирские волости севера Уфимского уезда и Зауралья продолжили борьбу даже после принесения повинной башкирами Казанской и Ногайской дорог. Западные и южные башкиры первыми проявили интерес к предложению начать мирные переговоры уже в конце 1662 г. [7, с. 202]. При этом восстание началось на Ногайской дороге в среде кочевников, обиженных новыми требованиями российской администрации.

Таким образом, у башкир, живших у открытой границы, всегда оставалось поле для политического маневра между различными центрами власти в лице московского государя, сибирского султана или калмыцкого тайши.

Мулла Батырша Алеев, ездивший по северным волостям Уфимской провинции в начале 50-х гг. XVIII в., отметил традиционное соперничество между лесными и степными башкирами. Башкиры Гайнинской волости сообщили ему: «Люди нашей лесной стороны по молодечеству, не то, что люди степной стороны, наши башкиры и прочие, весьма воинственные и искусные стрелки из лука... и в храбрости она таковы, что в сражении прошлых лет, когда в Гайнинскую волость прибыл русский полк в 1000 человек и устроил укрепление из телег, чтобы напасть на Гайнинскую волость, тогда наши гайнинцы, около 400 человек, вооруженные стрелами и пиками, напав на русских и занял укрепление»²²¹.

Российское правительство как верховный арбитр в решении внутренних противоречий.

Хозяйственно-культурные различия между лесными и степными башкирами до начала XVIII в. никогда не приводили к открытому конфликту. Общие политические и экономические интересы, обусловленные защитой вотчинных прав и охраны границы, создавали основу для этнической солидарности. Однако после восстания 1704-1711 гг. возникла реальная угроза раскола башкирского единства из-за разного отношения к беглым и «сходцам». С одной стороны, растущий приток припущенников

---

²²⁰ Там же. с. С. 201.

²²¹ НА УНЦ РАН Ф.3. Оп.1. «Материалы по истории Башкирской АССР». Ч. II. Сб. док. подгот. А.П. Чулошниковым в 1940 г. Л. 122.

приводил к постепенному захвату башкирских земель. Согласно обычаю каждый вотчинник имел право «припускать» на свой земельный пай общей вотчины любого переселенца. Однако от подобной практики нередко страдали сородичи. В 1734 г. башкиры 12 волостей, входивших в Айлинский союз, подали коллективную челобитную на башкира Тырнаклинской волости Мандара Мещерева. В челобитной было особо отмечено, что «...прадеды и деды наши нижайших, меж собой письменно утвердили, что нам всеми 12 волостями владеть тою нашей землею и всякими нашими угодьями по старому нашему владению бесспорно, и кто где жить пожелает и с того места не ссылать и всяких угодий не отнимать токмо ныне Тырнаклинской волости башкирец Майдер Мещерев чинит нам нижайшим обиды и разорение и с той нашей вотчинной земли, где жили прадеды и деды и отцы наши и всякие угодья исстари владели, нас нижайших ссылает»²²². В челобитной разъяснено, каким образом один человек сумел присвоить вотчинные земли. Мандар собрал у себя «много пришедших из других городов людей».

С другой стороны, все башкиры-вотчинники прекрасно осознавали экономические выгоды, которые появлялись у них с переселением в Башкирию исконных земледельцев, готовых платить за пользование башкирской землей.

В конечном счете, одни волости выигрывали, а другие теряли от растущего притока переселенцев. Разумеется, что наибольший ущерб испытывали башкиры малоземельных западных, северных и северо-восточных волостей, где уже с конца XVI в. документами фиксируются споры из-за угодий внутри башкирских общин.

Напротив, полукочевники юга за счет труда переселенцев получили возможность максимально отдалить безрадостную перспективу седернизации. Еще Р.Г. Кузеев справедливо заметил, что на первых порах распространение припуска, взимание башкирами арендной платы для покрытия ясака тормозило у башкир развитие земледелия, способствовало сохранению у них традиционного уклада²²³. Нельзя списывать со счетов и стремление некоторой части кочевой башкирской элиты использовать подв-

---

²²² РГАДА. Ф. 248. Оп.2. Д. 821. Л. 34.

²²³ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Башкиргоиздат, 1978. – 263 с. – С. 121.

ластных припущенников для укрепления своего статуса среди сородичей. Неслучайно именно старшины Ногайской дороги в 1763 г. написали оренбургскому губернатору Д.В. Волкову письмо, в котором изложили основные причины недостаточного развития хлебопашества в их волостях. Они, в частности, указали на то, что «...для хлебопашеств у нас земли довольно и скота достаточно имеем...только мы пашни пахать много не обвыкли... у нас же есть люди одинакие и имеют по одной и по две жены, а и такие есть, у кого сыновья имеются, а у других и сыновей нет, а сыновей более 20 лет отцы при себе не держат, ибо оженя и сделав собой дом, отпускают... от чего и пашни пахать нам время не бывает, а работников нам содержать с действительными паспортами не велено и мы, вашего превосходительства, просим тех работников содержать нам позволить»²²⁴. Таким образом, назревающий конфликт из-за вопроса о переселенцах создавал опасность раскола единства башкирского общества. Однако история башкирских восстаний XVII – первой трети XVIII вв. свидетельствует о том, что башкиры обладали интуицией в выявлении рисков, угрожающих консолидации общества. Большая часть башкирских родов осознавала, что проблема переселенцев не может быть урегулирована политическими институтами ханской власти. Любой чингизид начал бы свое правление с создания иерархии родов, в которой оседлые башкиры неизбежно бы заняли подчиненные позиции. Очевидно, что в целом башкирское общество не было готово к подобному развитию событий.

Являлась ли подобная ситуация уникальной для башкир с исторической точки зрения? Башкирское шежере семи племен гласит о том, что первой и единственной просьбой посольства, прибывшего к Ивану IV для подданнической присяги, было их ходатайство о разделе земель между родами: «Отмерить, то есть определить их границы. Для этого в Ногайскую и Сибирскую дороги направил повелительные письма; опираясь на эти письма, народ ете ырыу, то есть «семи племен», посоветовавшись между собой и согласившись друг с другом, решили земли, которыми владели их племена, как-то степи и леса, разделить»²²⁵. Нес-

---

²²⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1 Д. 813. Л. 24.

²²⁵ Башкирские шежере. Под. Ред. Р.Г. Кузеева. – Уфа: Башк. книж. изд-во. 1960. – 304 с. – С. 89.

мотря на это решение земельный конфликт между бурзянами и кипчаками длился до начала XIX в.²²⁶ Однако после принятия российского подданства обе стороны были вынуждены перевезти земельный конфликт из вооруженного столкновения в сферу судебного разбирательства, что в большей степени отвечало интересам всего башкирского сообщества.

Таким образом, исследуя мотивы, побудившие башкир добровольно признать себя подданными российской державы, нельзя не учитывать внутренние противоречия. Их значимость для сохранения целостности этнической общности была больше, нежели опасность военного подчинения. Исследование башкирского общества XVII-XVIII вв. свидетельствует о преобладании горизонтальных политических связей, повлиявших на формирование у башкир особой формы политики, которая, не являясь государством по сути, внешне представляла собой союз разрозненных автономных родоплеменных структур. Однако, несмотря на слабую централизацию, это объединение не только консолидировало этнос для противостояния внешним угрозам, но вырабатывало и поддерживало общие для всех сегментов данной структуры правовые традиции, культурные ценности и политические стратегии.

Фидаиль Шаяхметов

Кочевничество башкирского народа: история и трансформация

В статье анализируются феномен башкирского кочевничества, факторы и условия его кризиса накануне и после присоединения к России, диверсификация хозяйственных занятий башкир вначале в направлении сокращения размеров и доли кочевого скотоводства, а затем полного перехода к оседлости, земледелию и другим видам жизнедеятельности.

В яркой и насыщенной истории башкирского народа огромный ее период был связан с принадлежностью к богатейшему своим

---

²²⁶ Буляков И. И. Золотоордынские государственные традиции в управлении башкирским краем во второй половине XVI- первой трети XVIII в. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 180 с. – С.17.

разнообразием и универсальностью многих базовых характеристик миру кочевой цивилизации на громадной территории Евразии. Занимая территорию Южного Урала, с периода древности до начала раннего нового времени представлявшую естественную (природно-географическую) и социокультурную (цивилизационную) границу между кочевой степью и оседлым миром, в ранний период своего формирования и существования как единого этнокультурного социума в период средневековья башкиры являлись органической частью кочевого мира Евразии.

В условиях начавшегося в период позднего средневековья и раннего нового времени кризиса кочевых цивилизаций Евразии, среди башкир сформировалась вполне устойчивая тенденция к переходу к оседлости и земледелию. Она стала определяющим и хронологически длительным направлением развития башкирского социума, в составе России получившим мощные социокультурные импульсы со стороны российского государства и его оседло-земледельческой культуры. В XVII-XIX вв. (в ряде случаев в начале – первой трети XX в.) в основном завершилась сложная трансформация башкирского нomaдизма в преимущественно оседло-земледельческую культуру с заметным сохранением кочевнических традиций.

Данный взгляд на культуру башкир превалирует в исследованиях по истории и этнографии народа, однако среди части современных башкирских исследователей есть противники признания кочевого пласта в башкирской культуре. Они последовательно, правда, преимущественно в устной полемической форме, отвергают наличие кочевого периода в истории, причисляя башкир к сугубо оседло-земледельческим народам Евразии. Такие новейшие оценки истории башкирского народа создают новые научные стимулы для всестороннего обновленного исследования традиционных видов хозяйства и занятий башкир, их эволюции и трансформации в различные периоды истории.

Между тем история традиционного башкирского хозяйства относится к числу относительно полноценно исследованных страниц истории народа. Первые сведения о башкирах и их хозяйственных занятиях появились уже в XVIII в. в трудах первого члена-корреспондента российской Академии наук П.И. Рычкова, участников академических экспедиций И.Г. Георги, И.И. Лепехи-

на, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.П. Фалька²²⁷ и др. В XIX – начале XX в. данная тема пополнилась новыми работами благодаря исследованиям Н. Попова, В.М. Черемшанского, Н. Казанцева, П. Назарова, В.М. Флоринского, В.Н. Витевского и др.²²⁸ В целом подавляющее большинство работ периода дореволюционной историографии представляет собой накопление информации по истории и этнографии башкир, включая и трансформацию их кочевого и полукочевого хозяйства в оседло-земледельческое.

В советский период в историко-этнографических исследованиях башкирского хозяйства, включая и стадию кочевничества, началось подлинно научное осмысление факторов, основных тенденций и специфики его развития и эволюции на различных этапах истории башкирского народа. Мощный стимул исследованиям истории башкирского хозяйства в целом и перехода от кочевых и полукочевых форм скотоводства к оседлости и земледелию придала статья одного из основоположников башкирской этнографии/этнологии Р.Г. Кузеева «Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв. (к истории перехода от кочевого хозяйства к земледелию)».

Впервые в научной литературе Р.Г. Кузеевым было предпринято исследование истории башкирского хозяйства на протяжении тысячелетней истории – с X по XIX вв., в котором показаны

---

²²⁷ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 1-2. – СПб.: Акад. наук, 1799; Лепехин И. Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: в 1768, 1769 и 1770 году. Ч. 1-2. – СПб., 1795; 1802; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1-2. – М.: Изд-во «Восточная литература», 1999-2000; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1-2. – СПб., 1773; 1786; 1788; Рычков П.И. Топография Оренбургская, или Полное географическое описание Оренбургской губернии. Ч. 1-2. – СПб., 1762; Фальк И.П. Записки путешествия. – СПб., 1824.

²²⁸ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. Ч. 2-3. – СПб., 1813; Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. – Уфа, 1859; Казанцев Н. Описание башкирцев. – СПб., 1866; Назаров П. Заметки башкира о башкирах // Современник. 1863. – № 11. – С. 57-84; его же. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. – № 1. – С. 164-192; Флоринский В.М. Башкирия и башкиры // Вестник Европы. 1874. – Т. 6. – Кн. 12. – С. 722-765; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Казань, 1897.

масштабы кардинальной трансформации хозяйственных занятий башкир под воздействием различных факторов. Основным содержанием данной работы стало исследование перехода башкир к оседлости и земледелию, происходившее, по мнению ученого, в рамках трех довольно крупных исторических периодов: 1) XI–XV вв. – период постепенного перехода от кочевого к полукочевому скотоводству; 2) XVII – первая половина XIX в. – массовый переход к оседлости и земледелию (за исключением башкир, расселенных в юго-восточных районах Башкирии); 3) середина XIX – XX в. – завершение процесса распространения полной оседлости и перехода к земледелию и иным видам хозяйства всех групп башкир²²⁹.

Концептуальная по своему содержанию работа выдающегося башкирского ученого придала исследованиям традиционно башкирского хозяйства невиданный ранее мощный импульс. Один из ведущих специалистов по аграрной истории Башкирии Х.Ф. Усманов посвятил специальную работу проблеме перехода башкир от скотоводства к оседлости и земледелию²³⁰. История башкирского хозяйства, наряду с проблематикой социальной организации башкирского общества в дореволюционный период, стала одним из основных направлений исследований видного башкирского этнографа Р.З. Янгузина. Идеи ученого о сложной, но целенаправленной эволюции традиционных хозяйственных занятий дореволюционных башкир в рамках широкого исторического диапазона, охватывавшего период от XVII в. до революции 1917 г., от кочевого и полукочевого скотоводства к комплексному хозяйству, в котором сочетались скотоводство, земледелие и другие виды занятий, нашли отражение в ряде его крупных работ²³¹.

---

²²⁹ Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография. Т. 3 / под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева (отв. ред.), Н.А. Мажитова. – Уфа: Башкнигоиздат, 1968. – С. 261–321.

²³⁰ Усманов Х.Ф. Переход башкир к оседлости и земледельческому хозяйству // Исследования по истории Башкирии XVIII–XIX вв. / отв. ред. Х.Ф. Усманов. – Уфа: БФАН СССР, 1973. – С. 71–109.

²³¹ Янгузин Р.З. Традиционный хозяйственный уклад башкир прошлого столетия (до 60-х годов). Уфа: Башкирский университет, 1979; его же. Хозяйство башкир дореволюционной России. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989; Его же. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. – Уфа: Китап, 1998.

Традиционное хозяйство башкир, его эволюция в различные периоды дореволюционной истории рассматривались во многих работах советского и постсоветского периодов. У одних исследователей башкирское хозяйство привлекало внимание при общем анализе социально-экономического и политического развития Башкирии в периоды средневековой и новой истории²³², у других – при изучении истории формирования башкирской нации²³³, третьих – при исследовании традиционной материальной культуры башкир²³⁴.

Проблематика сложных процессов развития башкирского хозяйства от кочевых и полукочевых форм скотоводства к оседлости и земледелию, произошедшей под воздействием эндогенных и экзогенных факторов, стала предметом специального исследования автора данных строк²³⁵. В монографии проанализированы роль и место кочевой культуры в истории башкирского народа, условия и факторы ее трансформации в оседло-земледельческую культуру, начавшуюся еще до присоединения к России и в основном завершившуюся в XIX – начале XX в.

В целом, в исследовании захватывающих дух историческим масштабом и социокультурным значением процессов эволюции традиционной аграрной культуры башкир, происходившей на протяжении всей их этнической истории, благодаря вкладу многих поколений историков, этнографов/этнологов, культурологов, философов и др. специалистов из смежных общественных наук,

---

²³² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974; его же. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Башкиргоиздат, 1978; Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. – М.: Наука, 1977; Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период: 60-90-е годы XIX в. – М.: Наука, 1981; Асфандияров А.З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии / отв. ред. Х.Ф. Усманов. – Уфа: БФАН СССР, 1974. – С. 33-48; его же. Кантонное управление в Башкортостане в 1798-1865 гг. – Уфа: Китап, 2005; его же. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 2006; его же. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа: Китап, 2009.

²³³ Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). – Уфа: Башкиргоиздат, 1972.

²³⁴ Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. – М., Наука, 1984.

²³⁵ Шаяхметов Ф.Ф. Между Великой Степью и оседлостью: процессы седентаризации башкир и распространения земледелия в XVII-XIX вв. – Уфа: РИО БашГУ, 2005.

на сегодняшний день достигнуты значительные результаты. Они позволяют сформировать относительно целостное полотно богатой и насыщенной истории башкирского народа, в составе России вступившего на заключительный этап сложной трансформации этнической культуры: от кочевого и полукочевого к комплексному оседло-земледельческому базису, составившему основу воспроизводства жизнедеятельности башкир не только до революции 1917 г., но и до второй половины XX в.

Цель: Показать роль и место кочевничества в истории башкирского народа, а также трансформацию кочевого и полукочевого скотоводства в оседло-земледельческое хозяйство и культуру.

Задачи исследования: а) дать краткий исторический очерк наиболее значимых этапов в развитии башкирского кочевничества; б) показать условия существования и воспроизводства кочевого культуры башкир; в) представить внутренние и внешние факторы, приведшие к ее кризису накануне и в составе России.

В составе евразийского кочевого мира в эпоху ранней истории

В истории особое место занимает кочевничество – своеобразный феномен мировой культуры и цивилизации, уходящий своими корнями вглубь тысячелетий. Формирование кочевничества произошло, по мнению одних исследователей, на рубеже II-I тыс. до н.э.²³⁶, других – в конце II тыс. до н.э.²³⁷ Кочевничество одновременно является и формой хозяйственной деятельности, основанной на отгонном скотоводстве в его экстенсивной форме, и образом жизни кочевого населения.

Одним из крупнейших регионов распространения кочевничества была обширная территория континентальной Евразии, рассматривавшаяся Л.Н. Гумилевым в качестве единого историко-культурного и природно-географического региона: «Евразией в историко-культурном смысле мы считаем только ту часть

---

²³⁶ Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М. – Л.: АН СССР. С. 195; Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. – М.: Наука, 1980. С. 242.

²³⁷ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – С. 112; Вайнштейн С.И. Кочевничество // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3 / отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – С. 72.

континента, которая лежит между Китаем, горными цепями Тибета и западным полуостровом – Европой»²³⁸. На ее территории не позднее начала I тыс. до н.э. были созданы древние кочевые цивилизации ираноязычных скифо-сакско-сарматских племен и народов, просуществовавшие до VIII-III вв. до н.э., и тюрко-монгоязычных сунну-гуннских племен в период с конца I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. В период средневековой и новой истории в Евразии господствовали кочевые цивилизации, созданные тюркскими (сер. I тыс. н.э. – XII в.) и монгольскими (XII-XV вв.) этнокультурными компонентами.

Евразийские номады активно участвовали в создании и развитии общих ценностей на пространстве всего континента: социальной и политической организации народов и государств, региональных и континентальных международных коммуникаций и др. В кочевом мире также сформировались общие цивилизационные ценности в материальной (юрта, жесткое седло со стременами, кожаные изделия – посуда, утварь, одежда, обувь, и др.), нематериальной (традиции, обычаи и др.) и духовной (религия, героические эпосы и др. произведения народного творчества) культуре.

Периодические всплески «кочевого прозелитизма» стали мощным фактором в истории Евразии. Появление на исторической арене новых масс кочевников, как, например, гуннской, тюркской и монгольской экспансии на протяжении более 2 тысяч лет (с III в. до н.э. до XIV в.), приводило к неоднократному перекариванию геополитической картины на территории континента. Существенную роль в периоды тюркской и монгольской экспансии сыграли монголы и тюркоязычные народы – огузы, казахи, волжские булгары, башкиры и др., – приняв участие в формировании геополитической и этнокультурной конструкции континента. Наибольший вклад в развитие политических, этнических, культурных, лингвистических процессов в данном регионе внесли кыпчаки, заложив основы кыпчакского строя языка многих тюркских кочевых и оседло-земледельческих народов Дешт-и Кипчака – территории, простиравшейся от Западной Сибири до устьев Дуная.

---

²³⁸ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М.: Экспресс, 1993. – С. 68.

Процесс научного осмысления места номадизма в мировой истории начался уже на его ранних этапах. Уже в древности, по словам Л.Н. Гумилева, был сделан задел в данном направлении: «История Великой степи, долгое время не имевшей собственной письменности, начинается с трудов двух великих историков древности – Геродота и Сыма Цяня»²³⁹.

Наступление кочевников против оседло-земледельческих цивилизаций Евразии и фактор границы с кочевым миром стимулировали невероятный интерес к феномену номадизма в Европе, Китае, России и других центрах некоего мира. В отечественном номадоведении почти до конца советского периода основу исследований составил богатейший свод источников, накопленный в XVIII-XX вв. путешественниками, военными разведчиками, академическими учеными, публицистами и т.д. Со второй половины XX в. в исследованиях кочевых культур стали появляться аналитические работы, направленные на осмысление кочевой цивилизации, роли и места данного феномена в историческом процессе, специфики социальной и политической организации намонов, характера взаимодействия с оседлым миром.

К обширной кочевой цивилизации Евразии в периоды средневековья и нового времени относилась кочевая культура башкир – активных участников геополитических процессов на обширной территории от Волги до Тобола по диагонали, от Южного до Среднего Урала – по вертикали. Спецификой изучения башкирского кочевничества является то, что данный этап в истории и культуре народа традиционно рассматривался в рамках общих исследований хозяйства. Одним из таких исследований стала концептуальная работа Р.Г. Кузеева, посвященная анализу развития хозяйства башкирского народа во II тысячелетии²⁴⁰. В ней ученый сформулировал концепцию «Арало-Уральского» цикла кочеваний – круглогодичных передвижений средневековых кочевых башкирских племен. Р.Г. Кузеев утверждает, что примерно с сер. I тыс. н.э. до монгольского нашествия в XIII в. кочевые башкиры совершали меридиональные кочевки с юга на север в соответствии со сменой времени года. Зимой они со стадами про-

---

²³⁹ Там же. С. 77.

²⁴⁰ Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв. (к истории перехода от кочевого хозяйства к земледелию). – С. 261-321.

водили в приаральско-присырдарьинских степях, весной направлялись к плодородным пастбищам Приуралья и Южного Урала, на зиму возвращались обратно на юг. Однако в XI-XII вв. на пути меридиональных передвижений кочевых башкир появились половецко-огузо-печенежские племена, значительно ограничив доступ на южные пастбища. Давление печенежского союза племен, утверждает Р.Г. Кузеев, вынудило кочевых башкир переселиться на Южный Урал – территории Бугульминской возвышенности и Зауралья²⁴¹. Монголо-татарское нашествие в XIII в. завершило процесс отделения кочевых башкир от южных степей, подытоживает ученый²⁴².

Продвижение башкир в северном направлении по восточную и западную стороны Южного Урала интенсифицировало процессы межэтнических контактов кочевников с местным населением с признаками уральской расы. Антропологические данные показывают, что расогенез башкир на территории Южного Урала развивался постепенно, без значительных скачков и полной смены населения с конца I тыс. н.э. Антропологическая консолидация башкир происходила в формате однолинейной метисации на основе брачных связей пришлых мужских групп преимущественно южносибирско-алтай-саянского происхождения с женским населением края с характерными признаками уральской расы²⁴³. В результате происходило формирование многокомпонентного состава башкирского народа, состоявшего из тюркских, монгольских, финно-угорских элементов, а также самодийского компонента²⁴⁴.

В золотоордынский и последующий периоды под воздействием различных факторов кочевничество башкир стало на путь трансформации в комплексное хозяйство²⁴⁵. Природно-климатические условия и ландшафт территории Южного Урала, особенно горно-лесных, лесных районов, расположенных в северных и северо-западных районах региона и не соответствовавших условиям ведения классического кочевого хозяйства, и особенно

---

²⁴¹ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – С. 46.

²⁴² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – С. 490-491.

²⁴³ Юсупов Р.М. Краниология башкир. – М.: Наука, 1989. – С. 158, 162.

²⁴⁴ Юсупов Р.М. Указ. соч. С. 139-142.

²⁴⁵ Мажитов Н.А. Указ. соч. С. 156.

соприкосновение с культурой оседло-земледельческих соседей, примыкавших к региону с запада и северо-запада, стимулировали развитие данной тенденции в истории башкир.

Кочевой тип, напротив, сохранялся у зауральских, юго-западных, южных, юго-восточных башкир, занимавших степные и лесостепные территории региона и сохранявших тесное взаимодействие с другими кочевыми сообществами Великой степи – кочевыми ногайцами, казахами, сибирскими татарами, а с начала XVII в. – кочевыми калмыками. Сохранение кочевого скотоводства вблизи рубежей с кочевой степью было обусловлено следующими факторами: а) подвижность и пластичность границ между кочевыми социумами; б) военные столкновения между кочевыми народами; в) относительно низкая плотность населения в районе границы.

Инерция кочевого хозяйства и культуры в составе России

Присоединение Башкирии к России, произошедшее в 1554-1557 гг., в зауральском регионе – в начале XVII в., после распада Сибирского ханства, стало переломным этапом в истории башкир. К этому времени башкирские племена находились на стадии этнической консолидации и культурной интеграции, однако между различными группами сохранялись различия в материальной, нематериальной и духовной культуре. Однако в начальный период развития в составе России кочевая культура башкир продолжила инерционное развитие, сформировавшееся еще накануне такого важного политического выбора. Несмотря на крупные антиправительственные восстания XVII – начала XVIII вв., российские центральные и региональные власти практически до начала второй трети XVIII в. – создания в 1734 г. Оренбургской экспедиции (с 1737 г. – Оренбургская экспедиция) – не предпринимали существенного вмешательства во внутреннюю жизнь башкирского народа. Это способствовало сохранению и развитию сформировавшихся ранее тенденций в хозяйственных занятиях башкир.

По образу жизни и хозяйственной специализации башкиры были разделены на кочевых скотоводов, продолжавших заниматься циклическими кочеваниями, и полукочевых групп, находившихся на стадии перехода к оседлости и комплексному хозяйству. Башкиры, расселенные в западных и северо-западных районах и вплотную соприкасавшиеся с оседлыми земледельца-

ми Волго-Камской зоны, накануне присоединения к России или находились на стадии полукочевого скотоводства, или уже перешли к оседлости и земледелию.

Относительная политическая стабилизация в составе России, исход из территории Южного Урала ногайцев, прекращение столкновений с сибирскими татарами после распада Сибирского ханства создали новые благоприятные факторы для этнической консолидации башкир. Эксклюзивные права башкирских племен, зафиксированные в царских жалованных грамотах, – вотчинное землевладение, самоуправление, сохранение исламской религии, традиций и обычаев, – стали мощным инструментарием консолидации. Этому же служили и основные повинности башкир: уплата ясака и несение военной службы. Российское государство использовало традиционную военную организацию башкир, существовавшую с кочевого периода, для организации сторожевой службы по охране юго-восточных границ и участия во внешних войнах страны.

Вскоре после присоединения к России на территорию Башкирии устремился все более расширявшийся поток оседло-земледельческих переселенцев со Среднего Поволжья и Прикамья, а также центральных уездов государства. Численность башкир, определенная Р.Г. Кузеевым методом ретроспективной реконструкции, в середине XVI в. составляла 180-240 тыс., в 1630-1631 гг. – 250 тыс. человек²⁴⁶. Во время I российской переписи (1719-1727 гг.) численность башкир составляла 71,4% (200-260 тыс. человек), а по V переписи (1794-1795 гг.) она сократилась до 20,76% (250 тыс.) от всего числа населения²⁴⁷.

Колонизация края происходила дугообразно, охватив крыльями север, запад и юг территории расселения башкир и постепенно продвигаясь вглубь края. Более активно она протекала в западных и северо-западных районах Башкирии, где интенсивность притока переселенцев требовала масштабного перераспределения земли между вотчинниками и арендаторами их земель – припущенниками. Миграция переселенцев, повышение плотности населения, размежевание и сокращение башкирских

---

²⁴⁶ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 213, 217.

²⁴⁷ Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990. – С. 107, 133, 178.

земель, строительство оборонительной линии и прокладка пограничной полосы между башкирами и другими кочевыми народами Азии (казахами, калмыками и др.), перманентно происходившие в XVII-XIX вв., стали новыми стимулами как для перераспределения земли, так и трансформации кочевого хозяйства коренного населения в его оседло-земледельческую форму²⁴⁸.

В XVII-XVIII в. к полукочевому скотоводству стали переходить южные и юго-восточные башкиры. Нормальное функционирование такого хозяйства, по расчетам Н.Ф. Демидовой, в начале XVIII в. было возможно при наличии минимального поголовья скота у каждого из башкирских домохозяйств в 20-40 голов. Для ведения смешанного скотоводческо-земледельческого хозяйства средний уровень хозяйства поддерживался при наличии 20 голов скота и 1-2 десятины пашни²⁴⁹. Размеры скотоводческого хозяйства башкир, зафиксированные И.Г. Георги в конце XVIII в., позволяют говорить в пользу таких расчетов: «Редко и у простого человека бывает 30 и 50 лошадей, многих оных до 500, богатые до 1000, а иные до 2000 и свыше..., число овец почти соответствует у богатых числу лошадей или превосходит оное, однако, мало чем. Рогатого скота держат богатые в половину противу лошадей. Почти у всех есть небольшие козьи стада»²⁵⁰.

Размеры территории, по утверждению И.В. Колесника, являются определяющим условием для воспроизводства кочевого хозяйства и культуры: «Гарантии выживания и сохранения суверенитета такие общества [номады] видели в избыточном объеме природных ресурсов, возможности сменить среду обитания, ставшую непригодной по причине природных или социальных катаклизмов, защититься от угрозы нападения соседей расстоянием. Отсюда их всегда болезненная реакция на любое установление границ и уменьшение площади окружающей их территории, которую они привыкли считать своей»²⁵¹.

---

²⁴⁸ Шитова С.Н. Указ. соч. С. 39.

²⁴⁹ Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству / под ред. П.В. Устюгова, Р.Г. Кузеева. – Уфа, 1958. – С. 46.

²⁵⁰ Георги И.Г. Указ. соч. Ч. 2. – С. 529.

²⁵¹ Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. – М.: Вост. лит., 2003. – С. 153.

Важную роль в процессе изъятия башкирских земель и стимулировании перехода башкир к оседлости и земледелию сыграл указ правительства от 11 февраля 1736 г., предоставивший участникам карательных операций против повстанцев-башкир право на приобретение земли башкир – участников антиправительственных выступлений. Этот же указ освободил всех башкирских припущенников на некоторое время от арендной платы²⁵².

После принятия данного указа и под воздействием других – политических, административных, экономических, социокультурных и пр. – факторов в оставшейся части всего XVIII в. происходил медленный, но неуклонный процесс трансформации кочевого скотоводства башкир в полукочевое, полукочевого – в комплексное хозяйство со значительной долей земледелия. Во второй половине столетия, по словам И. Лепехина, «хотя башкирцы еще по сие время очень худые и ленивые хлебопашцы, однако по соседству с русскими и с ясашных татар селениями начинают вникать в хлебопашество»²⁵³.

Систематические нарушения государством и различными группами населения системы вотчинного землевладения башкир стали главной причиной целого ряда крупнейших антиправительственных восстаний XVII-XVIII вв. Напуганное их размахом, государство стало рассматривать в качестве инструмента «умиротворения» политику стимулирования перехода башкир от кочевого и полукочевого хозяйства и быта к оседлости и земледелию. ««Где заведется пашня, там и домостроительство, а где домостроительство, там и тишина, и власть законов. Напротив того, кочующия народы всегда будут ветрены и законам не подчинены... Есть ли бы сей народ меньше кочевал, а больше прилежал к домостроительству и хлебопашеству, то и бунтов не случилось бы»»²⁵⁴, – доказывал в 1763 г. оренбургский губернатор Д.В. Волков связь между номадизмом башкир и их выступлениями против государства.

Процессы перехода от кочевого хозяйства к полукочевому находились в тесной взаимосвязи с обустройством оседлой жизни.

---

²⁵² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т.9. – СПб., 1830. № 6890. (далее – ПСЗРИ-1).

²⁵³ Лепехин И. Указ. соч. Ч. 2. С. 24.

²⁵⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. В 2-х ч. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50-70-х годах XVIII в. Ч. 2. / Сост. Н.Ф. Демидовой. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – № 492.

ни, основанием постоянных поселений (аул), возведением жилых и хозяйственных строений. Такие трансформации культуры у разных групп башкир происходили в зависимости от хозяйственно-культурного типа, распространенного в районах расселения. В земледельческом северо-западе и севере Башкирии поселения стали возникать еще до присоединения к России как населенные пункты соседской территориальной общины. В южных, юго-восточных и восточных районах (территории прежних Ногайской и Сибирской дорог), где преобладали полукочевой образ жизни и родовые традиции, башкирские аулы основывали члены одного родственного коллектива – большой патронимической семьи или группы родственников.

Во все периоды истории кочевые башкиры имели постоянные зимние поселения, куда они возвращались после сезонных кочев²⁵⁵. Переходные состояния поселений – от сезонной стоянки к постоянному поселению – в источниках XVII-XVIII вв. зафиксированы под разными терминами: кочевье, стан, зимовье, деревня. Например, спорное земельное дело башкир Сибирской дороги, датированное 1695 г., свидетельствует о наличии у них в районе озер Маяна, Касли, Ирисята, реки Караболка, передвижных жилищ на сезонных поселениях, а также «башкирской деревни» «Тоиша Иткулова с товарищи подле Урал Камень в Ыртяш озеро»²⁵⁶. Почти через 100 лет П.С. Паллас в 1770 г. в описании поселения башкир Сибирской дороги возле реки Юрюзань упоминает два термина: «Над Юрюзенем ... поселено башкирское зимовье. Зимовье именуется Сулла или по названию нынешнего управителя Муссятаул»²⁵⁷.

В первой половине XVIII в. размеры башкирских поселений колебались в пределах 5-20 жилищ²⁵⁸. В 1771 г. И.Г. Георги увидел башкирскую деревню в следующем виде: «В деревне бывает дворов от 10 до 50. Они срублены из бревен худо и непрочно и состоят по большей части в одной избе с плоскою крышею...»²⁵⁹.

---

²⁵⁵ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – С. 22-25.

²⁵⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М. – Л., 1936. № 15.

²⁵⁷ Паллас П.С. Указ. соч. Ч. 2. Кн. 1. С. 94.

²⁵⁸ Георги И.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 96; Попов Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 14, 17.

²⁵⁹ Георги И.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 89.

Типы жилищ, распространенные у башкир в различных зонах их расселения, также находились в тесной взаимосвязи со многими факторами: социальными, экономическими, экологическими, социокультурными и др. География распространения типов постоянных жилищ башкир, наиболее полно зафиксированная в XVIII-XIX в., ярко отражает процесс адаптации этнической культуры к экосистеме Южного Урала. Срубные дома были распространены по всей полосе Уральского хребта, в обширной зоне северо-западной и северной частей территории расселения башкир. В северных районах и по Уральскому хребту материалом для покрытия домов служили исключительно тес и драница, а в северо-западных и западных волостях происходила постепенная смена традиционного кровельного материала на солому, являвшуюся производной продукцией земледельческого хозяйства.

В юго-западной области бревенчатые дома чередовались с плетневыми домами из одинарного плетня, а в бассейне рек Иргиз, Камелик, Каралык были распространены саманные дома²⁶⁰. У бревенчатых и плетневых домов наиболее распространенным кровельным материалом служила солома, а саманные жилища очень часто были покрыты дерном. В восточном Зауралье ближе к восточному склону Уральских гор традиционным жилищем башкир служили небольшие деревянные дома без крыш. По мере отдаления от Урала на восток в направлении Западной Сибири все чаще строились плетневые дома из двойного плетня, а в степных районах Зауралья ближе к территории Северного Казахстана были распространены пластовые и саманные жилища с плоскими крышами²⁶¹.

Саманные, дерновые, плетневые дома появились в степных районах, бедных на строительный лесоматериал. В условиях практического отсутствия дорожных коммуникаций доставка строительного леса из горно-лесной части в степные районы Башкирии, как правило, осуществлялась во время весеннего половодья методом сплава. Доставленный подобным образом лесоматериал стоил дорого и был не по карману основной части башкирского населения. Поэтому башкиры, впрочем, как и дру-

---

²⁶⁰ Железнов И.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. – СПб., 1910. С. 252.

²⁶¹ Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 344.

гие жители степных районов, строили свои жилища из доступного материала, какими были саман и дерн. Традиция покрытия крыши жилища соломой сформировалась в районах, где уже было хорошо развито земледельческое хозяйство. Такой метод обустройства крыши башкирского жилища появился в процессе этнокультурных контактов с соседним оседло-земледельческим населением.

Кантонная система управления и окончательный упадок башкирского кочевничества

Важной вехой в истории башкирского народа стала кантонная система управления (1798-1865 гг.). Ее основу составили перевод башкир в военно-казачье сословие с вытекающими из нового статуса обязанностями несения военной службы, создание кантонов и их подразделений – юрт²⁶². Башкиры вместе с мишарями и ранее регулярно привлекались для выполнения различных военно-политических и полицейских задач: участвовали во внешних войнах, принимали участие в подавлении антиправительственных выступлений, обеспечивали защиту юго-восточных рубежей империи от набегов кочевников, служили заслоном для возможного исхода самих полукочевых башкир в казахские степи. Однако до создания кантонной системы они не имели статуса военного сословия, их военная служба носила ополченский характер.

Новая система управления также стала важным инструментом в руках государства по контролю над хозяйством и образом жизни башкир. Кантонные начальники и юртовые старшины были наделены широкими правами по управлению своими подчиненными. В частности, они принимали административные меры по ограничению сезонных кочевок у полукочевых башкир, следили за соблюдением установленного запрета на пересечение границ губернии и уезда, контролировали сбор и проведение народных празднеств и собраний (*йыйын*), которые в 1830-е годы вовсе были запрещены²⁶³. В 1840-х годах во время посева, сенокосов и хлебоуборочных работ были запрещены и сезонные кочевки башкир. С этого времени и до конца кантонного пери-

---

²⁶² ПСЗРИ-1. Т. 25. № 18477.

²⁶³ Центральный государственный архив Республики Башкортостан. Ф.И-2. Оп. 1. Д. 11356. Лл.1-2.

ода общая продолжительность кочевого времени сократилась до двух месяцев²⁶⁴.

В 1830-е годы башкиры были поделены на две группы: «кочевых» и «оседлых». Такое деление башкир своими корнями восходит к периоду кочевничества, когда уже в составе России после начала процесса оседания кочевых башкир произошло разделение их на две группы: «кочевых», «настоящих» башкир-вотчинников и «оседлых», башкир-земледельцев. В частности, на основе воспоминаний пожилых сородичей М. Уметбаев разделял башкир на «кочевых» (*асаба*), имевших много общего с народами Средней Азии, точнее, по его мнению, с чагатайцами, и на оседлых, или «лапотных» (*сабаталылар*)²⁶⁵.

К первой были причислены башкиры, приписанные к 4 Загорному (Троицкий уезд), 6 (Верхнеуральский уезд), 7 (Стерлитамакский уезд), 9 (Оренбургский, Бузулукский уезды) и 12 (Бугульминский, Белебеевский, Бугурусланский уезды) кантонам, т.е. расселенные в юго-западных, южных, юго-восточных и частично восточных районах их расселения. Для обеспечения продовольственной безопасности данных групп башкир в 1837 г. был введен хлебный денежный сбор по 1 рублю ассигнациями (по 30 коп. серебром) с каждой ревизской души²⁶⁶. С оседлых башкир денежный сбор не вводился, однако на территории их кантонов создавались хлебные запасные магазины с целью, в соответствии с их названием, обеспечения башкир хлебными запасами для посева и обеспечения продовольствием в периоды засухи и неурожаев.

В кантонный период политика принуждения к оседлости, жесткий контроль над образом жизни и другие меры привели к существенному сокращению размеров полукочевого скотоводства башкир. После отмены данной системы в 1865 г. данная тенденция получила дальнейшее развитие. Процесс «растворения» полукочевого скотоводства в рамках комплексного хозяйства и распространения оседлости среди полукочевых башкир практически завершился к концу XIX – началу XX вв. Исключение составляли юго-восточные и некоторые группы южных башкир,

---

²⁶⁴ Небольсин П. Заметки о башкирах // Отечественные записки. Т. 23. – СПб., 1850. – С. 3.

²⁶⁵ Уметбаев М.С. Ядкарь (Памятки) / Стихи, публицистика, переводы, фольклорные и историко-этнографические записи. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. – С. 191, 192.

²⁶⁶ ПСЗРИ-1. Т. 38. № 29000, № 29571.

продолжавшие выходить на летние кочевки вплоть до 1920-х – начала 1930-х годов. С началом коллективизации крестьянских хозяйств кочевки стали экономически невозможны, а политически даже опасны. В годы коллективизации подошла к завершению крупнейшая эпоха в истории башкирского народа, связанная с принадлежностью к кочевой культуре.

Кочевничество башкир вошло в историю как часть общей кочевой культуры евразийского континента, а по большому счету – и всего ареала распространения номадизма. История башкир имеет много общего с историей других кочевых народов Евразии: все кочевые общности Великой степи на определенном этапе своего развития оказались в составе сильных централизованных государств, основанных на ценностях оседло-земледельческой культуры. Казахи, киргизы, башкиры, калмыки, каракалпаки, туркмены, кипчаки, буряты, якуты и другие кочевые общности Алтая, Саян и других регионов Центральной Азии и Сибири в составе Российского государства, монголы, уйгуры, часть казахов, киргизов, бурят, калмыков и др. в рамках Китайской империи оказали существенное влияние на их развитие.

На протяжении громадного периода протяженностью почти 1,5 тыс. лет кочевые формы хозяйства, быта и культуры определяли систему жизнеобеспечения и культурного воспроизводства башкирского народа. Наследие и специфика кочевой культуры нашли отражение во многих сферах жизни: социальной организации, хозяйстве и занятиях, собственности и традициях наследования имущества, кухне и системе питания, семейно-бытовых традициях и т.д. Кочевой и полукочевой периоды по настоящее время ярко сохраняются в памяти башкир как период самодостаточности, свободы, героической борьбы за свои землю, права, культуру, веру и самостоятельность. Кочевничество является не только одним из продолжительных этапов в истории и культуре башкир, но и временем определения основной территории расселения, формирования этнического самосознания и языка. На их основе произошла консолидация башкирских племен в единый народ с важнейшими параметрами культуры – исламской религией, единым фольклором, литературным наследием и героической историей.

Российский фактор эволюции традиционного общества тувинцев

Тувинцы так же, как и многие другие этносы Сибири, Центральной Азии, испытали на себе влияние российской политики колонизации. В Туве это влияние имело свои особенности, которые мы рассмотрим. Однако, прежде всего, необходимо охарактеризовать этнокультурное состояние, социальное развитие общества в Туве, которое сложилось до этого.

Основы социально-этнической общности тувинцев, согласно заключениям этнографов, сложились в VI–XII вв.²⁶⁷ Собственно же этнос с самоназванием «тувинцы» на территории Тувы формировался в XVII в., главным образом в XVIII–первой половине XIX в.²⁶⁸ Современные историки сходятся во мнении, которое первым сформулировал С.И. Вайнштейн: в течение многих веков в хозяйстве, культуре, быту населения Тувы складывались традиции, которые сформировали наличие здесь трех основных культурно-хозяйственных типов – исторически сложившихся комплексов хозяйства и культуры: кочевых скотоводов горно-степной зоны, охотников-оленоводов горно-таежной зоны и кочевых и полукочевых охотников-скотоводов горной таежно-степной зоны²⁶⁹. Традиции эти существовали вплоть до периода завоевания Тувы Цинской империей (вторая половина XVIII – начало XX вв.), а также после упадка империи в течение ряда десятилетий²⁷⁰. Экспансии в течение многих веков со стороны крупных государственных образований в отношении Тувы, несмотря на их драматизм, не затронули основ культурной жизни тувинской общности. Завоевания проводились в политическом и экономическом плане, в культурном же – носили характер заимствований. Локализации развития Тувы способствовали географические условия. Образ жизни общества сохра-

---

²⁶⁷ Маннай-оол М. Х. Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. – Новосибирск: Наука, 2004. – С. 119.

²⁶⁸ Там же. С. 129.

²⁶⁹ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972.

²⁷⁰ История Тувы. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. 1. – С. 229.

нился в своей самобытности до начала XX века. В целом, весь этот период мы характеризуем как период развития традиционного общества тувинцев, окончание которого приходится на конец XIX – начало XX веков. Именно тогда социальная эволюция тувинского общества подверглась значительным изменениям благодаря российскому влиянию.

Кардинальные изменения в традиционном обществе Тувы связаны с российским влиянием, хотя начинались они в условиях больших геополитических изменений и с юго-востока (Китай, Монголия), и с северо-запада (Россия). Модернизационные процессы стали осуществляться в соответствии с желаниями верхних слоев общества, при непротивлении нижних, без большого противоречия с традициями. Мы называем этот этап «тувинской модернизацией». Длился он очень короткий промежуток времени – с рубежа XIX–XX вв. и первые три десятка лет XX века, после чего процесс, так и не развернувшись, был прерван, точнее – изменен. Социалистической социальной теорией этот период был назван переходным от патриархально-феодальных отношений к отношениям социалистическим.

Начало взаимодействия тувинцев и русских

Первые контакты населения Тувы с русскими датируются началом XVII века, что было связано с установлением торговых связей России с территориями Сибири и Дальнего Востока. В XVII веке тувинские племена как подданные Алтын-ханов даже юридически входили в состав Российского государства²⁷¹. Н.М. Моллеров считает, что именно с рубежа XVII–XVIII веков обозначился вектор движения Тувы и России навстречу друг другу²⁷².

В течении XVIII и XIX веков установившиеся русско-тувинские связи развивались преимущественно в форме торгового обмена. Более активные взаимодействия начались в Урянхайском крае с начала XIX века. В Туве появилась русская золотопромышленность: в 1838–1839 гг. на речках Малый и Большой Алгыяк (верхние притоки Сыстыг-Хема) были основаны первые прииски (Спасский и никитский). Тувинцы на этих объектах не

---

²⁷¹ Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1971. – С. 145–147.

²⁷² Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. – С. 3.

работали, но снабжали их рабочих и служащих продуктами скотоводства, охоты²⁷³.

Торговля между тувинцами и русскими не могла нравиться маньчжурским, а также местным властям. Монополистами внутренней торговли в Туве являлись тувинские чиновники, которым было предоставлено исключительное право на продажу китайских товаров. Однако, российскому правительству удалось найти выход для того, чтобы закрепить за собой тувинский рынок сбыта товаров. Согласно Пекинскому дополнительному договору между правительствами Российской империи и Китая 1860 года²⁷⁴, здесь была разрешена свободная беспошлинная торговля как китайским купцам, так и русским. Хотя Тува официально считалась подчиненной территорией Манчжурии, фактически она стала частью открытой граничной зоны между двумя империями.

Более того, в 1870–1880-х годах русские купцы открывали временные фактории (это предусматривалось договором), которые впоследствии превращались в места постоянного жительства. Позднее там вырастали оседлые населенные пункты. Это способствовало росту торгового оборота. Если в 1860-х гг. общий оборот русско-тувинской торговли едва достигал 40–50 тысяч руб., то к началу XX в. он вырос до 300–400 тысяч руб.²⁷⁵ К концу XIX века началась первая волна крестьянской колонизации, сначала незаконная, стихийная, а с 1907 года – целенаправленная²⁷⁶. Торговля с русскими, как оценивают историки, положила конец той ситуации замкнутости, изоляции тувинской экономики, в которую ее поставили маньчжурские завоеватели²⁷⁷.

С этого момента – со времени широких тесных контактов между народами, с рубежа XIX–XX веков, начинается отсчет тувинской модернизации. Предыдущий процесс сближения Тувы и России можно назвать в этом случае подготовительным этапом. Правда, к примеру, Н.М. Моллеров берет за начало модерниза-

---

²⁷³ История Тувы. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 283.

²⁷⁴ За три века. Тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915 гг.). Архивные документы. Сост. Дубровский В.А. – Кызыл: Тувинское книжное издательства, 1995. – С. 53–60.

²⁷⁵ История Тувы. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. 1. – С. 285.

²⁷⁶ Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX века). – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 354–356.

²⁷⁷ История Тувы. – Т. 1. – С. 286.

ции тувинского общества 1838 год (завершение приходится на 1918 г.)²⁷⁸. Такое «разночтение» мы объясняем логичным следствием разных решений методологической проблемы по сути модернизации. Модернизация в нашем понимании – это не просто обновление, как трактует наш коллега, а сложный процесс перехода традиционного общества в современное, сопровождающийся трансформацией всех сфер общественной жизни²⁷⁹.

Что стало происходить в тувинском обществе?

Золотые прииски способствовали расширению местного рынка. В конце 1890-х годов стали организовываться предпринимательские хозяйства русских купцов. По количеству скота они не уступали крупным хозяйствам тувинских нойонов (князей). В них стала совершенствоваться тувинская система ведения скотоводства с использованием труда тувинских аратов. Значительные группы тувинцев переходили Саянские горы и охотились на русской территории. Россия снабжала тувинцев такими изделиями промышленного производства, которые не могли поставить в Туву ее соседи – китайцы и монголы, и формами производства, которые не могли быть налажены самим местным населением. Тувинцы впервые узнали о постоянных жилищах – деревянных избах, о новых формах землепользования, о новых орудиях. Такие предметы российского экспорта, как мануфактура низких, более дешевых сортов, железные изделия, галантерея, табак и пушнина, потреблялись всеми слоями тувинского населения. За привозимые товары Тува расплачивалась с русскими своим основным богатством – скотом²⁸⁰. Здесь получили хождение денежные знаки не только китайские, но и русские – металлические деньги и кредитные билеты.

Так, несмотря на существование четких этнокультурных маркеров в восприятии «своих» и «чужих» у тувинцев, контакты между народами в Туве стали носить характер широких хозяйственных заимствований. Тувинское общество вплотную соприкоснулось с новым образом жизни, чего не было ранее. Прежнее вхождение Тувы в состав других государств не претендовало на рекультивацию населения и ограничивалось ее экономической

---

²⁷⁸ Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений... С. 8.

²⁷⁹ Ламажаа Ч. К. Теория модернизации и история Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2009, № 1–2. URL: <http://www.tuva.asia/index.php?newsid=111> (дата обращения: 24.01.2015).

²⁸⁰ История Тувы. – Т. 1. – С. 285.

эксплуатацией. В межкультурном взаимодействии не происходило таких традиционных для моделей русского освоения Сибири процессов, как адаптация и ассимиляция. Другие народы, не имевшие прежде других культурных влияний, получали от русских новые начала культуры, например, в виде широкой христианизации. Для Тувы внешнее воздействие было в первую очередь экономическим, что повлекло за собой собственно внутренние преобразования.

Тувинский выбор российского вектора

Конечно, нельзя говорить о том, что взаимодействие Тувы и России носило исключительно положительный характер. Русская торговля также носила характер несправедливого грабежа местного населения. Часть земель для новоприбывших с севера приобреталась путем подкупа знати, беднейшие слои местного населения, чтобы выжить, были вынуждены идти в наем на работу в крупные хозяйства разбогатевших русских поселенцев. И после установления над Тувой официальной юрисдикции России, край продолжал существовать как источник сырья, теперь уже для русской промышленности. В.Д. Март-оол и Н.М. Моллеров, в частности, распространение российского протектората на Туву расценивают как процесс, который для тувинцев «был отягощен нарушением их прав, но в целом способствовал их экономическому и культурному развитию»²⁸¹.

Заемствования в плане хозяйственно-экономической жизни обогащали мировоззрение, мобилизовали инновационные механизмы традиционной культуры, которая получила возможность существовать без жесточайшего политического и экономического пресса со стороны Китая. Соприкоснувшись с новым образом жизни, тувинцы увидели пример активного и эффективного хозяйствования. Русские переселенцы, большая часть которых была обедневшими крестьянами, искавшими лучшей жизни в новых местах – были одним из примеров классического «бегства» от государства. Они стали активной социальной группой, которая осваивала «дикое» поле с полной самоотдачей. Их пример тувинцев пугал, удивлял, поражал, заставлял с ними мириться и вдохновлял.

---

²⁸¹ Март-оол В. Д., Моллеров Н. М. «Урянхайский вопрос» в отечественной историографии // Ученые записки ТИГИ. Выпуск XX. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004. – С. 10.

Внешний экономический фактор повлиял и на деятельность правящих групп.

В научной литературе существует некоторое разногласие как по поводу просьбы Тувы о покровительстве России после падения в 1911–1912 гг. маньчжурской империи, так и о вхождении Тувы в состав СССР. Оба этих события сопровождались чередой исторических фактов, которые долгое время замалчивались официальной историей и которые еще требуют осмысления.

Выбор «Россия или Монголия» был чрезвычайно ответственным и не был одномоментным актом. Правители хошуунов метались в поисках лучшего направления, отправляя посольские отряды с письмами и дарами на север и на юг. Сложная геополитическая обстановка, а также революционные изменения в самой России заставляли северного соседа долго определяться со своими интересами в центре азиатского материка.

Монголия одновременно с Урянхайским краем получила политическую независимость от Китая, и в среде ее знати существовало желание присоединить Урянхай к себе. Промонгольски настроенные тувинские нойоны-князи говорили о присоединении к южному государству. Но в социально-экономическом плане Монголия была такой же ослабленной бывшей провинцией китайской империи, которой требовалось определить ход своего дальнейшего развития. К тому же история взаимоотношений тувинцев с монголами, несмотря на родственность культур, изобиловала притеснениями местного населения от монгольских начальников. В 1913 году глава хемчикского духовенства Камбылама Лопсан Чамзы писал заведующему пограничными делами Усинского округа А. П. Церерину, что тувинцы продолжают терпеть большие лишения от монголов, которые уничтожили старые маньчжурские порядки, но неравномерно распределили повинности между своим и тувинским народами, в своих притеснениях они даже «далеко превосшли» маньчжуров²⁸². То, что тувинцы относятся к монголам отрицательно, замечали и приезжие наблюдатели²⁸³. В монгольской же элите довольно долго были живы взгляды на тувинцев свысока, как на подвластные племена²⁸⁴.

---

²⁸² История Тувы С. 315–316.

²⁸³ Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений... С. 50.

²⁸⁴ Там же. С. 75.

Почему выбор Тувы пал на Россию? Сам край не имел достаточных внутренних резервов для дальнейшего развития. Размеренный ход кочевой жизни, огромный социальный разрыв, нищета основной массы населения и освященные религией установки на подчинение – все это не могло обеспечить дальнейшее существование и сохранение этнической целостности при постоянных внешних давлениях. Поэтому социальной ориентацией, получившей основание в самой культурной потребности, стала ориентация на Россию.

Учитывая то, что в тувинской культуре также характерным является гостеприимство, любознательность, то неудивительно, что в большинстве своем контакты с представителями северной державы носили характер установления личных дружеских отношений. По воспоминаниям приезжавших в Туву переселенцев: «чем дальше продвигались на восток (по Урянхайскому краю), тем больше встречались с проявлением дружелюбности по отношению к себе»²⁸⁵. Это значительно облегчало прохождение процесса культурных заимствований. Больших конфликтов на этнической почве зафиксировано не было. Такое взаимное сосуществование этносов продолжается и сейчас. Конфликты в Туве начала 1990-х годов между тувинцами и русскими, хотя и носили этническую окраску, по сути, были определены, прежде всего, социально-экономическими и политическими причинами²⁸⁶ и не являются характерными для межнациональных отношений в этом регионе в целом.

Выразителем российской установки стал глава самого многочисленного хошууна Буян-Бадыргы – один из первых представителей тувинской политической элиты, перешагнувшей через родовые, хошунные представления и мыслившей в государственных масштабах. В его прошении 26 октября 1913 года к императору Николаю II о покровительстве отмечаются установки на оптимальный путь для Тувы: урянхи соседствуют с Россией, имеют взаимную связь, многочисленные материальные интересы и предпочитают покровительство «белого царя». Аналогичное содержание писем было и от других правителей хошуунов. Выра-

---

²⁸⁵ Тува XX век. Народная летопись. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. – С. 13.

²⁸⁶ См.: Анайбан З.В. Межнациональные отношения в Туве в 1990-е годы. – М.: Институт этнологии и антропологии, 1999.

жая желание получить защиту России, Тува просила сохранить «установленные с давних времен порядки управления и обычаи», а также право распространения «желтой религии» – буддизма на своей территории²⁸⁷.

Протекторат (покровительство) России над Тувой был официально объявлен в 1914 году.

Тувинская модернизация

Как пишут историки, оценивая значение протектората, он «обеспечил возможность сохранения тувинского этноса, так как в противном случае тувинцы вошли бы в состав Внешней Монголии и утратили свою этническую специфику, и прежде всего родной язык, подобно тому как это произошло с некоторыми из тех групп тувинцев, которые оказались на сопредельных территориях и в самой Монголии»²⁸⁸.

По характеристике Н.М. Моллерова, Тува стала полунезависимой страной, которая накануне Октябрьской революции в России была близка к тому, чтобы стать новой территорией Российской империи. Первым советским руководителем Тувы С.К. Тока объявление над республикой российского имперского протектората расценивалось уже как присоединение Тувы к России, как «важное и прогрессивное событие в жизни и истории тувинского народа», так как, по его мнению, оно дало возможность «войти в революционный контакт с русскими рабочими и трудовыми крестьянами и через них вбирать в себя великие освободительные идеи марксизма-ленинизма»²⁸⁹. Но последний шаг – принятие тувинцами российского подданства – тогда сделан не был. Под влиянием революционной России события начали развиваться в направлении создания и становления суверенного тувинского государства²⁹⁰.

Как полагают современные исследователи, ранее принятое мнение об индустриализации как отправной точке модернизации

---

²⁸⁷ Дубровский В.А. Установление покровительства России над Тувой в 1914 г. Архивные документы. К 80-летию объявления протектората (покровительства). – Кызыл: Тувинское 1994. – С. 16.

²⁸⁸ История Тувы. Т. 1. С. 327.

²⁸⁹ Тока С. К. Торжество ленинской национальной политики // Торжество ленинской национальной политики в Туве. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1970. – С. 7.

²⁹⁰ Моллеров Н.М. История советско-тувинских отношений... С. 4.

ошибочно. Традиционные социальные структуры могут активно трансформироваться в процессе воздействия на них торгового капитала и подкрепляться хозяйственными контактами населения²⁹¹.

Начало модернизации Тувы ознаменовалось изменениями в хозяйствовании, в экономической жизни, в восприятии людей, в культурном сознании, отразившись и в политической жизни. На передний план политики выдвинулась элита, озабоченная дальнейшей судьбой Тувы и решавшая ответственные задачи исторического выбора. Тем самым тувинское общество отвечало на внешний вызов – требование самоопределения и выбора пути – адекватным ответом, позволявшем ему и развиваться, и одновременно сохранять основы своей традиционности. На начальном этапе государственное строительство в Туве являлось рациональным и определялось реалиями и интересами развития традиционного общества.

Со второго десятилетия XX века Туву, будучи вовлеченную в поле жизни российского государства, потрясают волны политических и социально-экономических кризисов. Однако, это стало и органическим следствием внутреннего становления: тувинское мировоззрение переживало революционный прорыв, формировало новые социальные структуры, примеряло новые идеологические ориентиры. В итоге, здесь также была установлена власть Советов.

Событием большой важности стало провозглашение при поддержке Советской России в 1921 году Танну-Туvinской Народной Республики (ТНР). Самостоятельная государственность была подчеркнута всеми атрибутами: Конституцией, формированием органов власти. При этом необходимо отметить, что вовлеченность Тувы в общероссийские процессы продолжала существовать и укрепляться. Это выражалось во всемерной поддержке проводимых в Туве реформ и было закреплено в 1944 году официальным вступлением ТНР в состав СССР.

Как уже было упомянуто, тувинские правители долго делали свой выбор между Россией и Монголией. В это же время и сама Советская Россия, балансируя в геополитическом треугольнике с Монголией и Китаем, не могла определиться с Урянхайским

---

²⁹¹ Бабаков В. Г. Кризисные этносы. – М., 1993. – С. 74–76.

краем – территорией, на которую притяжал и Китай, и Монголия. Позиция, которую занимали советские органы в Туве, как определил Н.М. Моллеров, характеризовалась официальным невмешательством во внутренние дела и созданием условий для проявления инициативы тувинских органов власти по всем внутренним вопросам. Представитель Наркомата иностранных дел РСФСР Ф.Г. Фальский на заседании райбюро РКП (б) 5 июля 1922 г. делал доклад «О работе среди урянхов», в котором утверждал в частности: «Нам нужно все наше внимание сосредоточить на том, чтобы вызвать как можно больше самостоятельности самих урянхов»²⁹². Но это не означало полной самостоятельности Тувы: тувинское правительство считалось с мнением представителей России; в составе Тувы находилась на особом статусе Русская самоуправляющаяся трудовая колония.

В любом случае полунезависимая страна получила больше, на что могла рассчитывать, учитывая то, что становление собственной государственности было делом новым для тувинцев. Локальная культура тогда, не удовлетворяясь старыми социальными, экономическими и политическими образцами, искала новые формы, также как и российская. Общество было готово к принятию инноваций ради сохранения и укрепления своей жизни. И относительное вынужденное невмешательство советского правительства в дела Тувы оборачивалось в определенном смысле благом для последней. Именно поэтому отношение тувинцев к России, как считают многие историки, тогда было гораздо лучшим, чем к Монголии.

А когда в 1925 году между правительствами СССР и ТНР был подписан договор об установлении дружественных отношений (с официальным признанием Союзом тувинского государства), по наблюдениям М.Г. Сафьянова, «все промонгольские настроения испарились даже у тех, кто несколько месяцев назад до этого подавал петиции о присоединении к Монголии». Заключение договора привело к улучшению внутренней обстановки в Туве²⁹³.

В научной литературе есть, правда, и другие мнения относительно ориентации тувинского народа в начальный период ТНР. А.К. Кужугет считает, что после прихода к власти С. Тока в кон-

---

²⁹² Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений... С. 69.

²⁹³ Там же. С. 87.

це 1920-х годов тувинцев стали интенсивно переориентировать с востока (Китай, Монголии, Тибета) на запад (Россию)²⁹⁴. В 1920-е годы, как она оценивает, большинство населения Тувы считали Монголию старшей сестрой, а монгольскую культуру близкой и родственной. А.К. Кужугет ссылается на свидетельство П. Маслова, который проводил в 1930–1931 гг. перепись населения ТНР вместе с группой советских ученых и наблюдал положительное отношение местного населения к близким по культуре монголам, у которых «те же юрты, те же кочевья, то же скотоводство», тогда как «СССР был далек и во многом непонятен»²⁹⁵.

Полагаем, что в данном случае мы имеем дело не с противоположными точками зрения ученых. Правы и те, и другие. В обществе могли сосуществовать разные настроения одновременно, а множественность оценок и взглядов очевидна в периоды социальных трансформаций. В массах могла присутствовать лояльность по отношению к монгольскому народу – в противовес настороженности к Монголии у правительства Тувы. Полярность мнений могла присутствовать как в среде власти и ее оппозиции, так и в социальных «низах».

При наличии разных мнений и их столкновений социальные реформы в республике проводились в целом как попытки создать новую жизнь своими резервами. Общество принялось за самореорганизацию. Это была модернизация тувинского общества силами самих тувинцев – активной части общества. Это происходило при поддержке с севера, откуда шел «экспорт революции». Но на первых порах установки русских на изменение общественного устройства, на прогрессивность перемен были понятны для тувинцев в связи с общей необходимостью для Тувы начала нового государственного строительства. Были и полумеры, и перегибы, но так как, по мнению большинства и верхов, и низов, – это делалось для блага Тувы и тувинцев, то находило оправдание, тем более, что для активных представителей беднейших слоев открылись шлюзы в социальной иерархии.

Таким образом, следует отметить решающее влияние российской политики на эволюцию тувинского общества. Признавая

---

²⁹⁴ Кужугет А. К. Культура и искусство ТНР. // Ученые записки ТИГИ. Вып. XX. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2004. С. 192–193.

²⁹⁵ Там же. С. 193.

это влияние, не следует расценивать его однозначно – или только негативно, или только позитивно. Как и каждый сложный социальный процесс, который разворачивался между двумя общественными устройствами, государственными образованиями, этот процесс был многосторонним.

Жанар Джампеисова

Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке

Со времен Петра I российское дворянство постепенно стало перенимать европейский вкус не только в архитектуре и одежде. В течение XVIII века российская интеллектуальная элита, стремясь стать частью европейского пространства, перенимала и интеллектуальные представления, доминировавшие там, и вместе с ними новый политический словарь²⁹⁶. Формирование подобного словаря было связано значительным заимствованием российской интеллектуальной элитой западной общественной идеологии. Влияние научных идей эпохи модернизма, как «прогресс» и «развитие», являвшихся частью эволюционной теории, повлекло за собой правительственную и научную деятельность по созданию социальных иерархий народов и культур²⁹⁷.

Во время правления Екатерины II в государственной политике России происходит смена характеристик, отождествлявших «другого». Ранее «другой», обычно идентифицировавшийся с чуждой религией, теперь начал ассоциироваться с другим обра-

---

²⁹⁶ Ауст М., Вильпиус Р., Милер А. Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700-1917). // Imperiuminter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917), – М.: Новое Литературное обозрение, 2010. – С. 5-13.

²⁹⁷ Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия. // Российская империя в зарубежной историографии. – М., 2005. С. 120-154; Тольц Вера. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империи конца XIX – начала XX вв. // Imperiuminter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917). – М.: Новое Литературное обозрение, 2010. – С. 266-307

зом жизни, прежде всего, с охотниками и кочевниками. Новое отношение к народам, ведущим другой образ жизни, строилось на противопоставлении землепашцев охотникам и кочевникам, где первые представлялись как занимавшиеся занятием, свойственным «культурно развитым народам». Приобщение российских интеллектуалов к имперской европейской идентичности приводило их к заимствованию идеи о принадлежности к «цивилизированному миру» и «цивизованности», воспевавшиеся со времен античности в европейской философии и противопоставлялась «варварству» восточных народов²⁹⁸. Как отмечают исследователи, прошло столетие между распространением в среде российской элиты идеи цивилизованности и формированием дискурса «цивилизаторской миссии»²⁹⁹. Р. Вильпиус отмечает, что понимание цивилизаторской миссии в России все же отличалось от западного понимания. Оно строилось на том, что «культурную отсталость» можно преодолеть при помощи государственного вмешательства. По мнению Р. Вильпиус, империю можно считать таковой, именно «когда элиты выражают чувства превосходства по отношению к этнически отличным от них народам на периферии»³⁰⁰. Она задается вопросом о том, насколько такое мышление было характерно для элит. По ее мнению, Россия, борющаяся с приниженным положением ее перед Европой, подошла к «усвоению чувства превосходства по отношению к нерусским народностям на южных и восточных окраинах»³⁰¹. В процессе анализа высказываний российской колониальной администрации «по внедрению цивилизации» в степной периферии складывается ощущение, что на практике властвующие элиты делали противоречивые заключения о миссии империи и на восточных окраинах. Они скорее демонстрировали двойственность и неустойчивость подобных представлений в целом. На материалах российской политики в казахских степях автор данной статьи намеревается аргументировать, что риторика чиновников о примитивности кочевого образа жизни начинала смещаться в противоположную логику: стало часто говориться о пользе или доводах об обоснованности заня-

---

²⁹⁸ Саид В.Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006, 637 с.

²⁹⁹ Вильпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке. // *Imperiuminter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917)*. – М.: Новое Литературное обозрение, 2010. – С.30

³⁰⁰ Там же. С.16.

³⁰¹ Там же. С. 36-37.

тия населения скотоводством, нежели хлебопашеством. Другими словами, «цивилизаторская миссия» не была однозначной, а корректировалась или вообще ставилась под сомнение при столкновении с практической жизнью кочевников.

Образ жизни кочевников сквозь призму взглядов колониальных управляющих Степного края

Материалы относительно российской политики в казахских степных территориях в течение XIX века достаточно хорошо показывают, что выше обозначенная идеология продолжала оставаться важным аргументом для колониальной администрации в формировании взглядов на кочевое хозяйство и кочевую культуру. После десятилетий организации административной работы российских чиновников на обширной степной территории обсуждение перспектив кочевничества детализировалось и усложнялось. Однако, императивы XVIII века о «примитивности» кочевых народов, на самом деле, стали значительно изменяться в течение всего XIX века.

Взгляды на перспективы развития оседлости и позиции к скотоводству, как показывает административная практика управления, не были четкими и ясными на протяжении долгого времени. Как известно, в 50-е гг. XIX века Положение 1854 г. закрепило права казаков Сибирского казачьего войска на землю десятиверстной полосы. В связи с получением таких прав казаки становились заинтересованными в том, чтобы заполученные земли отдать под аренду тем же казахам. Последним в таких случаях было необходимо покупать билеты на права пользования потерянными пастбищами. В результате казахи, по мнению Б. Абдрахмановой, становились выгодными налогоплательщиками для российского правительства. Этим обуславливалось желание русских властей удержать их в качестве скотоводов. Как пишет автор, все это создавало основу для противоречий, когда власти, с одной стороны, пытались «...сохранить казахское скотоводство, с другой стороны – ограничить, по возможности, территорию кочевания, надеясь, таким образом, решить в интересах казаков и промышленников земельный вопрос»³⁰².

После реформ 1867-1868 годов, наряду с общей колониальной риторикой о примитивности кочевого образа жизни и необ-

---

³⁰² Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана, 1998. – С. 82.

ходимости «оцивилизовывания» кочевников через поощрение их к переходу к оседлости и земледелию, сохранялась также точка зрения о том, что поддержание скотоводства в казахской степи было бы выгодно для российской экономики. Кроме этого, часть влиятельных деятелей в местной колониальной администрации считала, что переход кочевников к земледелию должен быть постепенным в связи с особенностями географии и климата степного пространства. Они даже высказывались вообще о полной невозможности в некоторых пустынных территориях изменения характера местной экономики. Наличие таких противоречивых мнений в ту или другую сторону подтверждает военный губернатор Тургайской области А.К. Гейнс: «...Во времена бывшего военного Оренбургского, графа Сухтелена, установилась странная точка зрения, будто интересы России требуют удержания киргизов во что бы то ни стало в их кочевом состоянии. Генерал Перовский держался того же мнения. Его преемник, генерал Обручев, пришел к другому крайнему убеждению, а именно, будто полезно и возможно сделать киргизов оседлыми, хотя бы и форсированными методами. Вновь занявший место Обручева граф Перовский сделал ряд прямо противоположных распоряжений и свою мысль о необходимости киргизов оставаться кочевыми довел до такого предела, что запретил им строить прочные землянки. Генерал Катенин склонился опять к идеям Обручева...»³⁰³. Сам же А.К. Гейнс придерживался мнения, что экономические и социальные изменения должны происходить постепенно. Роль русской администрации он видел, прежде всего, в поддержании безопасности и порядка в степи. Более того, он понимал назначение власти в изучении ими кочевого образа жизни и их адаптации к местной культуре. Разъясняя смысл «Временных положений» в степи уездным начальникам, А.К. Гейнс писал: «...власть администрации получает характер патриархальный, так как правами главы семейства или рода можно только мотивировать действия, не указанные законом. Такой характер управления совершенно удовлетворяет киргизов, жизнь которых и до сих пор обуславливается родовым началом. Вероятно, этим обстоятельством нужно

---

³⁰³ Гейнс А.К. Мотивированная временная инструкция уездным начальникам Тургайской области, 1978 // Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Т.2. – СПб., 1898.

объяснить огромное и благотворное влияние в степи тех чинов администрации, которые, отбросив рутинные приемы и обособленность власти, стали к киргизам в самые близкие отношения и действуют так, как бы действовал хороший родоначальник»³⁰⁴. Очевидно, что управленческая деятельность в степных областях многими чиновниками понималась в определенной степени как адаптация имперских задач к местным условиям, что делало их позиции на будущее в степи значительно отличающимися от взглядов центральной власти. Представители местной власти, жившие среди кочевой среды и приобретшие свой собственный опыт взаимоотношений с кочевниками, становились источником своеобразной детализации и персонифицированного понимания «правильного» управления. Их утверждения изменяли прямолинейную риторику российских властей об «отсталости и дикости» кочевого образа в более усложненное его понимание и, соответственно, отношение.

Риторика о спонсировании земледельческой культуры и ее амбивалентность в политике Степного генерал-губернаторства (1882-1917)

Здесь мы предлагаем остановиться подробнее на рассмотрении основных воззрений местной администрации по данному вопросу. Наиболее концентрировано их позиции могут быть выражены устами наиболее главных фигур местной власти, в частности, генерал-губернаторов, управлявших в крае. Одним из генерал-губернаторств, образованных после завоевания Туркестана и появления новой пореформенной административной системы во второй половине XIX века, было Степное генерал-губернаторство, возникшее в 1882 году. Первым генерал-губернатором был назначен Г.А. Колпаковский. В своем Всеподданнейшем отчете о положении дел в Степном генерал-губернаторстве за 1883 год Г.А. Колпаковский подробно остановился на вопросе об отношении к скотоводству. Содержание доклада убедительно раскрывает наличие противоречий между имперскими дискурсами и выводами практической деятельности местных колониальных начальников.

Переходя к конкретному анализу отчета, представляется немаловажным заметить, что этот документ был подготовлен выс-

---

³⁰⁴ Там же. С. 552

шим чиновником, который имел огромный опыт административной деятельности в разных областях Степного края. Текст отчета был составлен не новичком чиновником, а такой персоной, которая на момент присутствия российской власти в степи, имела солидное резюме опытного человека, напрямую связанного с управлением края. Генерал-губернатор Степного генерал-губернаторства Г.А. Колпаковский с 1867 года начинает служить как военный губернатор новообразованной Семиреченской области. В 1882 году он становится генерал-губернатором Степного генерал-губернаторства (включавшего в себя обширные Семиреченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области). В ходе своей работы он сотрудничал с такими известными фигурами, служившими в крае, как Н.А. Аристов, Ч.С. Валиханов, Г.Н. Потанин³⁰⁵.

В 1883 завершился первый год Г.А. Колпаковского в качестве губернатора. Его отчет о прошедшем годе касался основных забот регионального ведомства: состояния народонаселения (казахов, оседлого населения, отдельно казаков), инфраструктуры (учреждения городов и дорог), крестьянской колонизации, хозяйства (скотоводства и хлебопашества), торговли, образования и здравоохранения. Язык отчета генерал-губернатора привычно встраивался в принятые в чиновничьей среде того времени изложение задач администрации, таких, как спонсирование российских представлений о развитии хозяйства и общества в местную среду. В связи с этим несоответствующий российским стандартам «киргиз» описывался в терминах «дикости», и – в смягченном определении – «полудикости», несшее в себе надежду на некоторое возможное развитие народа. Однако, в языке колониального времени, кажется, можно найти определение того, что считалось «дикостью». Описывая казахов Степного генерал-губернаторства, наиболее дикими чертами казахов Г.А. Колпаковский называл «страсть к конокрадству», барымту, а также вероятность легкой смены русского подданства в китайское. «Все это свиде-

---

³⁰⁵ Известно, что в 1887 году в своем письме Г.Н. Потанину он советовал обратить внимание на записку штабс-ротмистра Валиханова по поводу реформирования казахского суда биев, «не лишенной интереса». В связи с чем, исследователь К. Бижигитова правомерно обращает внимание на то, что ближайшее окружение могло влиять на взгляды Г.А. Колпаковского, / Бижигитова К.С. Штрихи к портрету Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского // Азиатская Россия: люди и структуры империи. – Омск, 2005. – С. 341-351.

тельствует, что киргизы остаются до сей поры еще полудикарями, чуждыми понятий о гражданственности», – писалось в отчете³⁰⁶. «В Степном крае, – писалось далее, – обитаемом преимущественно дикими номадами, чуждыми пока понятий о гражданском долге и склонными к воровству, своеволию и обману, общественное благоустройство и благочиние не могут находиться в удовлетворительном состоянии»³⁰⁷. Определение «гражданственность», очевидно, было противоположным по смыслу «дикости». Таким образом, можно предположить, что понятийный аппарат о нецивилизованности местного населения в большей мере находился в области права и правового сознания. В данном контексте Г.А. Колпаковский подразумевал отсутствие у казахов российского правового сознания.

Успех развития гражданственности, по мнению главного начальника губернаторства, в большей степени зависел от того, в какой мере положительно сама Россия может быть представлена перед степным населением. Губернатор был озабочен тем, что количество ссыльных, присылаемых в казахскую степь, «могут беспрепятственно развивать между киргизами антиправительственные идеи и покалечат в кочевой среде веру в неизбежность нашего государственного порядка и уважения к русскому могуществу. В таком случае все меры, предпринимавшиеся Правительством для сближения кочевников с русской народностью и для постепенного обращения их к гражданственности, – продолжал он, – окажутся тщетными и потребуют чрезвычайного напряжения сил и расходов на удержание в порядке и спокойствии враждебного нам по религии полудикого миллионного населения, легко поддающегося всякого рода возбуждениям», – писалось в отчете³⁰⁸. Таким образом, дискурс о дикости и нецивилизованности кочевников, по нашему мнению, в меньшей степени относился самому кочевому образу жизни казахов, в большей части – к правовому сознанию местного населения. Относительно скотоводства в отчете Г.А. Колпаковского наблюдалась иная линия.

Описание кочевого населения в отчете начинается с тезиса о том, что кочевой образ жизни казахов связан не с уровнем раз-

---

³⁰⁶ ЦГА РК Ф. 64 Д. 125. Оп.1. Л.3 об.

³⁰⁷ ЦГА РК Ф.64. Д.125. Оп.1. Л.22

³⁰⁸ Там же. Л. 22 об.

вития общества, а является формой адаптации к природным условиям: «кочевой быт их обуславливается вышеизложенными естественными свойствами Киргизской степи, представляющей более удобств для содержания многочисленных стад, нежели для оседлой сельскохозяйственной деятельности»³⁰⁹; «несмотря на такую пустыннуюсть края, громадная его площадь представляет, сравнительно со своею величиною, весьма ограниченные районы для оседлой культуры и для русской колонизации, сверх занятых уже оседлыми пунктами местностей»³¹⁰. В тезисе о скотоводстве казахов присутствует достаточно позитивное отношение к кочевникам, где подчеркивается, что «скот приносит еще ту громадную пользу, что доставляет почти все необходимые и все сподручные при кочевой жизни материалы: для жилья, одежды, обуви, посуды, топлива и проч.»³¹¹. Обнаруживаемое здесь объяснение обоснованности кочевого образа жизни исходило не из идеи об уровне развития общества, а из существовавших климатических и географических условий данной территории. Это совсем меняло содержание дискурса о «примитивности» кочевников и, вместе с тем, проблематизировало спонсирование русскими земледельческой культуры.

Позитивное отношение к кочевникам, кажется, обуславливалось тем, что казаки, а также переселившиеся в Степное губернаторство российские крестьяне не показывали какого-нибудь убедительного образца преимущества занятием земледелием. Больше того, они часто сами не были успешными земледельцами. Данные отчета показывают, что казаки неохотно занимались земледелием, а крестьяне нуждались в государственной помощи³¹². В связи с этим начальник края делал заключение, что «в виду этого является сомнение в пользе дальнейшего водворения тут крестьянской колонизации и, во всяком случае, прежде чем продолжать ее, необходимо выждать более определенных результатов произведенного опыта»³¹³.

Вообще следует сказать, что текст отчета представляет собой соединение исключających друг друга положений. В нем содер-

---

³⁰⁹ Там же. Л.3

³¹⁰ Там же. Л.6

³¹¹ Там же. Л.10 об.

³¹² ЦГА РК Ф.64. Д.125. Л.6 об.

³¹³ Там же. Л. 6 об.

жится аргументация в поддержку развития оседлости и одновременно его невозможностью; необходимостью крестьянской колонизации, и в тоже время наличием трудностей для ее воплощения. По всей вероятности, усиливалось мнение, что все-таки степные территории в большей части подходят для кочевого хозяйства. Как следствие, администрация Г.А. Колпаковского все больше стала склоняться к политике осторожного переселения российских крестьян. Вдобавок озвучивалась идея поддержки скотоводства как вида деятельности, почти не имеющей альтернативы в целом. В каком-то смысле данная позиция стала склоняться к желанию оградить скотоводство от неразумного навязывания хлебопашества, которое не могло быть столь эффективным, как скотоводство. К тому же Г.А. Колпаковский считал непродуманным решение об экспроприации лучших кочевых пастбищ под переселенческие участки: «...кроме зависимости от физических условий степной природы, дальнейшие колонизационные стремления необходимо должны сдерживаться тем соображением, чтобы занятием удобных для переселенцев, и стало быть лучших степных участков, не подорвать благосостояния кочевников. Лишение таких участков, соединяющих в себе удобства для пашен и сенокосов, снабженных водою и лесом, не может, конечно, не чувствоваться киргизами, как утрата своих лучших пастбищ. При том же, киргизы могли бы и сами со временем на подобных местах завести хлебопашество»³¹⁴. Г.А. Колпаковский критически оценивал предыдущие факты распределения казахской земли между казаками и крестьянами, предлагая урезать размеры наделяемой им земли³¹⁵. Постепенно он подошел к идее необходимости изучения кочевого землепользования до того, как дальше продолжать крестьянскую колонизацию³¹⁶. Можно предположить, что идеи Г.А. Колпаковского были одними из первых, ставшими основой для формирования взгляда о том, что кочевое землепользование нуждается в защите от переселенческой экспроприации: «...прежде усиления крестьянской колонизации в степи необходимо произвести равномерную разверстку земель между киргизами, из которых очень стеснены в землепользовании»³¹⁷. Хотя,

---

³¹⁴ Там же. Л.6 об

³¹⁵ Там же. Л. 7

³¹⁶ Там же. Л.7

³¹⁷ Там же Л.10 об.

как случится далее, в перспективе эта идея будет использоваться в противоположном смысле. В частности, как идеологическое обоснование организации статистической экспедиции в степных областях под руководством Ф. Щербины, уже с целью экспроприации земли кочевников.

Анализ отчетов канцелярии в середине 1890-х гг. относительно развития земледелия в период Степного генерал-губернатора М.А. Таубе приходит к мнению, что местная администрация также имела достаточно противоречивые взгляды по сравнению с решительностью Комитета Сибирской железной дороги, под чьим воздействием переселение российских крестьян на казахские земли набирало обороты.

Успех развития земледелия в степных областях в этот период времени также было под вопросом. Согласно докладу, местные власти считали, что до появления российских крестьян местное население засевало земли в размерах, достаточных для собственного потребления. С появлением русских появилась тенденция сдачи казахам земли в аренду. Те казахи, которые же начали обрабатывать ее сами, «... заимствовали у русских тоже небережливое, хищническое отношение к земле, какое последнее, к сожалению, проявляют на чужбине», – писалось в отчете³¹⁸. Поощрительные меры для поддержки приехавшего населения в виде различных льгот имели незначительные результаты. Как видно, власти на местах имели достаточно умеренные ожидания от переселенцев в их способностях развить высокие стандарты агрокультуры.

С другой стороны, местная администрация была озабочена задачами, поставленными центром о переводе казахов к оседлости. В «Записке по вопросу о содействии кочевникам к переходу в оседлое состояние» канцелярией генерал-губернатора был представлен анализ причин, почему мероприятия России по поощрению казахов в оседлость не имели успеха. Все аргументы администрации сводились к тому, что никакие меры не могут привлечь кочевников сменить образ жизни, так как для них ничего не может быть ценней, чем кочевничество, в то время как земледельцы у казахов ассоциировались с джатаками, самым беднейшим слоем казахского общества. В связи с этим колониальные управленцы не видели другого средства преодоления

---

³¹⁸ ЦГА РК Ф.64. Д.647. Л.153 об.

существующего положения, чем принуждение «...не столько поощрительные, сколько принудительные меры могут содействовать переходу к оседлости и в направлении последних, именно действует постепенное стеснение пределов киргизского кочевания вследствие прироста населения и образования среди киргиз крестьянских поселков», – писалось в документе³¹⁹. В каком-то смысле в этих словах о принуждении можно прочесть сомнение в культурегерских способностях администрации и земледельцев, не имевших серьезных доводов, которые могли бы привлечь казахское население к смене образа жизни.

Нельзя также не заметить, что через всю «Записку...» сквозит мысль о необходимости учета климатических условий края. Конечно, здесь наблюдается прагматический экономический подход и понимание скотоводства как наиболее приемлемого пути устройства жизни. Одновременно, очевиден также прагматический подход и к спонсированию «более «высокой земледельческой культуры»: такая мера предлагалась только там, где она могла быть выгодной российскому государству экономически:

«в степных областях имеются огромные пространства по физическим условиям совершенно непригодные для земледельческого хозяйства и оседлой жизни»; «использование вышеупомянутых громадных пространств, составляющих значительную часть территории степных областей, возможно лишь при кочевом образе жизни, какой ведут киргизы, и при том с сохранением установившегося обычая права пользования летовками в способной для земледельческой культуры части степных областей. ... и в интересах государства гораздо выгоднее поступиться для скотоводства сравнительно небольшою площадью, так называемых летовок, в виде дополнительных угодий, и тем самым сохранить для нужд скотоводства непригодные для других отраслей сельского хозяйства земли, чем обращая всех кочевников к оседлости, для чего пришлось бы поселить их на удобных землях, оставив мертвую полосу в киргизской степи. Несомненно, поэтому, что очень большое число киргизов останется кочевниками и, как таковые, они будут полезны для государства с качестве скотоводов и исправных плательщиков государственных податей за

---

³¹⁹ Там же Л.157

право пользования, главным образом, неудобными для сельского хозяйства землями»³²⁰.

Можно заключить, что «цивилизующая миссия» империи осуществлялась избирательно. Очевидно, что это делалось из-за прагматического решения по получению выгод от кочевников для имперской экономики.

Дебаты о состоянии сельского хозяйства в России: поиски путей «повышения крестьянской культуры»

С целью более глубокого понимания ситуации, заключавшейся в существовании противоположных мнений у местной администрации и центральных властей о необходимости крестьянской колонизации, кратко обратимся к другому обсуждению, имевшему место в российской печати того времени – дискуссии о состоянии хозяйства российских крестьян в самой России.

Во второй половине XIX века вопрос о необходимости крестьянской колонизации для многих интеллектуальных кругов России не был однозначным. Одним из актуальных вопросов, обсуждаемых в то время, была дискуссия о причинах активного самовольного переселения крестьян на периферийные территории. Напрашивающимся ответом на эту ситуацию было малоземелье. В свою очередь, под малоземельем могло подразумеваться многое. Как писали статистики, понятие о недостатке в земле у крестьян было разным, и оно превращалось в относительное понятие. Переселенцы в местах выхода имели разное количество десятин земли, размеры которых можно было определить как действительно крайне малоземельные хозяйства, так же как насчитывалось и немалое количество обеспеченных. В связи с этим поднимались вопросы относительно реальных причин крестьянского переселения. Само обсуждение причин переселения сопровождалось и дебатами о том, нужно ли вообще допускать крестьян к переселению.

Одна часть авторов, имевших отношение к названной дискуссии, были настойчивыми противниками любого разрешения или поощрения крестьян к переселению. Их доводы сводились к тому, что причины переселения состоят не в малоземелье, а в отсталых формах ведения крестьянского хозяйства, где техника обработки земли оставалась неразвитой. Авторы, характеризуя

---

³²⁰ Там же. Л.160-160 об.

многие крестьянские хозяйства российских крестьян, использовали такие слова, как «первобытные способы ведения хозяйства», его «распущенность и закоснелость». По мнению очень известного в свое время статистика А. Кауфмана, действительные причины переселений были заключены в: «кризисе существующей системы хозяйства»³²¹. Противники переселений считали, что земельная теснота способствовала бы улучшению ведения хозяйства, интенсификации обработки земли, а также использованию более эффективных орудий труда, вместо экстенсивного освоения целинных земель. Сторонники переселения, соглашаясь с мнением о том, что российских крестьян к переселению гонит малопродуктивный труд, и считая необходимым поднять агрокультуру крестьянина для роста производительности труда, все же утверждали, что достичь этого в короткое время было невозможно. В связи с этим А. Кауфман констатировал, что «расширение землевладения путем, между прочим, переселения – и воздействия на крестьянскую культуру рассматриваются, таким образом, как два параллельных ряда мер, направленных к достижению единой цели: мало того – меры первого порядка рассматриваются как необходимое условие возможности провести в жизнь всякое сколько-нибудь серьезное улучшение крестьянской культуры»³²². Все вышесказанное приведено из содержания дискуссии 80-х годов XIX века – начале XX века, которое позднее было проанализировано А. Кауфманом. Итак, логика рассуждений тех, кто поддерживал переселение, состояла в том, что они видели путь выхода из кризиса крестьянского хозяйства в России за счет переселения малоземельных крестьян, а затем постепенного поднятия эффективности их земледельческой культуры. Отсюда очевидно, что практическое спонсирование российскими крестьянами агрокультуры на степной территории оставалось отдаленной перспективой.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что перед местными властями в Степном генерал-губернаторстве стояли задачи подь-

---

³²¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. – М., 2011. – С. 181.

³²² Там же. С. 201

ема культуры как кочевников, так и переселенцев. В связи с этим можно догадываться о том, почему декларируемая центральными колониальными властями, в частности, Комитетом Сибирской железной дороги, идеология цивилизирующей миссии русского крестьянства была весьма сомнительной для местных колониальных органов.

Как видим, колониальные власти на местах, используя риторику о необходимости перевода кочевников на оседлость, на самом деле были обеспокоены возможностью негативных последствий и неудачи такой политики. Утверждаемое чувство превосходства земледельцев над кочевниками, подспудно расшатывалось выводами о самых разнообразных причинах пользы скотоводства, а также неуверенностью в успехах крестьянской колонизации. В целом, можно говорить о том, что «цивилизирующая миссия» не стала всеобъемлющим концептом для России и на восточной периферии.

Степан Джунджузов

Имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности крещеных калмыков (Среднее Поволжье и Южный Урал, XVIII –XIX вв.)

Аккультурация национальных меньшинств, сформировавшихся в результате миграций, как и сохранение их этнической и конфессиональной идентичности – феномен глобального, мирового значения. Целью настоящей статьи является обобщение результатов собственных многолетних исследований, посвященных двухвековой истории специфической этноконфессиональной группе Урало-Поволжского макрорегиона Евразии – крещеных калмыков, которых в историографии принято называть «оренбургскими»³²³. Методологической основой этих исследований стал

---

³²³ См., например: Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века): монография / науч. ред. С.В. Любичанковский / С.В. Джунджузов. – Оренбург: Издательский

т.н. «имперский подход», разработанный и примененный к имперскому периоду российской истории в ряде трудов зарубежных и российских специалистов³²⁴. Основными задачами, необходимыми-

---

центр ОГАУ, 2014. – 434 с.; Джунджузов С.В. «Они люди степные и в вере еще не совершенные...». Оренбургский след в крещении калмыков // Родина. 2014. – №10. – С. 110-112; Джунджузов С.В. Динамика численности населения в Ставропольском калмыцком войске (1737–1842 годы) // Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. – №2. – С. 13-19; Джунджузов С.В. Истоки «буддийского инакомыслия», или почему оренбургские калмыки не стали христианами // Буддизм ваджраяны в России: история и современность. – СПб.: UnlimitedSpace, 2009. – С. 321-331; Джунджузов С.В. Наделение земель и землепользование казаков Ставропольского калмыцкого войска (середина XVIII века) // Новый исторический вестник. Спец. вып. «Сибирские чтения в РГГУ». 2010. – № 4(26). – С. 29-45; Джунджузов С.В. Организация медицинской службы в Ставропольском калмыцком войске (30-е годы XVIII века – начало 40-х годов века) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 51. 2012. – №16(270). – С. 12-17; Джунджузов С.В. Освещение истории крещеных калмыков Средневожско-Уральского региона в дореволюционной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №5(43): в 3 ч. Ч. II. – С. 65-69; Джунджузов С.В. Охранная служба ставропольских крещеных калмыков (1739-1839 гг.) / С.В. Джунджузов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. 2014. №4(т. 4). – С. 175-183; Джунджузов С.В. Поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье и на Южном Урале (30-е гг. XVIII в. – 20-е гг. XX в.): архивное сопровождение темы и публикация источников // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. №1(т. 4). – С. 33-42; Джунджузов С.В. Российская политика христианизации калмыков и ее влияние на общественные отношения в Волжском калмыцком ханстве (конец XVII – середина XVIII в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. – Т. 16. №3(2). – С. 359-363; Джунджузов С.В. Участие конных формирований калмыков в войнах России во второй половине XVIII века // Вестник Самарского государственного университета. 2014. – №1(112). – С. 41-47; Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Межведомственные тяжбы вокруг земель калмыцкой команды Оренбургского казачьего войска (30-е гг. XIX в.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. – №2(т. 4). – С. 119-135.

³²⁴ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Москва. Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.; Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад: монография. – М.: Традиция, 2000. – 344 с.; Леонтьева О.Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник Самарского государственного университета. 2012. – №8/2(99). – С. 27-46; Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение Родины». Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2012. – №8/2(99). – С. 5-16; Khodarkovski M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500-1800. Bloomington-Indianapolis, Indiana University

ми для достижения поставленной выше цели, стали следующие: проанализировать процесс создания и развития Ставропольского калмыцкого войска в XVIII веке; объяснить причины и показать проявления кризиса, которое это войско испытало к началу XIX века; охарактеризовать попытку реформирования Ставропольского калмыцкого войска В.А. Перовским; выявить характерные черты процесса переселения калмыков на земли Оренбургского казачьего войска, показать его успехи и неудачи, способы сохранения крещеными калмыками своей этнической идентичности в условиях инокультурного окружения.

Создание и развитие Ставропольского калмыцкого войска в XVIII веке

История т.н. «оренбургских калмыков» представляет продолжавшееся 190 лет путешествие из Волжского калмыцкого ханства через Среднюю Волгу и Южный Урал в Автономную область калмыцкого народа с остановкой чуть более или менее столетия в каждом транзитном пункте. Калмыки, принимавшие христианство по требованию своих владельцев или под давлением обстоятельств, переходили в разряд служилых людей, со временем

Press, 2004. – 304 P.; Werth P.W. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905 / P.W. Werth. Ithaca, 2002. – 285 p.; Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 18-47; Ремнев А.В. Имперский вектор истории России: Азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // Вестник Омского университета. 2007. – №4. – С. 6-22; Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. – Казань: Новое изд-во, журнал «AbImperio», 2010. – 438 с.; Любичанковский С.В. Кризис системы местного управления в последнее десятилетие существования Российской империи // Отечественная история. 2003. – №1. – С.197-201; Любичанковский С.В. Кризис губернского управления регионами в позднеимперской России // Федерализм. Теория. Практика. История. 2007. – №1. – С.127-140; Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский исторический вестник. 2013. – №3 (40). – С.59-68; Любичанковский С.В. «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. – №2. – С. 165-169; Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. – Vol.13. – № 4 (Fall 2012). – P. 861-875; Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. – Екатеринбург. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. – С.7-30.

пополнивших ряды российского казачества. Создание поселения крещеных калмыков на Средней Волге, преобразованное по инициативе оренбургского губернатора И.И. Неплюева в СКВ, было продиктовано заинтересованностью царского правительства в хозяйственном освоении малозаселенных просторов Поволжья и Южного Урала и обеспечении охраны юго-восточных границ Российской империи от посягательств азиатских кочевников. Империя нуждалась не в простом количественном росте населения: она хотела видеть свои окраины заселенными массой преданных Престолу подданных с предсказуемым поведением, способных содействовать удовлетворению ее экономических и военно-политических потребностей. Из программных указов периода образования и первых лет существования Ставропольского поселения следовало, что крещеные калмыки должны перейти к оседлому образу жизни, заниматься земледелием, стать приверженцами православия. Предполагалось, что окончательная аккультурация произойдет со сменой нескольких поколений ставропольских крещеных калмыков. Пребывание калмыков в особом национальном войске могло стать для них своеобразным адаптационным, переходным периодом. Могло, но не стало.

Устройство поселения начиналось в полном соответствии с разработанными на месте и утвержденными в Петербурге предписаниями. Под строительство города и слобод выбрали местность, защищенную Закамской линией и в то же время не слишком удаленную от оренбургских пограничных укреплений. Установленные для калмыков размеры земельных угодий в два раза превышали крестьянские. Ставропольским калмыкам разрешалось беспопытно заниматься торговлей и промыслами. Для приобщения калмыцкого населения к земледелию при содействии гарнизонных солдат была заведена общественная запашка. Примером для подражания должны были стать хозяйства крестьян, поселенных по соседству или непосредственно на войсковой территории. Радикальные изменения предполагались и в сфере социальных отношений. С пресечением династии Тайшиных у ставропольских калмыков вводился коллегиальный порядок управления. Под общим руководством ставропольского коменданта и оренбургского губернатора был образован Калмыцкий суд, преобразованный позднее в Войсковую канцелярию. Командные должности в СКВ за редким исключением занимали только кал-

мыки. С введением казачьих порядков среди калмыков постепенно устанавливалось социальное равенство. Превосходство знати – владельцев и зайсангов – заключалось лишь в праве на большие по сравнению с рядовыми калмыками земельные наделы и преимущественном праве на занятие командных должностей. Но последняя привилегия для выходцев из простонародья нивелировалась возможностью продвижения по службе за проявленное усердие и заслуги. Утверждению «русского» мировоззрения должны были также способствовать совместная с казаками Оренбургского нерегулярного корпуса военная и пограничная служба, оказание бесплатных медицинских услуг штатными войсковыми лекарями, открытие школы для обучения грамоте калмыцких детей и пастырское попечение православного духовенства.

Кризис Ставропольского калмыцкого войска к началу XIX века

О том, что почти ничего из намеченного на стадии образования СКВ достигнуто не было, а по ряду показателей демографического и хозяйственного характера динамика и вовсе оказалась отрицательной, стало очевидным к середине 30-х годов XIX в. – через девяносто лет после обнародования «программы И.И. Неплюева»³²⁵. Обеспечивавшийся за счет притока новых поселенцев рост войскового населения к середине 70-х годов XIX в. сменился спадом. В последующие семьдесят лет численность ставропольских калмыков сократилась в два с половиной раза, упав до уровня 1744 г. Самые значительные демографические потери отмечались в периоды Пугачевского восстания и антинаполеоновских войн. Естественному приросту населения мешали низкая рождаемость и высокая детская смертность. Не приобщились ставропольские калмыки и к земледелию. Заниматься им русские власти принуждать перестали, а войсковая верхушка и рядовые калмыки к крестьянскому труду так и не пристрастились. Сильное деструктивное воздействие на хозяйства ставропольских калмыков оказала практика сдачи земельных угодий в арендное содержание соседним поселянам. И дело даже не в том, что из-за их бесконтрольной сдачи, по низким ценам на длительные сроки войсковая казна оставалась пустой, а калмыки тратили полученные от арендато-

---

³²⁵ Под «программой И.И. Неплюева» имеется в виду Сенатский Указ от 19 февраля 1745 г.

ров деньги не считаясь с семейными нуждами. Важно другое: с появлением этой, в общем-то, паразитической статьи дохода калмыцкие «лендлорды» перестали заботиться о развитии домашних хозяйств. В глубоком упадке оказалась даже такая традиционная для калмыков отрасль сельского хозяйства, как скотоводство. В результате сокращения поголовья лошадей и овец в большинстве улусов прекратилось изготовление кумыса, а вместо войлока для строительства кибиток стали использовать дерево. Вопреки установленным правилам под разными благовидными предложениями с конца XVIII в. от войсковой территории в пользу посторонних лиц, главным образом помещиков и их крепостных крестьян, стали отторгаться земельные наделы, леса и удобные для рыболовства берега рек и озер. Попытки Войсковой канцелярии защищать имущественные интересы в судебном порядке не имели успеха.

Деструктивные явления в хозяйственной и общественной жизни калмыцкого населения явились результатом равнодушия преемников И.И. Неплюева. За восемьдесят лет от оренбургских губернаторов не поступило ни одного предложения, направленного на улучшение экономической ситуации в СКВ. Все решения, касавшиеся военных и административных преобразований, принимались в Петербурге, и, как свидетельствует статистика, очень часто они не соответствовали демографическим и материальным возможностям Калмыцкого войска. Консервации экономической отсталости содействовала и инерция народного сознания. Калмыки как бы замкнулись в своем узко этническом мирке. Не достигло положительных результатов и христианское просвещение калмыков. Несмотря на официальную принадлежность, православие так и осталось для них духовно чуждым вероучением. По мере углубления казачьих порядков и потери феодальной знатью былого влияния не только духовными, но и народными лидерами ставропольских калмыков становились буддистские священнослужители, что еще более усиливало их культурно-бытовую изоляцию. В таком, с точки зрения просвещенного российского чиновника, весьма неприглядном виде застал СКВ Оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский.

Попытка реформирования Ставропольского калмыцкого войска В.А. Перовским

В.А. Перовский принадлежал к поколению служилого дворянства, мировоззрение которого формировалось под влиянием

реформаторского курса Александра I. Его тяга к преобразованиям охватывала все сферы жизни вверенного ему Оренбургского края. Пристального внимания губернатора удостоилось и СКВ. Разработанный Перовским план сводился к присоединению к Ставропольскому войску числившихся в ОКВ бузулукских калмыков и ограничению казаков-калмыков 30-десятинным подушным земельным наделом. Первая мера должна была обеспечить приток служилых калмыков и укомплектование Ставропольского казачьего полка в составе, предусмотренном штатным расписанием. Реализация второй меры сулила поступление немалых денежных средств, вырученных от продажи калмыцких земель, под поселение помещичьих крестьян. В.А. Перовский также надеялся, что недостаток земельных угодий вынудит калмыков отказаться от летних кочевок и заняться хлебопашеством. Сообщение В.А. Перовского о нерационально используемых землях заинтересовало Правительство, но сделанные на его основании выводы решительно противоречили замыслам оренбургского военного губернатора. Влиятельные сановники, министр финансов Е.Ф. Канкрин и возглавлявший ведавшее государственными крестьянами V отделение императорской канцелярии П.Д. Киселев настояли на использовании земель СКВ под поселение казенных крестьян. Вопреки устоявшемуся мнению, они относились к земельным владениям войскового населения как к государственной собственности, переданной ставропольским калмыкам в бессрочное владение. Так подводились основания к выселению крещеных калмыков с принадлежавшей им по праву войсковой территории.

К чести В.А. Перовского следует отметить, что за неполные шесть лет для достижения финансовой и хозяйственной состоятельности СКВ им было сделано значительно больше, чем всеми его предшественниками. Были пересмотрены условия аренды войсковых угодий: ее сроки сократились, а арендные цены, напротив, выросли. За счет поступления арендных платежей покрывались все текущие войсковые расходы, а образовавшийся профицит позволил сформировать ежегодно пополняемый войсковой капитал. В калмыцких хозяйствах увеличилось поголовье скота. Состоятельные калмыки стали больше внимания уделять земледелию.

Восприятию калмыками русской культуры должно было спо-

собствовать школьное образование. Перед выпускниками войсковой школы открывался доступ к командным и канцелярским должностям, поэтому обучались в ней в основном дети чиновников. Школа не оправдала надежд ее учредителей. Она не стала очагом русского просвещения калмыцкой молодежи. Образование носило сугубо утилитарный характер. Школьники обучались чтению, письму и правилам арифметики. Мировоззрение их по-прежнему формировалось под влиянием семьи, неграмотных сверстников и буддистского духовенства.

В СКВ была организована собственная медицинская служба. Она включала штат медицинских служащих (лекаря и его помощников), госпиталь и аптеку. К обязанностям войскового лекаря относились осмотры калмыков на предмет их пригодности к военной службе, оказание медицинской помощи войсковому населению, надзор за соблюдением санитарных предписаний и требований гигиены. К несомненным достижениям здравоохранительной деятельности следует отнести наметившееся в последнее десятилетие существования СКВ значительное увеличение числа отставных калмыков, доживших до преклонного возраста. Альтернативой официальной медицине являлось практиковавшееся буддистскими священнослужителями целительство. Признанием высокого авторитета этих врачей среди калмыков могут служить переводившиеся по инициативе Правительства на калмыцкий язык медицинские руководства и наставления.

Наиболее последовательно и успешно правительственная линия была реализована в части использования военного потенциала ставропольских крещеных калмыков. Более столетия их воинские контингенты несли сторожевую службу на юго-восточных рубежах Российской империи. Во второй половине XVIII – начале XIX вв. Ставропольский калмыцкий полк участвовал во всех войнах, которые вела Россия с неприятелями в Европе. После наполеоновских войн боевые возможности Ставропольского войска начинают сужаться. Ставропольский полк испытывал недостаток в рядовых и командных кадрах. Полком командовали плохо обученные, не имевшие боевого опыта офицеры. С удалением внешних границ Империи вглубь азиатских степей ежегодное командирование Войском пограничных нарядов становилось все более затратным и затруднительным.

Переселение калмыков на земли Оренбургского казачьего войска и его итоги

Указ от 24 мая 1842 г. об упразднении СКВ и переселении ставропольских калмыков на земли Оренбургского казачьего войска соответствовал имперскому курсу, направленному на ликвидацию особого статуса отдельных территорий и утверждению единого для всей страны унитарного административно-территориального устройства. Исполнение данного Указа позволило разрешить ряд региональных проблем экономического, социального и военного характера. Крещенные калмыки пополнили состав ОКВ. На территории их бывшего Войска расселились малоземельные государственные крестьяне. В первом случае укреплялась обороноспособность страны, во втором – обеспечивалось развитие крестьянских хозяйств и связанный с ними рост налоговых поступлений.

Для Оренбургского войска крещенные калмыки не были чуждым элементом. Они начали пополнять ряды оренбургского казачества со времени образования Войска. По образу жизни и менталитету они почти не отличались от ставропольских калмыков. Оренбургские калмыки-казаки имели в Бузулукском уезде обособленную территорию и внутреннее самоуправление; занимались скотоводством; теплое время года проводили в кочевьях; как и ставропольские калмыки, они отличались двоеверием: официально числились христианами, но скрытно продолжали исповедовать буддизм (ламаизм). В начале 40-х годов XIX в. эта группа калмыков вместе с прочими казаками упраздненного 3-го кантона переселилась в район Новой линии.

Опять, как и сто лет назад, бывшие ставропольские калмыки, ставшие теперь оренбургскими казаками, вынуждены были обживать новую, по большей части степную, территорию Новолинейного района. Переход и дальнейшая адаптация в южно-уральских степях имели для калмыцких переселенцев катастрофические результаты. На протяжении всего периода пребывания калмыков в составе оренбургского казачества наблюдался процесс их ускоренного вымирания, несколько замедлившийся в первые полтора десятилетия XX в. К 1915 г. численность калмыцкого населения ОКВ сократилась на две трети, а еще через шесть лет – к 1921 г. – казаков-калмыков оставалось не больше 450-500 человек, менее шестой части от их первоначального состава.

Причины такой масштабной демографической катастрофы носят комплексный характер. К прежним обстоятельствам, проявившимся уже в ставропольский период, прибавились новые, обусловленные природно-климатическими, социальными и усугубленные политическими факторами. Все властные указания сводились к одной цели – навязать калмыкам казачий образ жизни с дальнейшей их ассимиляцией в казачьей массе. Падеж скота, отмечавшаяся в первое десятилетие после переселения низкая урожайность хлебных культур и полное отсутствие навыков земледельческого труда обрекали калмыков на полуголодное существование. Размещение калмыцких переселенцев небольшими партиями по несколько семей в населенных пунктах, разбросанных друг от друга на десятки и сотни километров, затрудняло общение и оказание взаимопомощи. В казачьих станицах калмыков принуждали жить в деревянных избах, не допуская привычных для них летних кочевий. Незнание и несоблюдение санитарно-гигиенических правил ведения домашнего хозяйства способствовали распространению легочных, кишечных и кожных заболеваний. Таким образом, недоедание, сопряженный с тяжелыми физическими нагрузками земледельческий труд и рост заболеваний стали причинами высокой смертности калмыцкого населения в первые десятилетия после переселения. К началу XX в. трудности адаптационного периода были преодолены. Выросли поколения калмыков, получивших образование в станичных школах. Их представители назначались на ответственные войсковые должности, успешно продвигались по служебной лестнице. Однако демографический спад к этому времени приобрел необратимый характер. Сохранялась этническая замкнутость, а преобладание мужской части населения над женской только увеличивалось. Круг эндогамных связей сужался. Девочек выдавали замуж в раннем подростковом возрасте, что вело к сокращению рождаемости и представляло опасность для здоровья их детей на генетическом уровне.

И все же, вопреки всем невзгодам, оренбургские калмыки сумели сохранить свою этническую идентичность. Духовным связующим ядром для них стала приверженность к ламаизму (тибетскому буддизму). Ламаистские общины формировались вокруг буддистских священников – гелюнгов и гецулей. Их представления о буддийском вероучении строились на сведениях, вызубрен-

ных со слов учителей-наставников, таких же, как и их ученики, доморощенных служителей культа Будды. Сказывалась полная изоляция оренбургских калмыков от буддийских религиозных центров. Однако авторитет местных хуvaraков был настолько велик, что не обладавшие религиозными знаниями калмыки готовы были следовать любым их указаниям. К ним обращались с просьбами об отправлении ритуальных обрядов, шли за советом, медицинской помощью, отдавали им на обучение своих детей.

Заключение

Закон о веротерпимости, ставший одним из достижений Первой русской революции, обеспечил правовую базу для отпадения оренбургских калмыков от православия. Их духовные и общественные лидеры развернули активную деятельность, направленную на признание за ламаистскими общинами статуса религиозных организаций. Противостоять этому национально-конфессиональному движению РПЦ пыталась путем создания в Оренбургской епархии антиламаистской миссии. Однако увещевания православного окружного миссионера И. Харитонova действовали вхолостую. Обращения к разуму были неспособны поколебать этническое и религиозное самосознание. Проявленные оренбургскими калмыками решимость и упорство в период «заката» Российской империи позволили им добиться не только разрешения на смену вероисповедания, но и права на компактное проживание. Реализации проекта создания калмыцкого национального поселка помешала Гражданская война.

Оренбургские калмыки оказались единственной национальной группой из состава упраздненной Советской властью ОКВ, покинувшей пределы Южного Урала. Молодая калмыцкая автономия в их лице получила грамотных жителей, привыкших к оседлости и земледельческому труду, для которых воссоединение со своим народом знаменовало осуществление вековой мечты многих поколений. В то же время, с переселением в Калмыцкую область исчезла инокультурная среда, выделявшая оренбургских калмыков из русскоязычного казачьего окружения и служившая фоном для проявления их групповой идентичности.

История оренбургских крещеных калмыков трагична и поучительна. За полтора столетия их численность сократилась более чем на девяносто процентов. Невосполнимые людские потери

явились результатом непоследовательной имперской политики аккультурации. Но еще больше, чем сочувствия, оренбургские калмыки заслуживают уважения, признательности и благодарности. Уважения – за стойкость в преодолении жизненных невзгод и отстаивании этнических и религиозных интересов. Признательности и благодарности – за вклад в хозяйственное освоение территорий Среднего Поволжья и Южного Урала, за нелегкую казачью службу по обеспечению охраны государственных границ, за храбрость и мужество, проявленные во славу Российского отечества в многочисленных войнах XVIII – начала XX веков.

3 АДАПТАЦИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Илья Торопицын

Астраханские юртовские татары в политико- административной системе взаимоотношений России с калмыками в XVII–XVIII вв.

Истории русско-калмыцких отношений посвящено немало исследований, составляющих в совокупности весьма обширную библиографию. Отечественные и зарубежные авторы с различной степенью подробностей останавливались на характеристике взаимоотношений калмыков с представителями русского государства в XVII–XVIII вв. На этом фоне в историографии эпизодически встречаются упоминания о том, что астраханские власти прибегали к помощи юртовских татар для контактов с калмыками. Однако отрывочность сведений об этом не позволяет судить о характере этого взаимодействия и роли юртовцев в русско-калмыцких связях. В связи с этим в статье предпринята попытка рассмотреть наиболее характерные формы участия астраханских юртовских татар в политико-административной системе взаимоотношений России с калмыками в XVII–XVIII вв.

Появление в XVII в. в волго-уральских степях калмыков изменило соотношение сил в обширном регионе Северного Прикаспия. Русские власти, не имея достаточных сил для военного отпора воинственным кочевникам, вынуждены были вступать с ними в переговоры и выстраивать политические отношения. При осуществлении дипломатической работы астраханские власти не редко

обращались к услугам юртовских татар, компактно проживавших в низовьях Волги и имевших широкие социально-политические и торговые связи с соседними народами, давая им различные поручения³²⁶. Юртовцы охотно откликались на эти предложения, так как они позволяли им под иммунитетом посланцев астраханских воевод посещать калмыцкие улусы и решать, в том числе, и свои собственные задачи, связанные с обменом пленными и возвратом угнанного калмыками скота либо с разведкой обстановки в калмыцких улусах.

В историографии теме участия астраханских юртовских татар в дипломатических сношениях русских властей с калмыками уделено не много внимания. Для исследований, посвященных XVII в., следует выделить новейшую монографию В.Т. Тепкеева. Автор сообщает ряд ценных фактов, свидетельствующих о непосредственном участии астраханских юртовских татар в русско-калмыцких переговорах. В частности, ему удалось установить, что в 1636 г. по просьбе калмыцких тайшей к участию в русско-калмыцком съезде решено было пригласить с российской стороны наряду с «добрыми» детьми боярскими и дворянами авторитетного, по его выражению, предводителя юртовских татар – Янмамета Рамазанова. По сведениям того же автора, в марте 1657 г. под Астраханью на реке Кутум состоялся очередной русско-калмыцкий съезд, в котором с астраханской стороны наравне с другими лицами принял участие татарин Эшей Кашкарин. Его присутствие на съезде было обусловлено тем, уточняет В.Т. Тепкеев, что он участвовал в подготовительной работе этой встречи³²⁷. Эти факты свидетельствуют о том, что дипломатические

---

³²⁶ Торопицын И.В. Юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в первой половине XVIII в. //Тюркологический сборник 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов / Ин-т восточных рукописей РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2013. – С. 375–412; Торопицын И.В. Участие астраханских юртовских татар в развитии отношений России с государствами Центральной Азии в XVII–XVIII вв. // British Journal of Science, Education and Culture. № 1(5) (January-June). Volume II. – London: London University Press, 2014. – P. 112–118; Торопицын В. Наказы астраханским воеводам XVII в., как источник по изучению тюркского населения нижнего Поволжья // Materials of the X International scientific and practical conference «Trends of modern science – 2014». Volume 11. History. Sheffield: Science and education LTD, 2014. – P. 3–8.

³²⁷ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии в овторой трети XVII века. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. С. 62, 247.

способности юртовцев ценили не только российские власти, но и калмыки.

В ряде исследований, посвященных событиям в Астрахани, русско-калмыцким отношениям в XVIII в., эпизодически упоминается о привлечении юртовцев к взаимодействию с калмыками. Так, Н.Б. Голикова отмечает, что в период Астраханского восстания 1705–1706 гг. юртовцам часто давались ответственные поручения астраханской старшиной – руководящего органа восставших: их привлекали к переговорам с калмыками, использовали в качестве переводчиков³²⁸.

Крупный специалист по истории калмыков Н.Н. Пальмов отмечает востребованность юртовцев со стороны астраханских властей в период обострения кризиса в Калмыцком ханстве во второй четверти XVIII в. По его сведениям, в июле 1723 г. юртовский мурза Кудайнат Урусов ездил по заданию астраханского губернатора А.П. Волынского к калмыцкому владельцу Дорже Назарову с приглашением прикочевать к Саратову³²⁹. Рассказывая о событиях восстания, поднятого в 1738 г. сыном калмыцкого хана Галданом Нормо против своего отца Дондука Омбо, Н.Н. Пальмов отмечает причастность к урегулированию данной ситуации юртовского табунного головы Мурзая Булатаева³³⁰.

В монографии казахстанской исследовательницы Ж.Б. Кундакбаевой, посвященной взаимоотношениям России с народами Северного Прикаспия в XVIII в., уделено внимание политико-дипломатической деятельности астраханского мурзы Нурадыла Урусова, выполнявшего в казахской степи задание астраханского губернатора Н.А. Бекетова, который после побега калмыков из России в Китай в 1771 г. направил его к казахскому хану Нурали, чтобы добиться его содействия в преследовании силами казахов и возвращении беглецов-калмыков³³¹.

Анализ историографии свидетельствует, что в исторической науке получили освещение лишь отдельные эпизоды, связанные

---

³²⁸ Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. Москва, 1975. С. 169.

³²⁹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. – Астрахань, 1929. – С. 219.

³³⁰ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. – Астрахань, 1927. – С. 22–30.

³³¹ Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. – М. – СПб., 2005. – С. 254–255.

с участием астраханских юртовских татар в политике России по взаимодействию с калмыками, которые не позволяют составить целостного восприятия данной темы. А между тем источники свидетельствуют, что юртовцы играли весьма значительную роль в русско-калмыцких связях XVII–XVIII вв.

Роль юртовцев в русско-калмыцких связях в XVII в.

Первые контакты юртовцев с калмыками, по всей видимости, произошли в начале 1620-х гг. В этот период отмечаются нападения хошоутов тайши Тленчейбая на кочевавших в окрестностях Астрахани ногайцев-алтыульцев³³². Не исключено, что в ходе этих событий могли пострадать и располагавшиеся по соседству юртовские табуны (общины, селения). Как указывал вышедший из калмыцкого плена юртовский татарин Эшказым Эшимбетев из табуна Темира Саламатова, в период пребывания у калмыков тайши Урлюка (юртовец был взят в плен в 1643 г.) он «сыскал в калмыцких улусах сестру свою родную жонку татарку Кишганку Эшимбетеву», вместе с которой он убежал от калмыков в Астрахань, «а взята де она была в калмыцкие улусы в полон ис под Астрахани тому лет з двадцать и больше»³³³.

В последующие годы нападения калмыков на российских подданных в Нижнем Поволжье стали регулярным явлением. Калмыки угоняли скот и пленных. Их дальнейшая судьба становилась предметом переговоров, в которых юртовцы играли заметную роль.

На официальном уровне астраханские юртовские татары были вовлечены в орбиту контактов астраханских властей с калмыками с конца 1620-х гг. В 1629 г., например, астраханскими воеводами были посланы к калмыкам хошутского тайши Чокура пятеро юртовских татар с приглашением прислать на переговоры в Астрахань своих представителей и выдать аманатов. Воеводы поручили юртовцам передать калмыкам, попросившимся в русское подданство, требование не нападать на ногайцев и оставаться на кочевьях за рекой Эмбой³³⁴.

Требования российских властей калмыки проигнорировали. Зимой 1630–1631 гг. они разгромили ногайские улусы и пред-

---

³³² Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии... С. 25.

³³³ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 440–443.

³³⁴ Тепкеев В.Т. Калмыцко-ногайские отношения в начале XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: Изд-во КИГИ РАН, 2014. № 2. С. 20.

ложили весной ногайским мурзам выкупить у них своих соплеменников. Астраханский воевода В.С. Куракин, по сведениям В.Т. Тепкеева, воспользовался этим предложением и направил к калмыцким владельцам своих представителей, в том числе двух юртовских татар, которым было поручено объявить, что ногайцы являются русскими подданными, и потребовать прекращения нападений на них. Переговоры завершились успешно. Калмыки согласились вернуть пленных ногайцев. При этом, уточняет В.Т. Тепкеев, астраханские татары смогли выкупить у них своих людей за относительно небольшую цену³³⁵. В дальнейшем юртовские татары регулярно посещали калмыцкие улусы «для ясырского откупа», сопровождая толмачей, направлявшихся астраханскими воеводами на переговоры с калмыцкими тайшами.

В начале 1640-х гг. ситуация вокруг Астрахани изменилась. Возвращение в Нижнее Поволжье откочевавших ранее на Северный Кавказ ногайцев привело к концентрации значительного числа людей в окрестностях Астрахани. Астраханские мурзы Аблай-мурза Тинбаев, Курмаш-мурза Канмурзин и табунные головы Келимбет Рамазанов, Аллагул Ерлыгашев, Тлеш Тунгучурин, Темир Саламатов от имени своих родственников, пятидесятников и рядовых юртовцев вынуждены были даже пожаловаться царю Михаилу Федоровичу на возникшие сложности. Они писали в челобитной в феврале 1643 г., что до «ногайского приходу» содержали свой скот на крымской стороне реки Волги и не перевели его на ногайскую сторону «в бузанских и карабузанских косах и в комызяцких и в уварских и в кватчюковских и в бирютских косах и до моря». Появление ногайцев привело юртовцев к необходимости перевести свою «животину» на ногайскую сторону, в результате чего они «пашни и кочевья и ... животинные кормы потравили» и обеспечить кормом скот стало проблематично, юртовцы опасались, как бы не поморить его «без корму»³³⁶.

В условиях угрозы нападения калмыков ситуация для юртовцев еще более обострялась. Так, в феврале 1643 г. калмыки тайши Далана Эрденева захватили стада юртовских татар, находившихся за рекой Болдою. Несколько месяцев спустя на заставу у Вятцкой перекопи вышел юртовский татарин Эшказым Эшимбетев из

---

³³⁵ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии... С. 43.

³³⁶ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 46–47.

табуна Темира Саламатова, который пас тот скот и сообщил подробности своего пленения и пребывания в плену у калмыков³³⁷.

Воеводы, опасаясь новых калмыцких набегов, стали регулярно высылать в степь дозоры. Докладывая в 1643 г. царю о проводимой в этом направлении работе, астраханские воеводы отмечали, что посылали «в разных числах» по ногайской стороне Волги «в подъезд» астраханских и «верховых городов» детей боярских, а с ними стрельцов и татар, которым поручали наблюдать за ситуацией в степи. Перед дозорщиками ставилась задача вести поиск «всяких воинских людей, не прошли ль под Астрахань». В случае обнаружения «сакмы» или «стана» находившиеся в дозоре должны были выйти на контакт с калмыцкими и с алтыульскими людьми, которые могли появиться в низовьях Волги ради охоты («на зверовье») и объявить им, чтобы они «под твою государевою отчиною под Астраханью... не стояли..., а шли б в дальние места». Дозорщикам следовало объяснять непрошенным гостям, что из Астрахани «ратные люди» и другие жители, а также ногайские, джетисанские и юртовские татары ездят «за зверем», а также – проводывать свои табуны и стада, находящиеся от Астрахани «в ближних местах» (табуны юртовских татар, например, паслись даже за рекой Бузан). Поэтому калмыкам и алтыульцам лучше бы держаться подальше от российских подданных, чтобы «в том бы меж их ссоры и задору какова не учинилось»³³⁸.

При этом астраханские воеводы демонстрировали намерение жестко пресекать нападения на российских подданных. Так, получив в феврале 1643 г. от юртовских татар сведения, что калмыки, алтыульцы и джетисанцы «прошли по ногайской стороне в посыл к морю ниже города на конские и животинные стада», воеводы послали «по тем вестям» из Астрахани сводный отряд численностью в сто человек, состоявший из «ратных русских людей и татар» под командой свияжевина Степана Кафтырева. Этим силам удалось настичь налетчиков в урочище Карачане в 170 верстах от Астрахани. В результате завязавшегося боя астраханцам удалось разбить кочевников, которые отступили. Вернувшийся в Астрахань отряд предъявил воеводам доказательство

---

³³⁷ Там же. Л. 439–443.

³³⁸ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 21.

грабительского рейда калмыков и их союзников – голову «татарина Янмамента мурзина улуса Янаева Амангельдеина»³³⁹.

Однако эти меры не позволили предотвратить калмыцкий набег на окрестности Астрахани, случившийся в 1643 г. Внутренним силам нападавших удалось посеять панику среди тюркских подданных России. Значительная часть джетисанцев перешла на сторону калмыков и откочевала к ним из-под Астрахани. Во время джетисанского отхода были взяты в плен около сорока астраханских стрельцов. В отличие от джетисанцев, ногайцы, находившиеся на крымской стороне реки Волги, перешли на ногайскую сторону и засели в «зимних кочевьях близко юрт». При этом некоторые из влиятельных астраханских мурз не последовали примеру соплеменников. Так, Курмаш-мурза Урусов во время калмыцкого набега прибыл к отряду стрельцов, которых стоял у реки Кутум. Ногайский Шатемир-мурза Маметев впоследствии вспоминал, что после того, как он сообщил Курмаш-мурзе Урусову, ехавшему из «нижних юрт», что джетисанские мурзы изменили и отъехали к калмыкам, тот, не заезжая в джетисанские зимовные юрты, располагавшиеся за Воскресенским монастырем за рекой Кутум, поехал в полк к астраханскому воеводе И. Траханиотову³⁴⁰.

После отхода калмыков от Астрахани воеводы предприняли шаги к укреплению русского влияния в среде тюркских подданных. В юрты «для оберега и шатости юртовских и нагайских и едисанских татар, которые остались и кирпичных татар и улусов их» были посланы головы астраханских пеших и конных стрельцов, которым было велено поставить в юртах и по «острожной» стене и на башнях «наряд» и стрельцов. На аманатный двор в Астрахань были взяты юртовские мурзы Абла Канбаев, Аллаш Амурзин, Курмаш Байтереков, Кучук Алатуев, Адиль Мансуров, Мамбет-Казы Тохтаров, Казы Байтереков, «чтоб они государю не изменили и к калмыцким людям не отъехали». Подозрения в отношении юртовских мурз были основаны не на пустом месте. Сын боярский Степан Скорятин, которого воеводы посылали в калмыцкие улусы, рассказывал по возвращении, что сын Кызы-мурзы Байтерекова Саин-мурза (после крещения получил имя

---

³³⁹ Там же. Л. 32.

³⁴⁰ Там же. Л. 360, 366, 401.

Григорий) говорил калмыцкому тайше Лаузану, что его отец хочет прикочевать из-под Астрахани в калмыцкие улусы³⁴¹.

Тем временем ногайцы, отсидевшись в юртах во время калмыцкого набега под защитой стрельцов, «покиня своих жен и детей», перебрались обратно на крымскую сторону Волги и стали готовиться к побегу. Астраханские воеводы сообщали в Москву, что у ногайцев «учинилась ... шатость большая», они стали выкрадывать у юртовцев свои семьи, а «юртовские татаровя учили им за Волгу на крымскую сторону жон и детей выдавать по льду, а как вода располилась и у них объявились лотки многие, а иные татаровя покупали лотки большие дорогою ценою», поэтому воеводы вынуждены были изъять все лодки у юртовцев, чтобы «ногайские и едисанские татаровя и достальные за Волгу и за протоки и за Бузан х калмыцким людем в лотках не отошли»³⁴². Однако юртовцы подали воеводам челобитную на имя царя, в которой просили вернуть им лодки, объясняя их важную роль в своем хозяйстве. Астраханские власти вынуждены были пересмотреть свое решение и пойти им на встречу, «а не отдать было государь им лоток не уметь, — писали воеводы вместе с архиепископом астраханским и терским Пахомием царю Михаилу Федоровичу, — потому что их изнели великие нужи, без лоток им быть не уметь»³⁴³.

Набег калмыков на Астрахань в 1643 г. и отход к ним джетисанцев, по всей видимости, должен был оказать большое психологическое воздействие на юртовцев. В.Т. Тепкеев указывает, что юртовские татары готовы были последовать примеру своих соплеменников, но не смогли пробиться через ряды стрельцов³⁴⁴. Очевидно, что усиленные меры контроля, предпринятые астраханскими воеводами в связи с калмыцким набегом в 1643 г., смогли удержать часть астраханских юртовских татар от ухода к калмыкам. Не исключено, что в отношении тех юртовских мурз и табунных голов, кто не поддался примеру изменников-джетисанцев, были применены не только меры принуждения, но и поощрения. Не случайно в апреле 1643 г. царь Михаил Федорович поставил перед думным дьяком Ф.Ф. Лихачевым задачу выяснить, «кото-

---

³⁴¹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 30, 357.

³⁴² Там же. Л. 366–367.

³⁴³ Там же. Л. 444.

³⁴⁴ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии... С. 103.

рые едисанские и юртовские мурзы и татаровя ныне кочуют под Астраханью, а с колмыками у них мысли и ссылки не было и к ним не приставали и с ними не пошли, и тем мурзам и татаром государево жалованье давано ль и по скольку человеку давать, чтоб они впредь бы под государевою высокою рукою крепки, а выписав тое выписку прислать в приказ астраханских дел к боярину ко князю Юрью Андреевичу Ситцкому и дьяку Степану Угоцкому»³⁴⁵. Уже в следующем 1644 г. на государственной службе отличились джетисанский Мамедмин-мурза Алеев и юртовские Мурзабек-мурза Аллашев и Эль-мурза Ак-мурзин. Они посылались «для поиска Калмыцких людей, и будучи в той посылке Государю служили и привели в Астрахань в языцев дву мурз да осми человек Татар»³⁴⁶.

С середины 1640-х гг. астраханские власти стали поручать юртовцам персональные дипломатические задания. «Для поддержания переговорного процесса, – пишет В.Т. Тепкеев, – в феврале 1646 г. из Астрахани к тайше Сюнке как ответ на его письмо были отправлены юртовские татары Чаргу и Багазыч с листом, в котором поощрялась мирная инициатива тайши, предлагались обмен пленными и возвращение калмыками ногайских кибиток»³⁴⁷. В.Т. Тепкееву принадлежит важное наблюдение по поводу роли татарских переводчиков в русско-калмыцких отношениях. «Татарский язык в то время был своего рода языком международного общения, – указывает он, – на нем, в том числе, общались между собой калмыки и русские»³⁴⁸. Подтверждением этому может служить шертная запись калмыцкого тайши Аюки, данная на съезде под Астраханью в 1677 г., в которой отмечалось, что «то Калмыцкое письмо в Астрахани в Приказной палате переведено, а переводили Калмыки на Татарский язык, для того, что Калмыцкаго переводчика в Астрахани нет, а с Татарского языка в переводе написано на Русский язык»³⁴⁹. Об этом же факте, только применительно к XVIII в., сообщает Н.Н. Пальмов, отмечающий, что

---

³⁴⁵ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 186.

³⁴⁶ Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1842. С. 161–162.

³⁴⁷ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии... С. 156.

³⁴⁸ Там же. С. 96.

³⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. II. – СПб., 1830. – С. 86.

астраханские власти при сношениях с калмыками предпочитали пользоваться документами на татарском языке³⁵⁰.

Представление о характере дипломатических поручений, которые давались юртовцам, дает отписка астраханских воевод царю от 1649 г. В ней передавалось содержание беседы астраханских воевод с послами тайши Дайчина, состоявшейся в съезжей избе в Астрахани в апреле 1649 г. Калмыцкие послы говорили астраханским воеводам, «что присылали де они боярин и воеводы к нему Дайчину присыльщиков, Астраханских Юртовских Татар, и в листу писали и говорить приказывали, чтоб Дайчин тайша был у Великого Государя в послушанье и с Государевыми людьми в миру и прислал бы о том в Государеву отчину в Астрахань послов своих»³⁵¹. Как видим, юртовским татарам было поручено не просто передать письмо от астраханских воевод, но и провести переговоры с калмыцким тайшой с целью убедить его принять российское подданство.

Выполнение дипломатических поручений часто было сопряжено с определенным риском, так как калмыцкие тайши в любой момент могли арестовать астраханских «посыльщиков» и даже подвергнуть их жизнь опасности. Так, по настоянию астраханских татар, в декабре 1647 г. воеводы направили к калмыкам троих их представителей во главе с Болсендеем с требованием прекратить набеги на русских подданных. В противном случае воеводы угрожали применить против калмыков военную силу. В пути астраханские татары подверглись нападению со стороны калмыков тайши Далантая. Потеряв одного человека убитым, остальные юртовцы смогли спастись в Яицком городке³⁵².

Подтверждением сказанному могут также служить события, имевшие место в 1654 г. Накануне калмыки участвовали в нападении на российских подданных в Поволжье. Прибывшие в сентябре 1653 г. в Самару яицкие казаки сообщили, что одной из целей их походов, в который отправились калмыки тайши Лаузана, являются татарские улусы под Астраханью. Пограничные русские власти предприняли усилия к тому, чтобы обеспечить безопас-

---

³⁵⁰ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и IV... С. 45–46.

³⁵¹ Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. – СПб., 1842. – С. 111.

³⁵² Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии... С. 162–163, 172.

ность находящегося в их ведении населения, но калмыцкие тайши стали диктовать свои условия царским воеводам, не соглашаясь предоставить аманатов в Астрахань, выдать взятых в плен русских подданных и отвести своих людей за реку Яик. Посланный из Астрахани к тайшам Лаузану и Мончаку для переговоров толмач Афанасий Борисов был арестован ими, а сами калмыки, приблизившись к Астрахани, стали «на задор, с угрозою просить торгу», угрожая военными действиями³⁵³.

В этой обстановке астраханские воеводы направили к калмыцким тайшам астраханского «нагайского» татарина Сеита Мамбеткулова из улуса Аксаина-мурзы Иштерекова (Ищерекова), которому поручили передать, чтобы Лаузан и Мончак прислали в Астрахань своих послов «для договору» вместе с задержанным у них толмачом А. Борисовым. Но тайши не стали вступать с воеводами в переговоры. Астраханский татарин С. Мамбеткулов, выполнявший дипломатическое поручение русских властей, был насильственно удержан ими и увезен в улус тайши Мончака³⁵⁴.

Задержанные калмыками астраханские посланцы А. Борисов и С. Мамбеткулов вернулись в Астрахань спустя несколько месяцев, 1 декабря 1654 г. Вместе с ними прибыли послы от калмыцких тайшей Дайчина и его сына Мончака. Обсудив с ними состояние русско-калмыцких дел, воеводы заявили калмыцким послам, что для дальнейших переговоров с тайшами после задержания ими толмача А. Борисова, который провел в плену длительное время, они не могут послать к ним в улусы «государевых Русских людей». Вместо этого воеводы объявили, что пошлют к тайшам астраханских татар. 10 декабря 1654 г. калмыцкие послы в сопровождении Сеита Мамбеткулова и еще четырех астраханских татар из улуса Аксаина-мурзы Иштерекова выехали из Астрахани в калмыцкие улусы. Воеводы сообщали царю, что наказали своим «посыльщикам» вручить от них тайшам «лист» и словесно передать Дайчину и Мончаку обо всем, «что и послом их в приказной избе мы холопи твои говорили»³⁵⁵.

---

³⁵³ Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4. – СПб., 1842. – С. 195; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. – СПб., 1848. – Т. 3. – С. 532.

³⁵⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. – СПб., 1848. – Т. 3. – С. 532.

³⁵⁵ Дополнения к актам историческим... С. 535.

Примечательно, что в шерти (договоре), которую подписали калмыцкие тайши по итогам переговоров с русскими властями в 1655 г., было зафиксировано положение о неприкосновенности дипломатических лиц, которые будут направляться из Астрахани и других «Государевых городов» в калмыцкие улусы «для Государевых всяких дел». Тайши брали на себя обязательство перед русскими властями от имени всех своих людей «тем присыльщикам безчестья никакого не делать, и не бить и не грабить, и тесноты им у себя не чинить, и отпускать их безо всякого задержания»³⁵⁶.

Находясь в калмыцких улусах, юртовцы попутно собирали информацию о численности калмыков, политических связях тайшей с соседними народами и по возвращении в Астрахань докладывали об этом местным властям. В 1658 г., например, астраханским татарам Чюваку Сары и Кучею Ажимбетеву, посланным из Астрахани к калмыцким тайшам, удалось узнать о приезде к калмыкам персидского посольства от шаха Аббаса II. О характере переговоров юртовцам разузнать не удалось, но они отметили, что послы привезли тайшам подарки, что вместе с ними из Персии вернулся ранее отправленный туда калмыцкий посол Абылай-дархан, что персы пробыли в улусах три месяца, и тайша Дайчин направил персидскому шаху в подарок сотню лошадей и несколько охотничьих птиц. Наряду с этим калмыки, как выяснили юртовцы, вступили в переговоры с крымским ханом, который стремился привлечь их на свою сторону в борьбе с Москвой³⁵⁷.

Стоит также отметить, что одной из причин, побуждавших калмыков к враждебным шагам в отношении русских подданных на нижней Волге, были как раз действия астраханских татар, которые при каждом удобном случае сами нападали на калмыков и кочующих с ними ногайцев и угоняли их скот. Тайша Дайчин, например, в 1648 г. упрекал астраханских посланцев (татарина Болсендея с товарищем), что астраханские татары несколько раз нападали на калмыцкие улусы и угнали пять тысяч лошадей. В 1652 г. тот же тайша выговаривал астраханским посланцам Аллабердыю и Байтереку, что вслед за посланцами из Астрахани при-

---

³⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. I. – СПб., 1830. – С. 356–357.

³⁵⁷ Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии... С. 59, 72–74, 77, 85, 105, 273.

ходят астраханские татары и угоняют их табуны. Жаловался на такие действия астраханских татар и тайша Мончак. По сути, в 1650-х гг. вопрос с взаимным возвращением калмыками русских пленных и угнанных у них астраханскими татарами лошадей был одним из основных в русско-калмыцких переговорах³⁵⁸.

Другой важной проблемой во взаимоотношениях русских властей и калмыцких тайшей был вопрос о подданстве ногайцев. В 1640-х гг. к калмыкам ушли из-под Астрахани «астраханские и едисанские мурзы и татары». В начале 1650-х гг. «отошли» от Астрахани мурзы Большого Нагая Иштерековы, а в начале 1670-х гг., воспользовавшись разинским восстанием, оставили места кочевий на нижней Волге кейкуват Ямгурчей-мурза Янмамев со всеми своими родственниками и улусными людьми, часть которых откочевала «под калмыки», а часть ушла к турецкому городу Азову³⁵⁹.

Переход значительной части ногайских улусов в подчинение к калмыкам болезненно воспринимался русскими властями. Действия ногайцев характеризовались как измена. Несмотря на это, воеводы предпочитали действовать в отношении таких мурз методом убеждения, уговаривая вернуться на прежние кочевья вблизи Астрахани. В договорах с калмыцкими тайшами, зафиксированных в шертных грамотах 1655 и 1657 гг., астраханскими воеводами последовательно проводилась мысль, что ногайцы являются русскими подданными, и тайши, признавая над собой власть русского царя, не должны препятствовать добровольному возвращению ногайцев в места традиционных кочевий. Фактически же российские власти предоставили решение вопроса о месте пребывания на усмотрение самих ногайцев, не отказываясь считать их российскими подданными.

Согласно шертным грамотам, калмыки не должны были призывать в свои улусы астраханских татар и ногаев. Но, как замечает В.Т. Тепкеев, этот пункт русско-калмыцких соглашений на практике не соблюдался. «Связи между калмыцкими и астраханскими татарами и ногаями были очень тесными и довольно интенсивными, — указывает он. — А астраханским властям так и не удалось взять под полный контроль этот миграционный процесс»³⁶⁰.

---

³⁵⁸ Там же. С. 167–168, 172, 197–198, 218, 220–221, 229.

³⁵⁹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. III. — СПб., 1830. — С. 320, 322.

³⁶⁰ Тепкеев В.Т. Русско-калмыцкие переговоры и шерт 1673 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2010. № 1. — С. 51.

Последняя треть XVII в. ознаменовалась активизацией внешней политики России, которая провела несколько военных кампаний против Турции и Крыма. Принимали в них участие и ногайцы, кочевавшие с калмыками. Как отмечал в челобитной царю Алексею Михайловичу в 1675 г. ногайский Якшат-мурза: «хотя ж с калмыки пребываю, токмо всегда вам великому милостивому государю служу и Крым воюю, и летось в Крым ходил, так ж и ныне на тот ж Крым ходил и воевал же»³⁶¹.

Несмотря на это, дипломатические усилия астраханских властей по-прежнему были направлены на то, чтобы убедить ногайцев выйти из сферы влияния калмыков. Им удалось добиться от калмыцкого хана Аюки заверения в том, что он не будет препятствовать возвращению ногайцев в сферу российского влияния. В 1683 г. тайша Аюка поклялся, что «Князь и Мурзы с улусными людьми юртовские Астраханского кочевья, которые в прошлом во 190 году от козачья разоренья от Астрахани отошли, и пристали к нашим улусам, а похотят ныне и впредь быть у Великих государей... в вечном холопстве, и кочевать под Астраханью по прежнему: и нам Аюкаю, и всем Тайшам, и Мурзам в неволю их у себя не держать, и не грабить, и отпускать их в Астрахань со всеми их улусы, и впредь к себе в улусы вечных Государевых холопей Нагайских, и Едисанских, и Келечинских, и Юртовских, и Енбулцких Мурз и Татар от Астрахани, и от иных Царского величества городов, хотя кто собою придет, не принимать, а отсылать их в Астрахань»³⁶². Среди ногайцев к этому времени было немало желающих вернуться под «государеву руку и кочевать под Астраханью летом, а зимою жить в юртах»³⁶³.

Взаимоотношения с ногайскими мурзами, кочевавшими с калмыками, требовали определенного дипломатического такта, чтобы не навредить русско-калмыцким отношениям, поэтому переговоры велись в атмосфере строгой секретности. Во второй половине 1680-х гг. их участниками со стороны подвластных калмыкам ногайцев были джетисанские (едисанские) мурзы Тинбаевы: Салтанмурат и Шатемир (Шахтемир). С российской стороны переговоры вел персонально астраханский воевода

---

³⁶¹ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 2.

³⁶² Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. II. – СПб., 1830. – С. 497.

³⁶³ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1687 г. Д. 1. Л. 3.

А.П. Салтыков, использовавший в качестве посредника младшего брата мурз Тинбаевых Эльмурзу. Царский указ предписывал астраханскому воеводе вести переговоры «тайно, чтоб кроме тебя боярина и воеводы и ево мурзы никто о том и ис товарищей твоих не ведал»³⁶⁴.

Процесс возвращения ногайцев «под государеву руку» занял длительный период, и юртовцам отводилась в ходе него немало-важная роль. В царском наказе, данном в 1697 г. терским воеводам, говорилось о необходимости направлять из Астрахани к «Едисанским Мурзам и Татаром», которые продолжали кочевать с калмыками, «посыльщиков Астраханских татар, самых добрых людей, которые были б верны и с такое дело их стало, тайным обычаем, и тем посыльщиком велеть Едисанским Мурзам и Татаром говорить, чтоб они Едисанские Мурзы и Татаровя, помня души свои и шерть... добили челом и вины свои принесли, и пришли б под Великого Государя отчину под Астрахань»³⁶⁵.

К этой работе привлекались и те мурзы, которых удавалось сагитировать к возвращению под Астрахань. В 1697 г. один из участников переговоров, проходивших в 1680-х гг., джетисанский Салтанмурат-мурза Казбулатов сын Тинбаев перечисляя в письме к царю Петру I свои заслуги перед российским престолом, наряду с военной службой особо отмечал свои дипломатические труды: «и ныне служба моя тебе великому государю то, что калмык ныне уговариваю я, чтоб служили тебе великому государю верою и правдою»³⁶⁶.

По всей видимости, переговоры с мурзами Тинбаевыми увенчались успехом, и они смогли перейти в прямое ведение астраханских властей, влившись со временем в состав астраханских юртовских татар. На это указывает тот факт, что среди мурз, получавших царское жалованье в 1700 г., упомянуты многочисленные представители джетисанского рода Тинбаевых: Сунчалей-мурза Калмамбетов сын, Агыш-мурза Шидаметев сын, Кукей-мурза Эльмурзин сын, Расламбек-мурза Мансырев сын, Куваш-мурза Мурзабеков сын, Мурзабек-мурза Калмамбетов сын, Мусал-мурза княж Ялмамбетов сын, Эль-мурза Кантемиров сын, Шелман-

---

³⁶⁴ Там же. Л. 3–4.

³⁶⁵ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. III. – СПб., 1830. – С. 320.

³⁶⁶ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 3.

ша-мурза Янмаматов сын, Исай-мурза Сиюнчиев сын, Бай-мурза Тинеев сын, Алей-мурза Кучеков сын, Акку-мурза Баймурзин сын и другие³⁶⁷.

Участие юртовцев в калмыцких делах в XVIII в.

В первой половине XVIII в. потребность в привлечении астраханских юртовских татар к переговорам с калмыками была обусловлена необходимостью контролировать внутривосточную обстановку в Калмыцком ханстве и внешнеполитические шаги калмыцких владельцев. К тому же местные власти традиционно видели в юртовцах дополнительные военные ресурсы, которые они всегда могли использовать при недостатке сил местного гарнизона.

В 1723 г., например, несколько сотен юртовцев вместе с двумя ротами солдат, полуэскадрой драгун и сотней донских казаков были мобилизованы астраханскими властями на защиту калмыцкого владельца Дасанга, которого хотели разорить его сводные братья, отняв большую часть улусов, доставшихся ему по завещанию от отца, Чакдоржапа. Юртовским мурзам, табунным головам, сотникам и детям табунных голов было выдано денежное жалованье «для похода на нынешней 723 год» в размере 244 рублей 12 алтын 3 денег, которые были записаны на счет Коллегии иностранных дел³⁶⁸.

Российский отряд, в который входили и юртовцы, предпринял попытку предотвратить вооруженное столкновение между Дасангом и его противниками. Однако подавляющее численное превосходство последних позволило в итоге им, не вступая в бой с командой Волынского, отбить у Дасанга около шести тысяч кибиток, после чего губернатор со своими людьми вынужден был возвратиться в Астрахань, в окрестности которой откочевали оставшиеся с Дасангом улусы³⁶⁹.

Тем временем калмыцкий владелец Доржи Назаров, кочевавший в Волго-Яицких степях, прикочевал к Красному Яру и соединился с улусом другого владельца Хошон Дондука, после чего начал переговоры через посредство владельца Лекбея с Дасангом. Эти события вызвали у астраханских властей подозрение, что

³⁶⁷ ГААО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 53. Л. 8–25.

³⁶⁸ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 53. Л. 41об.

³⁶⁹ Бакунин И. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. – Элиста, 1995. – С. 39–40.

Доржа Назаров собирается откочевать со всеми своими улусами и улусами своих союзников из России за границу. Ключевым этапом в реализации этих планов могло бы стать соединение улусов Доржи Назарова и Дасанга. Астраханские власти решили воспрепятствовать этому объединению. Они поставили драгунские заслоны на пути между Астраханью и Красным Яром. «Другой мерою была регистрация лодок, принадлежащих юртовским татарам, – пишет Н.Н. Пальмов, – с приказанием держать лодки при себе и никому их не отдавать, так как они могут понадобиться для казны: «юртовские татары, – говорил Бакунин в своем письме, – калмыкам продают лодки, в которых кибитки (чрез) всякие реки могут без нужды переправлять, а без лодок скот хотя и переправят, но домами им переправляться будет трудно, понеже между Астраханью и Красным Яром на реках лесу нет... без чего им и салов сделать не мочно»³⁷⁰.

Астраханские власти в переписке с центральными властями страны постоянно подчеркивали важную роль юртовцев в русско-калмыцких отношениях. В 1727 г. губернатор И.А. фон Менгден писал в Сенат, что без нерегулярных войск в Астраханской губернии обойтись нельзя, так как постоянно требуются люди для выполнения различных поручений; вследствие этого юртовские мурзы и татары «бывают у калмыцких дел и в прочих дальних посылках»³⁷¹. На этом же делал акцент в своих донесениях в Коллегию иностранных дел в начале 1730-х гг. астраханский губернатор И.П. Измайлов³⁷².

В 1734 г. в связи с новым обострением обстановки среди кочевавших под Астраханью калмыков юртовские татары были мобилизованы астраханским губернатором И.П. Измайловым в сводный пятисотенный отряд подполковника Мечова (300 драгун и солдат, 200 казаков и астраханских татар), которому было поручено сопроводить улусы ханши Дарма Балы и владельцев Чидана и Галдан Данжина, в отношении которых имелось подозрение, что они хотят сбежать на Кубань и присоединиться к владельцу

---

³⁷⁰ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и IV... С. 146–147.

³⁷¹ Сборник императорского Русского исторического общества. – Т. 63. – СПб., 1888. – С. 649.

³⁷² Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. Ч. I. – Саратов, 1911. – С. 16.

Дондуку Омбо по правобережной (нагорной) стороне Волги от Астрахани к Царицыну.

В виду появления близи города Черный Яр крупных сил мятежных калмыков подполковник Мечов принял решение переправить конвоируемые улусы на противоположный берег Волги в районе острова Енотаевского. Во время переправы один из калмыцких владельцев Чидан со своим улусом и некоторыми аймаками из улуса Шакур-ламы, бросив скот и имущество, среди ночи «налегке» бежали в сторону Кубани. Узнав об этом, подполковник Мечов отрядил в погоню за ними драгун, казаков и юртовских татар, которые нагнали беглецов в 40 верстах от Волги и часть из них смогли вернуть обратно, присоединив впоследствии к улусам ханши Дарма Балы на левой стороне Волги³⁷³.

В этой связи особо следует выделить деятельность юртовского табунного головы Мурзая Булатаева, сыгравшего важную роль в русско-калмыцких отношениях в середине 1730-х гг. В 1734 г. он ездил по приказанию астраханского губернатора И.П. Измайлова на Кубань для переговоров о возвращении в Россию с мятежным калмыцким владельцем Дондуком Омбо. Вернувшись в Астрахань, табунный голова сообщил, что Дондук Омбо готов начать переговоры с российскими властями³⁷⁴. Мурзай Булатаев отмечал в челобитной, поданной астраханским властям в 1736 г., что в период своего нахождения в калмыцких улусах на Кубани он непрестанно прилагал усилия к тому, чтобы примирить Дондука Омбо и оставшихся в России калмыцких владельцев. «Для которой склонности владения ево Дондука Омбы в зайсангах и в знатных людях, которые в нем силу имеют, — отмечалось в справке Астраханской губернской канцелярии, — имел он Булатаев по верности своей неусыпное искательное попечение, по которой своей знатности он Булатаев от него Дондука Омбы посылан был з знатными его посыльщиками к высокому Ея императорского величества всероссийскому двору в Санкт-Петербург»³⁷⁵.

Успешное выполнение Мурзаем Булатаевым важного дипломатического поручения было щедро вознаграждено российски-

---

³⁷³ Бакунин И. Описание калмыцких народов... С. 115.

³⁷⁴ Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период его пребывания в пределах России. — Элиста, 2007. — С. 208; Бакунин И. Описание калмыцких народов... С. 122–123.

³⁷⁵ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1907. Л. 25–25 об.

ми властями. Изначально размер его ежегодного жалованья составлял 10 рублей 25 копеек и еще 1 рубль 25 копеек выдавались ему вместо положенного сукна, которые он получал до 1736 г. Но после того, как он склонил мятежного калмыцкого владельца Дондука Омбо, находившегося со многими улусами на Кубани, к возвращению в российское подданство, Мурзай Булатаев попросил увеличить ему денежный оклад «пред другими ево братьи служилыми мурзами и табунными головами». «За эти службы в награду» к прежнему его жалованью по решению астраханских властей Мурзаю Булатаеву был «отдан в прибавок имеющийся порожний оклад умершего служилого Тимбаева родства Аблаймурзы Азаматова», составлявший 15 рублей 25 копеек (в него входили сам оклад и деньги за сукно), «и учинены оные два оклада в один годовой оклад и велено ему Булатаеву производить дачу по тому окладу»³⁷⁶.

В 1738 г. юртовцы были привлечены астраханскими властями для оказания вооруженной и дипломатической помощи калмыцкому хану Дондуку Омбо, против которого поднял восстание собственный сын Галдан Нормо, посланный калмыцким ханом во главе войска против казахов. По просьбе Дондука Омбо полковник О.П. Пиль выслал из Астрахани ему на помощь к Ахтубинскому селитряному городку сводный отряд, состоявший из солдат местного гарнизона и астраханских татар (всего 220 человек)³⁷⁷.

После того, как российским властям поступила информация, что Галдан Нормо хочет откочевать на Кубань и вступить в турецкое подданство, ими стали разрабатываться планы предотвращения этой угрозы, которая в условиях русско-турецкой войны могла сорвать замыслы российского военного командования по дальнейшему использованию калмыцких войск против Турции. Идеальным вариантом было бы примирение калмыцкого хана со своим сыном и его сторонниками. Но власти понимали, что этот процесс может затянуться, поэтому рассматривались разные сценарии развития событий. На этот счет полковник О.П. Пиль получил указание в случае переправы мятежных калмыков через Волгу на правобережную сторону направить из Астрахани отряд из казаков, татар, крещеных калмыков и жителей Астрахани в улус

---

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II... С. 4.

к владельцу Баю, поддерживавшему мятежного сына калмыцкого хана, и арестовать его родных и знатных зайсангов.

В начале октября 1738 г. Галдан Нормо и Бай объединили свои силы с целью совместного нападения на улусы Дондука Омбо, располагавшиеся на правом берегу Волги. В этой связи юртовцы вместе с солдатами были срочно направлены на переправы через Волгу в урочища Ишке-Бурум и Хара-Яр во главе с начальником Астраханской конторы татарских и калмыцких дел капитаном Л. Шахматовым. Как указывает Н.Н. Пальмов, в их задачу входило «склонять Галдан-Нормо и Бая к примирению с ханом». Частично эту задачу удалось выполнить. Калмыцкий хан сообщил в Астрахань, что его сын согласился помириться с ним, но владелец Бай, по выражению Н.Н. Пальмова, «остался непреклонным»³⁷⁸.

Бай со своим улусом кочевал до мая 1739 г. в волго-яицких степях. Владелец начал было склоняться к примирению с ханом, но, опасаясь репрессий с его стороны, не решался присоединиться к его улусам. В этой обстановке российские власти через яицких казаков фактически уговорили Бая помириться с Дондуком Омбо под гарантии безопасности со стороны российского правительства, но в переговорный процесс, сообщает Н.Н. Пальмов, неожиданно вмешались астраханские власти. Посланный осенью из Астрахани на Яик табунный голова Мурзай Булатаев вместе с зайсангами Дондука Омбо предъявил Яицкому казачьему войску предписание астраханского обер-коменданта А. Юнгера, которое повелевало арестовать 12 зайсангов из улуса Бая, а сам улус препроводить к Астрахани.

Н.Н. Пальмов считает, что своими действиями астраханские власти обострили ситуацию вокруг Баева улуса, указывая, что Коллегия иностранных дел советовала действовать более мягкими способами, стараться Дондука Омбо и Бая «добродетельно к примирению привести», однако, в результате этих действий ситуация сдвинулась с мертвой точки. В том же году улус Бая направился к Волге. При этом владелец Бай с женами бежал. Впрочем, вскоре жены Бая сами явились к Мурзаю Булатаеву, который, очевидно, играл в этой миссии главную роль. Он направил их к калмыцкому хану, сдав на поруки знатым зайсангам. После этого Бай прислал к астраханскому табунному голове своего посланца,

---

³⁷⁸ Там же. С. 11–12, 17–20.

который передал, что Бай намерен лично явиться к Дондуку Омбо и просить у него прощения за свои действия. Окончательное примирение калмыцкого хана с Баем произошло весной 1740 г.³⁷⁹ При этом следует отметить, что табунный голова Мурзай Булатаев успешно справился с возложенной на него миссией по переводу Баева улуса с Яика на Волгу.

В 1740-х гг. юртовцы привлекались российскими властями по делам Калмыцкой комиссии, порученной В.Н. Татищеву. Ставший впоследствии астраханским губернатором В.Н. Татищев использовал их наряду с солдатами, драгунами и казаками для удержания от побега из России улусов ханши Джан, вдовы хана Дондука Омбо, стремившейся уйти под власть персидского шаха³⁸⁰.

В 1730–1740-х гг. юртовские татары вместе с солдатами Астраханского гарнизона неоднократно обороняли от казахских набегов калмыцкие улусы³⁸¹. Так, зимой 1738 г. крупный отряд казахов, вступив в бой с командой солдат Астраханского гарнизона под началом капитана Пущина, прорвался на правобережную сторону Волги в районе острова Песчаного. Опасаясь их нападения на калмыцкие улусы, из Астрахани на помощь Пущину были отправлены дополнительные силы, в том числе нерегулярная команда, состоящая из «купечества и татар», общей численностью в 200 человек³⁸².

В 1743 г. юртовцы участвовали в преследовании казахов, напавших на окрестности г. Красный Яр в Астраханской губернии. Перечисляя в 1760 г. заслуги своих предков, Нурадыл-мурза Урусов вспоминал как раз об этом эпизоде, отмечая, что «во время приходу воровской киргиз кайсацкой партии под Красной Яр в защищении от них российских людей и калмыков и поиска над ними отправлена была от Астрахани команда военных регулярных людей две роты под командою капитана Огарева, при которой команде и тот отец ево (Касай-мурза Урусов. – *И.Т.*) в числе протчих астраханских служилых мурз был, и нашед их киргиз

---

³⁷⁹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II... С. 22–30.

³⁸⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Ед. хр. 203. Л. 397.

³⁸¹ Торопицын И.В. Оборона калмыцких улусов в 30-40-х гг. XVIII в. // Материалы междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посв. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Ч. 1. Элиста, 2009. – С. 242–246.

³⁸² РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 87. Л. 45об.-46.

кайсак на степи имели с ними сражение и збив их разогнали и всех захваченных ими в плен людей калмык и скот отбили, где отец ево особливо ревнуя в службе Ея императорского величества показать свое усердие не щадя себя за многими за ними киргиз кайсаками бегал в погони и имел щастие поймать из них живых двух человек, коих, привезя, отдал тому капитану»³⁸³.

В другом случае, имевшем место в январе 1746 г., астраханский губернатор И.А. Брылкин в ожидании набега к Волге казахов вынужден был мобилизовать все свои резервы: драгунам приказано было занять форпосты от Астрахани до Черного Яра, казакам ближайших городовых команд заступить на форпосты между Царицыным и Черным Яром. В Астрахани «для незапного случая» губернатор планировал сосредоточить пеших драгун, казаков Астраханской трехсотной команды (55 конных и 96 пеших) и астраханских татар, которым приказал быть «во всякой готовности и ежели в поход киргиз-кайсаков нужда потребует, то оных пешими на саях на нужные места отправить»³⁸⁴. После получения донесения из Красного Яра о вторжении казахов (февраль 1746 г.) и разгроме ими калмыцкого улуса, из Астрахани для преследования нападавших выступил сводный отряд под командой подполковника Новикова, в который вошли солдаты и «сколько набраться могло конных татар»³⁸⁵.

При этом селения астраханских юртовских татар также подвергались опасности во время казахских набегов. В 1736 г., например, партия «воровских киргиз кайсак» напала на селение («аул») юртовских татар при урочище Кендикле за рекой Болда, принадлежавшее потомкам мурзы Мусала Тинбаева. Нападавшие захватили в плен вместе с другими юртовцами 12-летнего сына мурзы Мусала Тинбаева Ивака и увели всех их в оренбургские степи. Лишь спустя тридцать лет Ивак Мусалов сын Тинбаев смог вернуться на родину, бежав из казахского плена на украденной лошади под защиту крепостей Уйской линии³⁸⁶. В 1740 г. казахи захватили и увели с собой 140 юртовцев³⁸⁷.

³⁸³ ГААО.Ф. 394.Оп. 1.Д. 1999.Л. 37об.

³⁸⁴ Бирюков И. Астраханская казачья трехсотная команда (1737–1750 г.). История возникновения, строевого устройства и службы. – Астрахань, 1906. – С. 18.

³⁸⁵ Торопицын И.В. Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. ... С. 246.

³⁸⁶ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 2659. Л. 63–63об.

³⁸⁷ Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И. В. ...»... С. 218.

С начала 1740-х гг. «по высочайшему из Высокого кабинета указу» при полковнике Л. Бабарыкине, который состоял при калмыцком хане Дондуке Омбо, была создана специальная группа «для посылок» из числа астраханских служилых татар. На первых порах в ее состав входили один мурза, один табунный голова и восемь татар. Эти юртовцы служили при калмыцких делах pogodно с переменою. На период службы, «чтоб они при нем полковнике Бабарыкине будучи охотнее и ревностнее» выполняли свои обязанности, им полагалось дополнительное жалованье «сверх обыкновенных их окладов»³⁸⁸. Размер вознаграждения, определенный юртовцам за службу при калмыцких делах, был весьма существенным. Мурзе полагалось 30 рублей, табунному голове – 20 рублей, а рядовые татары должны были получать по 15 рублей каждый. Этого жалованья, по расчетам российских властей, должно было хватить юртовцам на период проживания в калмыцких улусах и содержания для службы «добрых лошадей»³⁸⁹.

Что характерно, для этой службы Контора татарских и калмыцких дел должна была назначать только «служилых» юртовцев. Переписка данной конторы с Астраханской губернской канцелярией свидетельствует, что замена служилых юртовцев на ясашных (не служилых) соплеменников не приветствовалась. Так, по запросу полковника Бабарыкина 10 сентября 1740 г. к нему были присланы из Конторы татарских и калмыцких дел из числа астраханских «жалованных» мурза Шабан Байтереков и сотники Ураз Кожеков, Кудаберды Акбулатов, Калмыкай Ерошаев, Соин Бекеев. 24 ноября того же года в распоряжение Бабарыкина прибыли «из нежалованных» табунный голова Мустафа Мамбетев и «служители» татары Ураз Дюсембаев, Биякай Алеев, Картай Ажингулов и Кубек Акмамбетев.

Однако, несмотря на то, что всем юртовцам, направленным на службу при калмыцких делах, было выдано жалованье пропорционально времени пребывания на этой службе, полковник Бабарыкин в марте 1741 г. потребовал от астраханского губернатора Измайлова, чтобы «не окладные» татары были заменены. Полковник указывал, что в нарушение указа к нему прислали вместо табунного головы татарина Мустафу «да наемщиков четыре чело-

---

³⁸⁸ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 834. Л. 47–48.

³⁸⁹ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 790. Л. 242.

века». Как впоследствии выяснилось, «безжалованный» Мустафа Мамбетев приходился племянником табунному голове Мамбету Танаеву. Тем не менее, его и еще четырех юртовцев астраханский губернатор приказал отослать из команды полковника Бабарыкина к капитану Л. Шахматову, управлявшему делами в Конторе татарских и калмыцких дел, для замены на табунного голову и недостающее число людей «из жалованных татар и служилых»³⁹⁰. В итоге вместо Мустафы Мамбетева в распоряжение полковника Бабарыкина был прислан табунный голова Смаил Тарыбердеев³⁹¹. В 1742 г. на службу при калмыцких делах от Конторы татарских и калмыцких дел были наряжены вновь мурза Шабан Байтерек-ов и новые лица: табунный голова Алакай Акмамбетов и сотники Алакай Тлеов (Тлевов), Нагай Безгозов, Биякай Акмамбетов и Дюсембе Аллагулов³⁹².

Практика привлечения юртовских татар к калмыцким делам была продолжена и при подполковнике (в последствие генерал-майоре) Н.Г. Спицыне, состоявшим при наместнике Калмыцкого ханства Дондуке Даши в 1740–1750-х гг. Как правило, это были мурза, табунный голова и четыре сотника³⁹³.

Заключение

Анализ историографии и источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, свидетельствует, что привлечение русскими властями астраханских юртовских татар к взаимодействию с калмыками носило в XVII–XVIII вв. не эпизодический, а регулярный характер. Юртовцы широко привлекались в качестве переводчиков, им поручались персональные задания дипломатического и разведывательного характера в калмыцких улусах.

Благодаря деятельному участию авторитетных представителей юртовского общества в XVII в. проходили важные русско-калмыцкие съезды, а в 1730-х гг. табунному голове Мурзаю Булатаеву удалось убедить калмыцкого владельца Дондука Омбо вернуться в российское подданство, а впоследствии примирить

---

³⁹⁰ ГАО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 790. Л. 449–450.

³⁹¹ ГАО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 834. Л. 47.

³⁹² ГАО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 835. Л. 335–335об.

³⁹³ ГАО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 697. Л. 280б.

его с родным сыном, поднявшим против него восстание. В дальнейшем из числа юртовцев была сформирована специальная команда, обеспечивая коммуникацию официального представителя российских властей при правителях Калмыцкого ханства.

При этом астраханские татары, испытав на себе в XVII в. силу набегов калмыков, смогли выстоять под их натиском благодаря помощи со стороны астраханского гарнизона и адаптироваться к новым реалиям в условиях соседства с калмыками, которые стали хозяевами приволжских степей. В XVIII в. в составе отрядов русских войск юртовские татары участвовали в калмыцких междоусобных столкновениях, защищая пророссийских владельцев от их противников, а также в отражении набегов других кочевников на калмыцкие улусы. Все это говорит о том, что астраханские юртовские татары играли важную роль в русско-калмыцких отношениях XVII–XVIII вв.

Жанат Кундакбаева

От военно-административного надзора к имперской бюрократической системе управления: методы включения калмыков в административно- политическую систему Российской империи в XVIII веке

Важнейшей практической задачей России в Северном Прикаспии, населенном преимущественно кочевыми народами, стал поиск методов эффективного управления. В данной статье рассмотрим деятельность местной администрации по обеспечению перехода от военно-административного надзора за традиционными институтами власти калмыков к замене их имперской бюрократической системой. Следует подчеркнуть, что в основе этой деятельности были ненасильственные методы. Главным способом осуществления сложной задачи – интеграции региона в имперский социально-политический организм – стала организация оптимального режима взаимодействия с периферийными элитами. При этом представители местной власти должны были подчинить традиционные формы власти общеимперским интересам и нормативно-ценностным ограничениям.

Правительство, сохраняя периферийную элиту, вынуждено было оказывать ей дополнительную устойчивость в борьбе с конкурирующими группировками, а также в отношениях с подвластным населением. В то же время в случае чрезмерного увеличения власти периферийной элиты, правительство должно было подключать механизмы ограничения их власти. Перед местной администрацией стояла сложная задача – расширение властных возможностей правящего слоя периферийных народов, в то же время и ограничения их власти. В Северном Прикаспии этот процесс затянулся, требовал больших издержек, как материальных, так и людских, и не был реализован в полной мере даже к середине XIX в. Местная администрация не смогла в полной мере сформировать механизм долговременной поддержки стабильности в регионе, так как не всегда могла установить для периферийной элиты приемлемый уровень интенсивности борьбы различных группировок и допустимые рамки эксплуатации местного населения.

Северный Прикаспий был пограничной территорией, населенной различными народами, в разное время и в разных условиях присоединенных к России. Методы управления зависели от местных особенностей, а также от личностных качеств чиновников местной администрации. В то же время в реализации региональной политики имелись общие черты, поскольку целью политики России была политическая и административная интеграция страны, установление ее социальной, правовой и административной однородности. Главной задачей местной администрации становилось подчинение региона рамкам общеимперского законодательства и системы управления. Эта стратегическая цель была реализована в несколько этапов и к концу XVIII в. имела незавершенный характер.

Совокупность имеющихся работ по вопросам управления национальными окраинами Российской империи как общего, так и специального характера позволяет подвести некоторые исторические итоги изучения и наметить малоизученные аспекты. Прежде всего, следует отметить, что ранее в историографии не ставилась проблема в отношении организации управления народами Северного Прикаспия. Она изучалась преимущественно в рамках национальных историографий – калмыцкой и казахской. Между тем совокупность делопроизводственных материалов позволяет выделить региональную политику в Северном Прикаспии.

пии. Что касается степени изученности отдельных аспектов проблемы управления казахами и калмыками в XVIII в., то к ней обращались еще дореволюционные авторы. Они затронули проблему ограничения власти калмыцких ханов Россией, выделили этапы правительственной политики в отношении калмыков³⁹⁴.

Что касается особенностей управления казахами, в дореволюционной историографии она ставилась и решалась в рамках изучения взаимоотношений оренбургских губернаторов с казахскими ханами.

В советской историографии большинство вопросов, касающихся введения калмыков «в общегосударственное русло», были поставлены и решены несколькими поколениями историков (Н.Н. Пальмовым, М.М. Батмаевым, Л.С. Бурчиновой, Е.В. Дорджиевой). Особенно большой вклад в разработку проблемы внес известный монголовед Н.Н. Пальмов. На основе материалов астраханской губернской канцелярии Н.Н. Пальмов рассмотрел систему ограничительных мероприятий правительства в отношении калмыков³⁹⁵. Между тем в калмыцкой историографии нет специальных работ, посвященных местным органам управления, особенно недостаточно освещена деятельность руководителей «Калмыцких дел». В АВПРИ в фонде «Калмыцкие дела» сохранился комплекс делопроизводственных документов, позволяющих сделать вывод о разнообразии стратегии управления Российской империей подвластными народами, даже в пределах одного региона. Недостаточно изучены факторы, влияющие на характер функционирования местной власти.

Проблема управления казахами Младшего Жуза также ставилась как задача по введению их в общероссийское законодательство и систему управления. Однако такой взгляд на нее представляется односторонним, поскольку, во-первых, затушевывается

---

³⁹⁴ Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1884; Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: «Калмыцкое книжное издательство», 1995.

³⁹⁵ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и Ч. IV: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. – Астрахань, 1932; Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках: События, люди, быт: В 2-х кн. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993; Бурчинова Л.С. Колониальная политика царизма в Калмыкии в русской историографии // Вестник института. [Калмыцкий НИИЯЛИ.]. – Вып. 3. – Элиста, 1968. – С.5-25.

факт, что долгое время власть российской администрации распространялась только на казахов, кочующих в непосредственной близости от российских границ; во-вторых, игнорируется длительность переходного периода. В данной статье автор утверждает, что сущность переходного периода сводилась к установлению военно-административного надзора за традиционными институтами власти и замене их общероссийскими. Такая постановка проблемы позволит ответить на вопрос: почему на длительное время переходный период затянулся у казахов, почему большинство калмыков откочевало за пределы России?

Таким образом, в данной статье основное внимание уделено особенностям включения калмыков в административно-политическую систему Российской империи.

На этапе, предшествующем административной интеграции калмыков, середина XVII – первая половина XVIII века

В 1664 г. Калмыцкое ханство было официально признано Россией, хан Мончак был удостоен символа власти. Территория, на которой образовалось Калмыцкое ханство – кочевья по обеим сторонам Волги, от Астрахани до Царицына и Самары, включая степи Придонья, Урала, в этот период еще мало контролировалась Россией. Только европейская часть кочевий калмыков оказалась внутри цепи поволжских городов – условных юго-восточных границ России. Калмыкам было дано разрешение кочевать под Астраханью, поэтому на астраханских воевод была возложена задача регулировать кочевки калмыков, а также следить, чтобы они не входили в сношения с Крымским ханством. Астраханские воеводы – боярин князь И.П. Пронский (1652-1655 гг.) и боярин князь В.Г. Ромадановский (1655-1658 гг.) и другие – приводили калмыков к шерти (присяге), вели переговоры об участии калмыков в военных действиях Российского государства и с 1659 г. (воевода князь Д.П. Львов) стали посылать в калмыцкие улусы государево жалованье. Следовательно, в период, когда Россией еще полностью не была освоена территория, на которой кочевали калмыки, главными устроителями калмыцких дел выступили астраханские воеводы. Отдаленность Астрахани от центра затрудняла переписку с Москвой и заставляла воевод решать самим некоторые вопросы. Почти со второй половины XVII и до первой четверти XVIII вв. правительство России мало вмешивалось во внутренние дела калмыков. Называются три основные причины

этого: Россия не имела возможности в этот период «силою оружия усмирять и держать в покорности эту дикую орду»; калмыки охраняли южные рубежи России и принимали активное участие в войнах, которые вела Россия; отношения с калмыками служили наглядным примером национальной политики царизма³⁹⁶.

Более обоснованной, однако, выглядит точка зрения известного монголоведа Н. Пальмова – вмешательство России во внутренние дела калмыков проявлялось в том, что правительство вносило в калмыцкую жизнь начала централизации власти. Он считал, что в начале XVIII в., привлекая калмыков на службу, правительство вынуждено было укреплять положение хана. Чрезмерная централизация власти, по мнению Н. Пальмова была нехарактерна для традиционной калмыцкой общественной структуры. Для калмыцких тайшей хан был только первым среди них. Он объединял улусы в основном только в моменты общей опасности, когда выступал в качестве главнокомандующего, и ему все должны были подчиняться. Вне общих интересов, вне опасности от неприятелей, улусный тайша чувствовал себя свободным и являлся «распорядителем дел» в улусе, не обязанным давать хану отчет в своих действиях³⁹⁷.

Россия помогла Аюке-хану сосредоточить всю полноту власти в своих руках, поскольку ей выгодно было для решения своих многочисленных проблем на юго-восточных окраинах, иметь сильное централизованное ханство. Правительство назначило Аюке-хану огромное жалованье – 1000 руб. в год, а также помогало порохом и свинцом. Это было не только данью за его услуги, оказываемые России, но и механизмом усиления его личной власти.

Недовольство улусных правителей вылилось в 1701 г. в усобицу калмыков. Именно как протест чрезмерному усилению Аюки-хана расценивает ее Н. Пальмов, а не как конфликт среди ойратских тайшей на почве личных обид, как считали переводчик калмыцкого языка при Астраханской губернской канцелярии

---

³⁹⁶ Дорджиева Е. Исход калмыков в Китай в 1771 г. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. – С.19.

³⁹⁷ Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Ч. III и Ч. IV. – Астрахань, 1929. – С.18-19.

В.М. Бакунин и современный калмыцкий историк В. Колесник³⁹⁸. Вмешательство России в урегулировании этого конфликта и стало первым прямым вмешательством России во внутренние дела Калмыцкого ханства. Но чрезмерное усиление власти калмыцкого хана противоречило планам Российского правительства, задачей которого было установление полного контроля над ханством. В литературе утвердилась точка зрения, что успеху правительственной политики по отношению к калмыкам к исходу первой четверти XVIII в. во многом способствовала деятельность первого губернатора Астрахани, сподвижника Петра I – А.П. Волынского³⁹⁹. Деятельность А. Волынского, его вклад в организацию управления калмыками нашли всестороннее освещение⁴⁰⁰. Отметим только еще раз, что А. Волынский был автором основной линии правительства по отношению к калмыкам – «сохранение баланса между группами калмыцких владельцев с целью не дать усилиться ни одной из сторон настолько, чтобы в какой-либо из них оказалось большинство улусов».

В донесении в Коллегию от 11 июля 1723 г. А. Волынский писал: «Аюка-хан делает, чтобы между ними (сыновьями. – авт.) баланс был и чтобы никто не имел такой силы, чтобы сыну помогли бы противники. А мне мнится, что для интересу Его Царского Величества из того худова не будет, ежели противной партии владельцы окажутся посильнее, токмо нам смотреть, чтобы немного из баланса выходили. И тако, ханская власть не так будет самовластна, что к пользе и прибыли Его Царского Величества будет, ибо один другова боялся – вернее служить будет. Желая показать

---

³⁹⁸ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и потесупков их ханов и владельцев. – Элиста: «Калмыцкое книжное издательство», 1995. – С.27-28; Колесник В. Последнее великое кочевье. – М.: Восточная литература, 2003. – С.116; Пальмов Н. Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Ч. III и Ч. IV. – Астрахань, 1929. – С.20.

³⁹⁹ А. П. Волынский (1689-1740) – один из знаменитых деятелей XVIII в., дипломат, внесший большой вклад в реализацию политики России с Персией и на Кавказе. Так, например, в 1716 г. был отправлен во главе посольства в Персию, в результате которой он смог устроить дипломатическое представительство России в Персии, исследовав внутреннее состояние Персии, предложил Петру I план завоеваний персидских провинций, лежащих на западном побережье Каспия.

⁴⁰⁰ Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Ч. III и Ч. IV. – Астрахань, 1929. – С.220-333.

свою верность – один другого обличать будет. А ежели их власть в одних руках будет, то редко кто с тем справиться сможет»⁴⁰¹.

В последующем эта политика была взята и на вооружение по отношению к казахам.

Первая благоприятная возможность к ограничению власти хана появилась в 1715 г., когда по просьбе Аюки-хана был выслан отряд из 600 солдат и казаков во главе с стольником Д. Бахметевым. Официально ему было поручено оберегать хана в случае внезапных нападений неприятелей, оказывать помощь калмыцким улусам. Но в секретной инструкции (опубликованной Н. Пальмовым в приложении) предписывалось следить, чтобы калмыки «не чинили задоров с кубанцами, крымцами и другими турецкими подданными», удерживать калмыков от походов на турецких подданных и донских казаков, следить, что без уведомления Его Царского Величества калмыки не вступали «в пересылку» с турецкими подданными⁴⁰². Таким образом, Д. Бахметеву вменялся контроль за внешнеполитической деятельностью, политическим поведением хана и калмыков, он должен был секретно разведывать и докладывать обо всем Коллегии иностранных дел⁴⁰³.

Как совершенно верно пишет Е. Дорджиева, у российского правительства появилась возможность дополнить традиционные местные институты власти специальным учреждением территориальной компетенции. Так было положено начало образованию особого исполнительно-надзорного органа «Калмыцкие дела», который Е. Дорджиева называет правительственным контрольно-управленческим органом, а В. Колесник – Специальным ведомством при Коллегии иностранных дел⁴⁰⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют

---

⁴⁰¹ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/1. 1723. Д.5. Л.15-15 об.

⁴⁰² Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Ч. III и Ч. IV. – Астрахань, 1929. – С.41-42.

⁴⁰³ Батмаев М. М. Документальные материалы архивного фонда «Состоящий при калмыцких лехах при Астраханском губернаторе» // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. – Элиста: КНИИИФЭ, 1987. – С.44; Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Ч. III и Ч. IV. – Астрахань, 1929. – С.43; Дорджиева Е. Указ. соч. – С.21

⁴⁰⁴ Батмаев М. Указ. соч. – С.44; Дорджиева Е. Указ. соч. – С.21; Колесник В. Указ. соч. – С.134.

всесторонне осветить особенности функционирования этого органа. Одной из главных трудностей была неукомплектованность штата «Калмыцких дел» переводчиками и толмачами. В одном из своих донесений В. Беклемишев писал, что имеющиеся при нем толмачи «больше выходцу из полону», которых он не мог использовать для секретных разговоров и перевода писем, поэтому он настойчиво просил вернуть М. Тевкелева. Не хватало в штате и приставов, а бывшие при нем подъячие два года работали без жалования — «а без жалования им пробыть невозможно, так как они не имеют заводов, торгов, промыслов и пашен»⁴⁰⁵.

На этапе, предшествующем административной интеграции калмыков, правительство, кроме введения резидента-советника при хане, должно было установить полный контроль над их внешнеполитическими связями. Согласно инструкции 1720 г., А. Волынский должен был отклонять калмыков от дружбы с турками, персиянами, крымцами и кубанцами⁴⁰⁶. С другой стороны, внешнеполитические задачи, которые решала в тот момент Россия, а также геополитическое положение Северного Прикаспия, вынуждало правительство ускорить процесс установления контроля над внешними связями калмыков.

Но, несмотря на присутствие резидента-советника, калмыцкий хан Аюка имел относительно самостоятельные внешнеполитические сношения. Более того, внешне соблюдая принятые на себя обязательства, Аюка-хан вел за спиной России деятельность, направленную против правительства. Центральное правительство понимало это, поэтому в инструкции А. Волынскому отдельно оговаривалось, что ему надлежит «при хане Аюке, его сыне Чакдоржапе и, в случае необходимости, и при других главных владельцах, в которых сила есть, тайно и явно иметь таких людей, чрез которых бы о всем, что у них делается, он мог ведать и вредительное Его Царского Величества интересам предостеречь»⁴⁰⁷.

Следуя этой инструкции, А. Волынский формирует из числа калмык сеть осведомителей. Кроме инструкции, на существование этой сети как системы указывают статьи расходов, по

---

⁴⁰⁵ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/1. 1723. Д.8. Л. 18 и 18 об., 25 об.

⁴⁰⁶ Пальмов Н. Н. Указ. соч. — С.49.

⁴⁰⁷ Пальмов Н. Н. Указ. соч. — С.49.

которым отчитывался перед Коллегией иностранных дел руководитель «калмыцких дел» майор Р. С. Тургенев при сдаче дел губернатору А. Волинскому. Тургенев вез в Москву отчет о выдачах калмыкам сукна, камок, а отчасти и денежных сумм. Н. Пальмов отмечал, что выдачи делались нужным людям из привилегированного класса и из числа рядовых калмык – частью для поощрения верности правительству и расположения к нему, частью за сообщение секретных сведений о калмыцких делах⁴⁰⁸.

Основным итогом деятельности местной администрации в лице Астраханской губернской администрации во главе с А.В. Волинским, а также особого исполнительно-надзорного административного органа – Калмыцкие дела во главе с В. Беклемишевым, в штате находился и переводчик В. Бакунин, явилась успешная реализация политики, направленной против чрезмерной централизации власти калмыцкого ханства, ограничение внешнеполитической самостоятельности хана.

Вмешательство российского правительства в калмыцкую междоусобицу привело к затягиванию конфликта, а также к тому, что право выбора калмыцкого хана теперь принадлежало России. В то же время следует согласиться с выводом калмыцкого историка В. Колесника о том, что для первой половины XVIII в. еще рано говорить о реальном ограничении суверенитета калмыцких правителей. Об этом говорят такие факты: в 1737 г. калмыцкий хан Дондук-Омбо добился отстранения от руководства «Калмыцкими делами» В. Беклемишева, 15 лет успешно исполнявшего эту должность. Другой калмыцкий хан Дондук-Даши сыграл определенную роль в отстранении В. Татищева от должности астраханского губернатора; руководителем «Калмыцких дел» назначили генерал-лейтенанта Еропкина⁴⁰⁹.

На этапе первоначального освоения территорий значительной была роль именно частной инициативы, лишь координируемой и направляемой центром. Существовавшая на этом этапе структура местного управления калмыками порождала конфликты на горизонтальном уровне. Несогласованность действий на низовом уровне служило помехой для исполнения служебных функций.

---

⁴⁰⁸ Пальмов Н. Н. Указ. соч. – С. 240.

⁴⁰⁹ Колесник В. Указ. соч. – С.135-136; Дорджиева Е. Указ. соч. – С.33-34.

Новый этап административной интеграции калмыков

К началу 60-х гг. XVIII в. канцлеру была представлена записка от Коллегии (от 29 марта 1761 г.) с предложением перевести калмыков «как народа, под российскою державою с давнего времени находящегося», из ведомства Коллегии иностранных дел в ведомство Сената или Военной Коллегии, яко военному народу, «равно как лифляндцам, эстляндцам, финляндцам, малороссиянам... и протчим время от времени пришедшим в здешнее подданство народам, которые ныне все в главном ведомстве и правлении – Сенате и других подчиненных департаментов состоят». В записке говорилось о том, что бывшие в Посольском приказе дела отданы в Сенат, и напоследок, в 1756 г., находящаяся при Коллегии Малороссийская экспедиция, также отдана в Сенат. Поэтому члены Коллегии считали, что, отдав калмыцкие дела в Сенат, они будут избавлены от обширной и излишней переписки с ним и многими разными департаментами – «от беспрестанных хлопот и затруднений освободится могут»⁴¹⁰. В записке имеется на полях помета: «Калмыцкие дела прямо за внутренние, а не заграничные и до Коллегии неследующие признавать надлежит».

Смысл приведенного документа в том, что члены Коллегии считали, что в ведомстве Коллегии находились только «заграничные и другие европейские дела», а калмыки признаются уже подданными, поэтому следует их передать в ведомство Сената⁴¹¹.

В этот период в центральном правительстве готовился новый проект по управлению калмыцким народом. На основании доклада статского советника В. Бакунина, Коллегия иностранных дел подала реляцию Екатерине II от 21 января 1762 г. В. Бакунин предлагал меры, которые, по его мнению, приведут калмыков «как подданных к точному повиновению»: брать аманатов и реорганизовать Зарго. Эти меры помогут «у наместника ханства собственные силы и власти поубавить». Историки высказали две точки зрения в оценке реорганизации Зарго. В. Колесник считает эту реформу – «демократизацию Зарго» – прогрессивной по сути, так как «имперская власть не хотела раздражать калмыков бессмысленно детальной регламентацией и уж тем более навязыванием им чуждой религии и законов... российское правительство

⁴¹⁰ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1761. Д.7. Л.1-1об.,2.

⁴¹¹ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1761. Д.7. Л.3.

брало политическую ситуацию в улусах под свой контроль с тем, чтобы снять напряженность и снять противоборство в калмыцкой элите»⁴¹². Основной целью реорганизации В. Колесник считал укрепление власти калмыцкого правителя. Другая точка зрения принадлежит Е. Дорджиевой, которая считала радикальную реорганизацию Зарго своеобразной альтернативой прежним попыткам правительства ограничить ханскую власть путем сохранения баланса между калмыцкими владельцами. Результатом реформы стало то, что позиции Убаши как правителя калмыков были значительно ослаблены, так как введенная пропорциональная система делала процесс распределения мест в Зарго независимым от наместника. Так же считал и известный монголовед А. Позднеев: «при таком порядке вещей ханская власть должна была потерять почти все свое значение»⁴¹³.

Действительно, в реляции Екатерине II, подданной Коллегией 21 января 1762 г., прямо указывается конечная цель реформы: «Чрез (Зарго) власть наместника в тесные пределы приведена будет. При зайсангах в Зарго, ему ничем не обязанных, наместник не будет в состоянии продолжать с заграничными народами пересылку, какую бывшие донные ханы имели, зная, что кто-нибудь из зайсангов донесет в здешнюю сторону»⁴¹⁴. Но через 10 лет эффективность системы управления калмыками была подвергнута серьезному испытанию. Речь идет об откочевке калмыков в 1771 г. на свою историческую родину – в Центральную Азию. Проведя около полутора веков в низовьях Волги, калмыки решили покинуть насиженные места.

В настоящее время этому переломному событию в истории калмыцкого народа посвящена большая литература, среди которой две специальные монографии⁴¹⁵. Для нас данный вопрос представляет интерес с точки зрения характеристики функционирования органов власти на местах взаимодействия между центральными и местными органами власти, а следовательно, оценки

---

⁴¹² Колесник В. Указ. соч. – С.188.

⁴¹³ Дорджиева Е. указ. соч. – С.38.

⁴¹⁴ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/1. 1762. Д.20. Л.9 и 9 об.

⁴¹⁵ Дорджиева Е. Исход калмыков в Китай в 1771 г. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002; Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. – М.: Восточная литература, 2003.

об эффективности управления калмыками. Внимательный анализ документов, имеющихся в нашем распоряжении, позволил прийти к нескольким выводам по этому вопросу.

В деле «Об отгоне калмыками у киргиз-кайсаков лошадей и о принятии подозрений на первых об уходе оных за границу»⁴¹⁶, содержится разнообразная документация, сложившаяся относительно подготовки калмыками побега за несколько предшествующих лет (1767-1770 гг.). Несмотря на обилие донесений из разных мест, независимых друг от друга, с разной степенью полноты, но достоверных, центральная власть на эти сообщения не отреагировала должным образом. Причем донесения шли с двух сторон: со стороны Оренбургской губернии (от казачьего старшины Бородина Яицкой войсковой канцелярии, от казахского хана Нуралы, от Оренбургской губернской канцелярии) и со стороны Астраханской губернии (от «состоящего при калмыцких делах» полковника И.А. Кишенского, с уверениями, что ничего подозрительного он не видит, а также от астраханского губернатора Н.А. Бекетова, который неоднократно доносил на И.А. Кишенского, что он халатно исполняет свои обязанности, и за это получил выговор от Екатерины II). Многотомная переписка различных учреждений как на вертикальном, так и на горизонтальном уровне показывает, что, будучи осведомленными о предстоящем уходе, власти не предприняли конкретных шагов для предотвращения этих событий. Находясь в условиях войны с Турцией, центральное правительство не имело возможности изыскать необходимые ресурсы для этого. Кроме того, Россия по-прежнему нуждалась в военной силе калмыков. Следовательно, первый вывод, касательно характера управления калмыками накануне откочевки калмыков на историческую Родину следующий – большое влияние имела общеисторическая обстановка. В рескрипте Екатерины II Астраханскому губернатору Бекетову от 3 августа 1770 г. содержится важная формула: «Коль скоро настоящая между нашей империей и Портою Оттоманской война настала и наместнику ханства повеление было дано об отправлении к армии 20 тыс. калмыцкого войска и о действии со всеми остающимися силами на Кубани»⁴¹⁷.

---

⁴¹⁶ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1767-1770. Д.31.

⁴¹⁷ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1767-1770. Д.31. Л.637.

Имеющаяся в деле переписка между представителями местной администрацией (напомним, что в силу пограничного положения народы Северного Прикаспия управлялись различными административными единицами: Оренбургской администрацией и Астраханской губернской канцелярией) показывает несогласованность их действий между собой. Следовательно, второй вывод касается отсутствия эффективности работы местных органов управления народами Северного Прикаспия. Существовавшая система не предусматривала тесных связей на горизонтальном уровне. Каждое низовое звено имело прямой выход на центр и мало взаимодействовало между собой, ограничиваясь пространной бюрократической перепиской.

К третьему выводу подводит нас анализ переписки (через Коллегию иностранных дел и между собой) существовавших параллельно органов управления калмыками – «Калмыцких дел» и Астраханского губернского управления. Их руководители – полковник Кишенской и Бекетов – забрасывали Коллегию противоречивыми донесениями. В результате этого астраханский губернатор был подвергнут административному разному (в рескрипте Екатерины II от 3 августа 1770 г.) и центральное правительство встало на точку зрения Кишенского по вопросу о подготовке калмыков к побегу: «Мы соображая с Вашим представлением о нынешнем состоянии калмыцкого народа, и что полковник Кишенской ни малейших признаков к побегу, сколько не старался, открыть не мог. Совсем напротив не усматриваем ни того опасаемого Вами случая, ни же признаваем нужды в столь строгих средствах, коим Вы калмыков в нашем подданстве удержать надеетесь»⁴¹⁸. В конце рескрипта Екатерина II пишет Бекетову: «Что Вас касается, мы уповаем, что Вы узнав Вашу ошибку, обратите старания к соблюдению в калмыцком народе тишины и порядка»⁴¹⁹. «Калмыцкие дела» и Астраханская губернская администрация по существу дублировали деятельность по управлению калмыками, превратились в соперничавшие между собой органы власти, что, в конечном счете нанесло ущерб делу.

Конкретный ход откочевки калмыков (январь 1771 г. – август 1771 г.) описан довольно подробно. Тем не менее, хотелось бы обратить внимание на мобильность бюрократической системы

---

⁴¹⁸ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1767-1770. Д.31. Л.639.

⁴¹⁹ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1767-1770. Д.31. Л.656 об.

того времени. Когда полным ходом шло преследование калмыков русскими войсками и казаками, астраханский губернатор А. Бекетов уже начал переписку с центральными органами «о будущем устройстве оставшихся калмык». (Документы, касающиеся побега калмыков, подшиты в отдельное дело «О побеге волжских калмыков за границу из России и преследование их россиянами»⁴²⁰ (649 листов)).

В своем рескрипте от 26 января 1771 г. Екатерина I передала все полномочия по калмыцким вопросам астраханскому губернатору. В его распоряжение передавалась и судьба руководителя «Калмыцких дел» Кишенского: «Вашему распоряжению оставляется и полковник Кишенской, которого от должности отрешить можете, буде в надобном признаете»⁴²¹. Одновременно Екатерина II пишет рескрипт на имя оренбургского губернатора Рейнсдорпа (от 27 января 1771 г.) с повелением «во всем (калмыков. – авт.) касающемся, потребное делать ему (астраханскому губернатору) поспобствование»⁴²².

Об интересном факте взаимодействия губернских управлений сообщает в рапорте Бекетова в Коллегию иностранных дел от 19 ноября 1771 г. Когда волжские калмыки дошли до цели и были приняты Китайским правительством, Оренбургский губернатор Рейндорп предъявил счет астраханскому губернатору Бекетову – «требовал о возвращении издержанных на разные по случаю побега ... калмык расходы». Общая сумма претензий составляла: 325 руб. 85 коп. «из определенной на таможенные заграничные крғиз-кайсацкие расходы»; 176 руб.85 коп. яицкому войску; некоторую сумму – казакам при Индерской соли за наем подвод от Гурьева городка до Астрахани»⁴²³.

Астраханский губернатор Бекетов имел и активную переписку с руководителем внешнеполитического ведомства графом Н. Паниным по вопросу, «как поступить с оставшимися калмыками» (донесения Бекетова – от 5 и 6 июня 1771 г. и резолюции Коллегии от 6 и 16 июня 1771 г.)⁴²⁴. В результате 12 ноября 1771 г.

---

⁴²⁰ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34.

⁴²¹ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34. Л.44 об.

⁴²² АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34. Л. 56 об.

⁴²³ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34. Л. 573.

⁴²⁴ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34. Л. 363 об.-364 об.; 365 – 365 об.; 366 об.; 367-372; 373-378.

на имя астраханского губернатора поступил рескрипт Екатерины II «Как поступить с оставшимися калмыками» от 19 октября 1771 г.⁴²⁵ Изучив рекомендации центрального правительства, Бекетов отправил свои предложения? и на их основании 12 декабря 1771 г. был издан Указ Е. И. В. «На каком основании калмыки содержатся и управляемы быть могут». В первом пункте Указа было отменено «определение об учреждении главного над калмыками начальника полковника князя Дондукова». Вместо этого решено было создать новый орган – «Суд» при Астрахани. При таком изменении была принята во внимание поправка, внесенная в рескрипт по предложению Бекетова и учитывающая пожелания калмыцких владельцев, а именно, чтобы «каждый калмыцкий владелец собственными своими людьми управлял независимо от другого, давал на них суд и расправу по их калмыцким правам и обыкновениям». Бекетову было рекомендовано собрать в Астрахани калмыцких владельцев, чтобы объявить «изустно» «Высочайшее Е. И. В. соизволение»⁴²⁶. Во втором пункте Указа определено владельца выбрать «по жребию» трех калмык «для всяких судебных дел» «для содержания при Астрахани». В их функции входило рассмотрение всяких дел и представление губернатору. В третьем пункте калмыцким зайсангам, членам калмыцкого суда назначалось жалование «по 100 руб. в год»⁴²⁷.

В Указе были определены места кочевания оставшимся калмыкам, рекомендовано разделить их на две части, по обеим сторонам реки Волги, для того, чтобы «чрез такое разделение было каждой части ослабление», и в случае неповиновения можно было бы управиться «небольшими с российской стороны силами». В то же время разделение давало возможность использовать калмыков для прикрытия границы с двух сторон – от кубанских татар и, с востока, от степных народов, в частности казахов⁴²⁸.

Таким образом, Указом Екатерины II от 19 октября 1771 г. и от 12 декабря 1771 г. было упразднено звание калмыцких ханов и наместников ханства. Юридически это означало ликвидацию государственной автономии калмыков. Несмотря на то, что каждый владелец обладал относительной самостоятельностью в пределах

---

⁴²⁵ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34. Л.561-570 об.

⁴²⁶ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34. Л. 634-634 об.

⁴²⁷ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34. Л. 634 об-635.

⁴²⁸ АВПРИ. Ф.119. Оп.119/2. 1771-1772. Д.34. Л.638 об.

своего улуса, его права по управлению калмыками были ограничены, поскольку за их действиями наблюдал астраханский губернатор. Астраханскому губернатору также принадлежало право разбирать споры между владельцами в присутствии 3 калмыцких зайсангов. В этот период в качестве судебного учреждения было восстановлено и Зарго, при вновь учрежденной в г. Астрахани Экспедиции Калмыцких дел, которая стала называться «Губернская канцелярия по экспедиции калмыцких дел».

Калмыцкая исследовательница Л.С. Бурчинова, автор специального исследования по вопросам управления калмыками после 1771 г., дала исчерпывающую картину включения Калмыкии в систему государственного управления Российской империи. В целях логического завершения статьи воспользуемся данными Л.С. Бурчиновой и представим в виде тезисов основные этапы заключительного периода включения калмыков в общероссийскую политико-административную систему, охватывающего последнюю четверть XVIII и первую половину XIX вв.

Поиском переходной модели управления калмыками можно назвать период с 1785 по 1797 г. На этом этапе:

в 1786 г. вместо Зарго и Экспедиции была открыта Калмыцкая канцелярия в Енотаевске, которая называлась войсковой при губернаторе Л. С. Алексееве;

в 1790 г. Калмыцкая войсковая канцелярия была переведена в Астрахань и была преобразована в Калмыцкое правление.

Следующий период с 1800 по 1840 гг.:

В 1800-1803 гг. происходят ликвидация Калмыцкого правления, восстановление Зарго и института наместничества, при надзоре «особого лица», подотчетного военному и гражданскому губернатору со штатом из секретаря, переводчика, писца и двух толмачей; в 1801 г. вместо «особого лица» надзор за наместничеством поручался главному приставу, подотчетного Коллегии иностранных дел. В 1802 г. калмыки были переданы из ведомства Коллегии иностранных дел (которая в этот период была переименована в МИД) в ведомство Министерства внутренних дел. В 1803 г., после смерти калмыцкого наместника, окончательно упраздняется ханская власть и калмыки подчиняются управлению главного пристава. Введение приставов – один из важных моментов в распространении на калмыцкий народ общероссийского государственного порядка и управления;

на 1803-1835 гг. приходится дальнейшее развитие института приставства в результате происходившей в России бюрократизации государственного аппарата;

середина 30-х гг. XIX в. связана с преобразованием института приставства в институт попечительской опеки, что определяется как некоренная перестройка в управлении калмыками;

конец 40-х гг. XIX в. заканчивается переводом Калмыкии в систему государственного управления⁴²⁹.

Заключение

Таким образом, в правительственной политике относительно административной интеграции калмыков довольно отчетливо просматриваются следующие этапы:

I этап – конец XVII в. – первая четверть XVIII вв.

Вмешательство правительства выразилось в усилении процесса централизации Калмыцкого ханства. Россия помогла Аюке-хану сосредоточить всю полноту власти в своих руках, но чрезмерное усиление власти калмыцкого хана вызвало необходимость ограничения власти хана. Большую роль в установлении контроля над уровнем власти хана сыграла деятельность первого астраханского губернатора А. Волынского, автора «программы» «Установление баланса ханской власти». Другой фактор, повлиявший на ограничение власти, – создание специального органа «Калмыцкие дела», руководитель которого превратился в резидента-советника при хане. Но эти тенденции не повлекли серьезного вмешательства правительства во внутреннее устройство ханства. Для калмыцкого хана Аюки характерна была относительная независимость во внешней политике.

Активное участие калмыков в войнах России первой четверти XVII в., в подавлении восстаний на юге России, а также охрана юго-восточных рубежей от степных соседей определили лояльность правительства по отношению к калмыцкому хану. В этот период отношения руководителя «Калмыцких дел» и астраханского губернатора становятся прообразом будущего взаимодействия местной власти по горизонтали.

---

⁴²⁹ Бурчинова Л. С. Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: Исторические корни и значение. – Элиста: КГУ, 1985. – С.48-55.

На этапе, когда еще не был завершен процесс первоначального освоения территории Калмыцкого ханства (Царицынская укрепленная линия 1718-1723 гг.), местная администрация успешно решала вопросы управления калмыками, используя разнообразные приемы и методы, вплоть до содержания при губернской администрации агентурной сети.

Основным итогом деятельности местной администрации явилась успешная реализация политики, направленной против чрезмерной централизации власти калмыцкого ханства, ограничение внешнеполитической самостоятельности хана. Вмешательство российского правительства в калмыцкую междоусобицу привело к затягиванию конфликта, закреплению право выбора калмыцкого хана за Россией.

II этап – вторая четверть XVIII в. – 1762 г.

На этом этапе завершается процесс первоначального освоения территории – строительство Самарской, Оренбургской и Уйской линий. Основным итогом этого периода было установление военно-административного надзора за традиционными институтами калмыков. Российское правительство активно использовало метод вмешательства во внутренние междоусобицы калмыцких владетелей. Первое вмешательство в борьбу за ханский трон после смерти Аюки-хана в 1724 г. увенчалось передачей власти Церен-Дондуку с титулом наместник ханства, что подчеркивало его зависимость от России. В 1731 г. Россия под давлением внешнеполитических обстоятельств вынуждена была наделить его титулом калмыцкого хана. Это был шаг в направлении изменения юридического статуса ханства.

Прагматично-гибкая политика в отношении калмыцких ханов проявилась в смене калмыцкого правителя. В условиях русско-турецкой войны на трон в Калмыцком ханстве был посажен Дондук-Омбо. Отношение к его стремлению усилить централизацию ханства, установить определенную независимость от астраханской администрации воспринимается лояльно. Роль астраханского губернатора в 1735 – 1741 гг. была сведена к минимуму.

17-летнее правление Дондук-Даши (1741-1758 гг.) характеризуется дальнейшим укреплением позиций России в деле административного управления калмыками.

III этап – 1762 – 1771 гг.

Основным содержанием правительственной политики в отношении калмыков с воцарением на российском троне императри-

цы Екатерины II и в соответствии с общей тенденцией унификации стало форсированное сокращение сферы традиционных институтов власти у калмыков. С расширением функций Зарго ханская власть у калмыков по сути потеряла свое значение. Это вызвало протест со стороны калмыков, который выразился в откочевке большей части населения за пределы России.

IV этап – 1771 – 1797 гг.

На этом этапе активизируется поиск переходной модели управления для оставшихся калмыков. Создаются постепенные условия для введения калмыков в состав российской системы управления. Сначала улусы приравнивали к уездам, для надзора над которыми назначили русских приставов. Общее управление калмыками возложили на экспедицию, созданную при канцелярии астраханского губернатора. Затем сократили состав и функции Зарго и открыли Калмыцкую канцелярию в Енотаевске в 1786 г., которая называлась войсковой при губернаторе Л.С. Алексееве; в 1790 г. Калмыцкая войсковая канцелярия была переведена в Астрахань и преобразована в Калмыцкое правление.

Обобщая материал, приведенный об особенностях управления калмыками, следует отметить незавершенность процесса замены традиционных институтов власти калмыков общероссийской бюрократической системой к концу XVIII в. Он был завершен только к середине XIX в. и то только для части калмыков, поскольку большая часть в 1771 г. откочевала за пределы России. Начало правительственных мероприятий по установлению военно-административного надзора за традиционными институтами калмыков берет отсчет с конца XVII в. Полтора века понадобилось России, чтобы включить калмыков в общероссийскую систему управления.

Длительность переходного периода была обусловлена совокупностью факторов – общеисторическим процессом, состоянием Российской административно-политической системы, особенностями функционирования бюрократической системы на окраинных территориях, влиянием личностных моментов. Огромное воздействие на характер управления калмыками оказывал и геополитический аспект.

Главным способом осуществления сложной задачи – интеграции калмыков в единый имперский социально-политический организм стала организация эффективного режима взаимодействия с калмыцкой знатью, поскольку эту задачу было невозможно ре-

шать насильственным путем. Россия была вынуждена сохранять традиционные институты власти, постепенно подчиняя их общеимперским интересам. На этапе установления военно-административного надзора главной проблемой стало установление оптимального режима властных полномочий калмыцких правителей. С одной стороны, правительство вынуждено оказывать помощь местным правителям в борьбе с соперниками, с другой – чрезмерное увеличение власти ханов противоречило планам правительства. Большую роль в установлении военно-административного надзора за традиционными институтами власти калмыков сыграл особый орган «Калмыцкие дела».

Чрезвычайный характер управления калмыками, обусловленный пограничным их положением, вызвал недооценку этносоциального фактора, что в конечном итоге привело правительственную политику в отношении калмыков к коллапсу, к откочевке большей части калмыков на свою историческую родину в 1771 г.

Нельзя не учитывать и проблему нехватки ресурсов. Мероприятия по управлению калмыками требовали больших материальных затрат, что было затруднительно, поскольку Россия утверждалась в статусе «великой державы».

Окраинное положение региона вызвало особый характер деятельности местного аппарата управления: трудные условия пребывания – но возможности для роста, удаленность от центра – но возможность злоупотребления властью, относительная самостоятельность в действиях – но сильное влияние личностного фактора.

Сергей Любичанковский

Контент-анализ протоколов Государственного совета, посвященных донесениям Игельстрёма по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи (1787-1790)

Имперская политика в отношении окраин всегда вызывала большой интерес у исследователей. Действительно, механизмы встраивания окраин в состав «большой России», обеспечившие ей стабильное существование как поликультурного общества в течении веков, нуждаются в анализе. Также представляется оче-

видным, что имперская политика в отношении окраин не сводима к политике имперского центра, у нее было и региональное измерение. Особенно ярко оно было выражено тогда, когда государственное устройство империи было основано не на функциональном, а на территориальном принципе⁴³⁰, как это имело место после создания Екатериной II наместничеств и генерал-губернаторств.

Одним из классических «опытных полигонов» Российской империи по интеграции окраин в своем составе являлись казахские земли, большая часть которых вошла в состав Оренбургского края в течение XVIII века.

Названный регион прошел серьезную эволюцию в административно-территориальном плане – являлся Оренбургской губернией (1744-1781), Уфимским наместничеством (1781-1796), Оренбургским военным губернаторством (1796-1851), Оренбургским и Самарским генерал-губернаторством (1851-1865), Оренбургским генерал-губернаторством (1865-1881). Но как бы не менялись границы этого «суперрегиона», именно Оренбург всегда был его «столицей», именно здесь располагались основные органы управления краем. Собственно, именно поэтому ту территорию, в которую кроме Оренбурга входили в разное время и Самара, и Ставрополь, и Симбирск, и Уфа, и Уральск, ту территорию, для обозначения которой известный японский русист К. Мацузато в 2010 году предложил специальное обозначение «Великий Оренбург» (Great Orenburg)⁴³¹, в науке принято называть Оренбургским краем.

Одним из тех руководителей региона, которые претендовали на самостоятельную роль в определении стратегии и тактики империи на этой окраине или, по меньшей мере, на активное учас-

---

⁴³⁰ Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский исторический вестник. 2013. – №3 (40). – С. 59-68; Любичанковский С.В. «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2013. – №2. – С.165-169; Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2012. – Vol.13. – №4 (Fall 2012). – P.861-875.

⁴³¹ Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. – Екатеринбург-Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. – С. 428.

тие в выработке такой стратегии и тактики, являлся барон (впоследствии – граф) И.А. Игельстром.

Целью настоящей статьи является контент-анализ протоколов Государственного совета, посвященных донесениям И.А. Игельстрому по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи в период с 1787 по 1790 гг. Для достижения этой цели потребуются решить следующие задачи: прояснить исторический контекст донесений Игельстрому в Петербург в 1787-1790 гг.; охарактеризовать источниковую базу исследования и обосновать используемый по отношению к ней метод анализа; провести контент-анализ донесений Игельстрому по хронологическому и тематическому критериям; выяснить реакцию правительства на предлагаемые Игельстромом решения.

Реформа Игельстрорма

Лифляндский дворянин Осип (Иосиф) Андреевич (Отто Генрих) Игельстром находился на русской службе с 1756 г., дослужился до чина генерала от инфантерии на военной службе, был удостоен высшего ордена империи – Святого Андрея Первозванного⁴³². Являлся симбирским и уфимским генерал-губернатором в 1784-1790 гг. и оренбургским военным губернатором в 1796-1798 гг. Именно с именем этого человека в науке связывается первая после присоединения Младшего жуза попытка реорганизовать управление «казахами Оренбургского ведомства». В общем и целом она заключалась в ликвидации ханской власти и замене ее на султанскую, что должно было открыть путь для распространения общегубернских административных учреждений в киргизской степи. Реформа барона Игельстрорма хорошо известна историкам, поэтому лишь вкратце восстановим ее хронологию.

В середине 1785 года И.А. Игельстром разослал по всей Малой орде воззвания к старшинам, биям и другим влиятельным лицам, в котором предлагал им, оставив грабежи и нападения, сойтись для всеобщего соглашения жить в мире между собой и в покорности России и для обсуждения важнейших народных дел. Собрание состоялось в том же году осенью под председательством батыра Сарыма Датова. Яростный противник ханской власти, Сарым убедил народных представителей в бесполезности дальнейшего существования ханов в Орде и предложил при-

---

⁴³² Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. – Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1999. – С.115-127.

нести присягу на верность русской царице. Собрание приняло предложение Сарыма и, присягнув на верность России, обещало прекратить грабежи и набеги, восстановить порядок, исполнять все повеления русского правительства, но взамен потребовало низложения хана Нурали и уничтожения навечно ханской власти. Хан Нурали был вызван из Орды в Оренбург и отправлен в Уфу вместе с сыновьями в качестве «почетного пленника». Для управления Младшей Ордой были учреждены Оренбургский пограничный суд (открылся в 1786 г.) и 3 расправы (с 1787 г.), каждая из которых возглавила одной из трех административно-территориальных единиц, на которые была разделена степь. Расправы состояли из шести человек – родовых старшин и присланных из Оренбурга чиновников. Позднее появились должности главных старшин, возглавлявших родовые отделения. Низовым звеном в системе управления стали родовые старшины. Дела в расправах должны были рассматриваться по народным обычаям и жалобы на их решения должны были подаваться в Пограничный суд. Такая система работала до 1806 года⁴³³.

Современная историографическая ситуация такова, что решенный в науке вопрос о содержании и ходе названной реформы несколько «затеняет» другую, не менее важную тему – что представляла из себя работа (насколько была сложна, насколько комплексна) по согласованию позиции регионального руководства и Центра в отношении «киргиз-кайсацкой политики» после 1786 года. Определенным вкладом в решение данной проблемы может стать контент-анализ содержания тех реляций, которые Игельстром отправлял на Высочайшее рассмотрение, и реакции на них со стороны правительства.

Источники и методы

Источниковой основой исследования стали протоколы Архива Государственного Совета, часть которых, относящаяся ко времени правления Екатерины II (а именно, за 1768-1796 гг.), была введена в научный оборот около полутора веков назад, в 1869 г.⁴³⁴,

---

⁴³³ Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII – XIX веках. – Казань, 1904. – С. 18; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998 // [электронный ресурс]. Режим доступа <http://kungrad.com/history/biblio/okraini/>

⁴³⁴ Архив Государственного Совета. Т.1. Совет в царствование императрицы Екатерины II. 1768-1796 гг. Ч.2. Отделение юридическое. – СПб., 1869. – 932с.

усилиями Второго отделения императорской канцелярии. С тех пор протоколы не переиздавались и на сегодняшний день являются фактически «забытым источником», представляющим огромную библиографическую редкость. Невнимание историков к этому источнику, которое можно констатировать, во многом связано с избранной дореволюционными публикаторами структуризацией архива, в рамках которой донесения Игельстрома почему-то попали в «юридическое отделение» сборника⁴³⁵. Это способствовало тому, что данный комплекс документов фактически оказался вне внимания исследователей. Между тем, речь идет об уникальных документах. Каждый протокол представляет собой, во-первых, подробное (зачастую – дословное) изложение донесений симбирского и уфимского генерал-губернатора И.А. Игельстрома; во-вторых, мнение (решение) Государственного совета, одобренное императрицей Екатериной II. Ценность протоколов синергетически повышается, если рассматривать весь комплекс источников в целом. Тогда к нему становится применимым метод контент-анализа.

Суть данного метода состоит в том, что, исходя из исследовательской задачи, в изучаемом источнике выделяется набор признаков, характеризующих строение документа и, следовательно, породившей его государственной системы. С этой целью текст расчленяется на отдельные смысловые единицы. Затем подсчитывается частота употребления каждой из таких единиц, определяется роль и место их в тексте, устанавливается степень близости и различий между ними. Далее, в целях выделения наиболее общего и типичного в изучаемых явлениях, вся совокупность единиц подвергается категориальному синтезу, то есть на их основе формируется система наиболее общих, ключевых категорий, содержательная интерпретация которых и составляет заключительный этап анализа⁴³⁶. Контент-анализ, изучая структуру текста, выгодно отличается от традиционных способов его исследования, которые обычно обращают преимущественное внимание на резолютивную (выводную) часть документа в ущерб другим компонентам содержания. Это связано с особенностями человеческой психики, которая не может удержать в зоне своего внимания

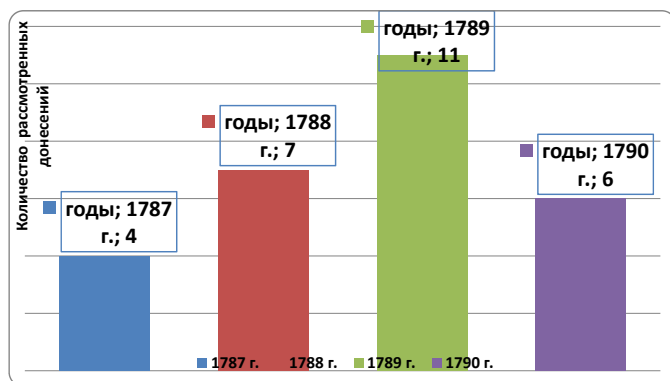
⁴³⁵ Там же. С.806-852.

⁴³⁶ Методология истории. – Минск: Изд-во ГЭНИ, 1996. – С. 202-203.

большое количество данных одновременно, если они не формализованы до определенного уровня. Нужный уровень формализации обычно характерен для резолютивной части документа, а не для описательно-констатирующей. Контент-анализ позволяет избежать иллюстративного подхода к источнику и учесть максимально большое количество элементов текста, причем результаты анализа становятся воспроизводимыми, то есть могут быть проверены другими исследователями.

Результаты контент-анализа

За период с 27 сентября 1787 г. по 10 января 1790 г. Государственный совет рассматривал реляции И.А. Игельстрома (общим числом 28) на девятнадцати своих заседаниях. Динамика этого процесса представлена на рис. 1.

Рисунок 1 – Распределение донесений И.А. Игельстрома, рассмотренных в Государственном совете в 1787-1790 гг., по годам

Из рисунка видно, что количество генерал-губернаторских донесений в Центр неуклонно увеличивалось (напомним, что применительно к 1790 г. на рисунке отображен только январь). Это может свидетельствовать как о росте инициатив со стороны Игельстрома, так и о его желании согласовывать основные свои действия с руководством империи.

Средняя плотность рассмотрения реляций Игельстрома в Государственном совете оставляла 1,47, то есть около полуто-

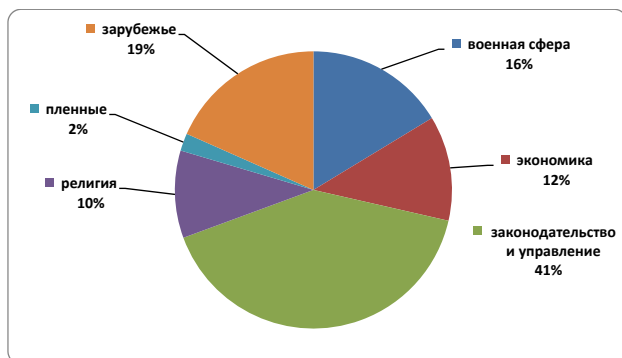
ра документов за одно заседание. Однако в разные периоды она колебалась: от коэффициента 1,17-1,33 в первые три рассматриваемых года до коэффициента 3 в 1790 г. Эта характеристика иллюстрирует желание руководства Госсовета перейти от рассмотрения реляций генерал-губернатора в режиме «внести в Совет сразу после поступления» к рассмотрению в режиме «внести в Совет после накопления определенного количества аналогичных вопросов». Ситуацию возможно интерпретировать как постепенное перемещение «казахского вопроса» на периферию внимания правительства.

Тематика посылаемых Игельстромом в Государственный совет обращений являлась разнообразной. В количественном плане их было 49. Можно выделить шесть больших тем, которые затрагивались генерал-губернатором применительно к казахской степи: военная сфера, экономика, сфера административного законодательства и управления, религия, проблема пленных, отношения с зарубежными странами. Их соотношение между собой показано на рис. 2.

Из рисунка видно, что основной группой вопросов, выносившихся Игельстромом на рассмотрение, являлась именно внутренняя жизнь казахских племен, а не пограничное положение края как таковое. Этому сюжету было посвящен 81% реляций генерал-губернатора, или 40 из 49.

Такой, казалось бы, болезненной теме, как угон русских поданных в плен для последующей продажи в рабство, было уделено всего 2% обращений. Религиозной жизни казахов (главным образом, кадровому составу мулл) посвящалась десятая часть всех реляций Игельстрорма. Экономическому взаимодействию с казахской степью – только 12% донесений. Даже военная сфера (перемещение и усиление гарнизонов в степи и т.п.) отразилась не более чем в 16% реляций. Разнообразные вопросы внутреннего устройства края (применительно к казахской его части) рассматривались в первую очередь в контексте налаживания административного законодательства и управления степью (41%).

Полученные данные показывают, что и после формального завершения мероприятий 1786 года, известных как «реформа Игельстрорма», именно ее «настройка» и оптимизация являлась главным направлением политики Оренбурга в отношении казахской степи в последующие три года.

Рисунок 2 – Распределение донесений И.А. Игельстрома, рассмотренных в Государственном совете в 1787-1790 гг., по темам

Что же касается международной составляющей обращений Игельстрома, то абсолютное большинство из них (6 из 7) было связано с обсуждением враждебных действий Османской империи в регионе, что вполне ожидаемо в условиях протекавшей русско-турецкой войны.

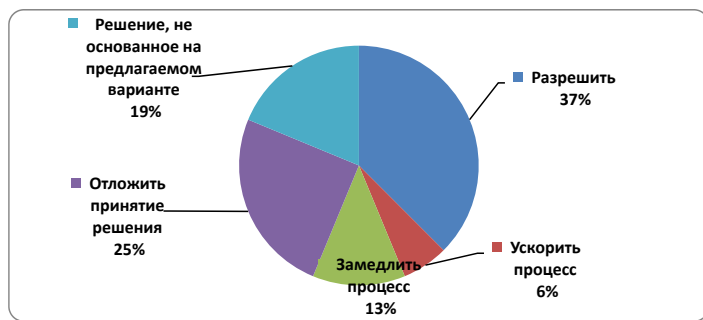
Итогом рассмотрения поступивших из Оренбурга в Государственный совет бумаг стало принятие 16 конкретных комплексных решений. Как они соответствовали предложениям самого Игельстрома? Это отражено на рис. 3.

Из рисунка видно, что более чем в трети всех случаев Государственный совет полностью одобрил предлагаемые Игельстромом проекты решений. Однако почти в половине случаев (44%) правительство корректировало инициативы Оренбурга: либо откладывало принятие решения до выяснения других обстоятельств дела (в 25% случаев), либо давало распоряжения замедлить скорость реализуемых Игельстромом решений (в 13% случаев), либо, гораздо реже, ускорить ее (в 6% случаев). Пятая часть принимаемых Госсоветом решений вообще не была связана с предложениями генерал-губернатора (19%).

Заключение

Таким образом, можно констатировать серьезное внимание Центра к предложениям Оренбурга и критическое, вдумчивое

отношение к инициативам региональной власти. Рассмотренная картина позволяет с достаточно большой долей осторожности говорить о наличии автономной от Центра региональной политики в отношении казахских земель. Однако говорить о формировании элементов такой политики в годы правления барона Игельстрома Оренбургским краем можно, поскольку более половины принятых в Петербурге решений (56%) были основаны именно на предложениях последнего.

Рисунок 3 – Характер решений, принятых Государственным советом по итогам рассмотрения донесений И.А. Игельстрома в 1787-1790 гг.

Итак, контент-анализ протоколов Государственного совета, посвященных донесениям симбирского и уфимского генерал-губернатора И.А. Игельстрома «по Оренбургской пограничной линии» в период с 1787 по 1790 гг., позволяет утверждать, что процесс согласования Оренбургом с Центром своих решений в отношении казахских подданных последовательно нарастал. Проведенная реформа 1786 года заставила Оренбург последующее трехлетие посвятить главным образом деталями реализации данной реформы в казахской степи. Петербург, поощряя инициативу местной власти, тем не менее жестко корректировал ее курс в угодном себе ключе.

Административная политика России в Казахской степи: от реформ О.А. Игельстрема к реформам М.М. Сперанского

Историография рассматриваемого периода распадается на три этапа. Первый, историография Нового времени, ограничивается концом XVIII – началом XX вв. В это время появились ставшие уже классическими работы И.Г. Андреева, Я.П. Гавердовского и А.И. Левшина⁴³⁷. В них дается описание хозяйственно-экономической и этнополитической ситуации в Казахской степи, показан характер взаимоотношений казахов Среднего и Младшего жузов⁴³⁸ с российской администрацией, объясняются причины и последствия административных реформ. Среди работ этого времени особое место занимает труд Л.Л. Мейера⁴³⁹, в котором автор дает оценку политике Российской империи в Степи, деятельности наиболее значимых казахских и российских акторов. Несмотря на определенный субъективизм, весьма ценной, в первую очередь благодаря значительному охвату источников, представляется работа А.И. Добросмыслова, часть которой посвящена рассматриваемому в настоящей статье периоду⁴⁴⁰. Указанные работы стали фундаментом для дальнейшего изучения российской политики в Казахской степи. Их авторы, несмотря на то, что придавали в этом вопросе слишком высокое значение субъективным факто-

---

⁴³⁷ Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / И.Г. Андреев. – Алматы: Гылым, 1998; Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи [части 1-я и 2-я] // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 155–495; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих и киргиз-кайсацкой орд и степей. – Алматы: Санат, 1996.

⁴³⁸ В тексте статьи, когда речь идет о политических мероприятиях царского правительства и излагается содержание документов российской администрации, казахские жузы именуются ордами, как это было принято в законодательстве и официальной практике Российской империи XVIII–XIX вв. При описании конкретных территорий и политических объединений казахских родов используется термин «жуз».

⁴³⁹ Мейер Л.Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь оренбургского ведомства / Л.Л. Мейер. – СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865.

⁴⁴⁰ Добросмыслов И.А. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 16. – Оренбург: Типо-лит. Тургайского областного правления, 1901. – С. 125–272.

рам, обозначили реформы О.А. Игельстрома как начало нового периода российско-казахского взаимодействия.

На советскую эпоху пришелся второй этап историографии рассматриваемого периода. Несмотря на то, что в это время основной акцент делался на общественные движения и народные восстания, работы М.П. Вяткина, Е.Б. Бекмаханова, Н.Е. Бекмахановой и других ученых содержат информацию и анализ российской политики в Казахской степи вообще⁴⁴¹. А в 1960-е – 1980-е годы увидели свет работы, посвященные исследованию российско-казахским политическим отношениям в XVIII и XIX столетиях⁴⁴².

Новый этап историографии Казахстана в целом, и рассматриваемого в статье периода, открыл вышедший в 2000 г. и переизданный в 2010 г. третий том академического пятитомника «История Казахстана с древнейших времен до наших дней», который дал весьма жесткую характеристику и процессу присоединения казахских земель России, и политике империи в регионе вообще.⁴⁴³ В это же время были опубликованы исследования И.В. Ерофеевой, Б.М. Абдрахмановой, Ж.М. Джампеисовой, К.К. Абуева, А. Кузембайулы и пр. В них рассматриваются различные аспекты имперской пограничной и региональной политики в Казахской степи, делается анализ российско-казахских отношений в XVIII – первой половине XIX в.⁴⁴⁴

---

⁴⁴¹ Вяткин М.П. Батыр Срым / М.П. Вяткин. – М.; – Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1947; История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней) // под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. – Алма-Ата, 1943; Бекмаханова Н. Е. Легенда о Невидимке (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773–1775 годах) / Н.Е. Бекмаханова. – Алма-Ата: Казахстан, 1968 и др.

⁴⁴² Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков / С.З. Зиманов. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960; Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках / С.Е. Толыбеков. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959; Казахстан в составе России в XVIII – начале XX веков / Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин. – Алма-Ата: Наука, 1981 и др.

⁴⁴³ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). – Алматы: Атамұра, 2010. – С. 18, 22 и др. (2-е изд. Там же, 2010.)

⁴⁴⁴ Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик / И.В. Ерофеева. – Алматы: Санат, 1999 и др.; Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке Б.М. Абдрахманова. – Астана: Пресс, 1998; Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи / Ж.М. Джампеисова. – Астана, 2006; Абуев К. Хан Абылай и его время / К. Абуев. – Астана: Елорда, 2006; Кузембайулы А. Теоретические проблемы изучения политических процессов в Казахстане XVIII – XIX вв. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2007 и др.

Среди работ последних лет, в которых нашли отражение отдельные аспекты политики Российской империи в регионе, следует назвать труды Г.Б. Избасаровой и Г.С. Султангалиевой⁴⁴⁵, в которых не только рассматривается история башкиро-казахских этнокультурных контактов XVIII и XIX вв., но делается на это на достаточно широком фоне региональной политики. Чрезвычайно важный пласт современного исторического знания о Казахстане периода Российской империи формируется последними работами Г.С. Султангалиевой и ее коллег, посвященными истории формирования и функционирования новой для местной социокультурной среды группы – казахского чиновничества на российской службе⁴⁴⁶. Сложно понять место имперского периода в истории Казахстана, не зная тех людей, которые осуществляли государственную политику России (или противодействовали ее реализации) на всех уровнях административной вертикали.

Современная историография знает достаточно работ, весьма детально рассматривающих историю и правоприменительную практику сибирских реформ М.М. Сперанского⁴⁴⁷ и отдельные труды, посвященные реформам О.А. Игельстрома⁴⁴⁸ в Малой ор-

---

⁴⁴⁵ Избасарова Г.Б. К вопросу о характере взаимоотношений казахов и башкир в XVIII в. // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона: материалы межрегион. науч. конф. – Уфа, 2001. – С. 118-125; Султангалиева Г.С. Внутренние миграции и взаимодействие народов Западного Казахстана и Южного Урала (XIX–XX вв.) // Там же. С. 1216-134; Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2001.

⁴⁴⁶ Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // Acta Slavica Iaponica. Tomus 27. 2009. – Рр. 77–101; Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербая. – Алматы: Қазақ университеті, 2014.

⁴⁴⁷ Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. – Иркутск: Оттиск, 2003; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX в. / Л.М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983; Ремнев А.В. Административная политика в первой половине XIX в. / А.В. Ремнев. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995; Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев и др. – М.: Новое литературное обозрение. 2007 и др.

⁴⁴⁸ Воропанов В.А. Судебные реформы в Младшем казахском жузе в последней четверти XVIII – начале XIX в. в контексте международных отношений // Вестник Челябинского университета. Серия 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003. – № 1 (2). – С. 139-158; Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельстрома в кон-

де. При этом вне зоны специальных исследований (в контексте административной политики) остается довольно значительный исторический промежуток. Может сложиться впечатление, что не до конца продуманная и неудачно реализованные реформы Игельстрома прямолинейно привели к более сбалансированным и масштабным реформам Сперанского. При этом политическая история Казахстана излагается дискретно, оставляя за скобками многочисленные проекты административной организации Степи, разрабатывавшиеся разными людьми на разных бюрократических и социальных уровнях.

Целью настоящей статьи является стремление показать то, как шел процесс реализации реформ 1780-х годов в Младшем жузе, и как под его влиянием менялись взгляды российской администрации на методы управления казахами, откуда возникла идея унификации степной администрации, и почему она не была реализована, как влияли личные взгляды высших чиновников местной российской администрации на направление региональной политики империи.

Исходя из этого формулируются три задачи. Во-первых, проанализировав опубликованные и архивные документы, показать, как реализовывались реформы Игельстрома и политика России в Казахской степи в конце XVIII – начале XIX в. вообще. Что именно вынудило власти менять направление этой политики. Во-вторых, рассмотреть доступные для исследования проекты и предложения по организации управления казахами, сравнить их и объяснить принципиальные различия между ними. В-третьих, обратить внимание на динамику региональной политики в зависимости от изменения общеполитической ситуации в России и личных представлений высших представителей власти о месте казахов в составе большого государства.

Реализация реформ О.А. Игельстрома в степи оренбургского ведомства

В 1786–1787 гг. начала функционировать новая модель управления казахским населением, разработанная при самом активном участии генерал-губернатора О.А. Игельстрома⁴⁴⁹. Малая орда

тексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы) / Н.С. Лапин. – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2012.

⁴⁴⁹ Подробнее о разработке и реализации реформ О.А. Игельстрома, а также о динамике российского законодательства в регионе см.: Васильев Д.В. Россия и

в административном отношении была поделена на три главных рода (алимулинский, байулинский и семиродский). В каждом из трех главных родов генерал-губернатор утвердил в должностях избранных главных старшин и родовых старшин (или родоначальников) в более мелких родах, их составляющих; привел их к присяге на Коране, установил жалованье⁴⁵⁰. Иными словами, обратил традицию в должность. Генерал-губернатор был убежден, что новые чиновники «...мысль чтоб иметь в орде хана совсем уничтожат <...> в народе»⁴⁵¹. В каждом из трех родов учреждались расправы для разбора уголовных и гражданских дел между казахами, состоявшие из трех избираемых судей, утверждавшихся генерал-губернатором. Апелляционной инстанцией для всех расправ был Оренбургский пограничный суд.

Интересно, что барон Игельстром в своем служебном рвении, чувствуя «...кажущуюся готовность их [казахов – ДВ] принять в Орде всякое учреждение...»⁴⁵², самовольно вышел за пределы указанных ему императрицей полномочий Пограничного суда. В соответствии с утвержденными им правилами деятельности расправ, они превращались не только в судебный, но в полицейский и административный орган, ответственный за исполнение на территории всего рода распоряжений вышестоящего имперского начальства⁴⁵³.

Однако российская власть вынуждена была по-прежнему балансировать между собственными практическими административными нуждами и социальной ситуацией в казахской среде. Беспокойство вызывали ханы и султаны, потерявшие власть в

Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века / Д.В. Васильев. – М.: Политическая энциклопедия, 2014.

⁴⁵⁰ 1787 г. октября 23. Объявление О.А. Игельстрема казахам Алимулинского рода о назначении главных старшин и их обязанностях // Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. I / Сост. М.Г. Масевич. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. – С. 74.

⁴⁵¹ Письмо О.А. Игельстрема Екатерине II о преобразованиях в Малой орде. 9 ноября 1787 г. // Там же. С. 78.

⁴⁵² 1786 г. мая 10. Донесение бар. О.А. Игельстрема имп. Екатерине II об организации так называемых расправ и должности старшин в каждом из 32-х «поколений» // Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.). Т. IV. / Отв. ред. М.П. Вяткин. – М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – С. 71.

⁴⁵³ 1787 г. Правила для наблюдения и исполнения расправе, учрежденной киргиз-кайсацкой Меньшей орды в байулинском роде // Материалы по истории политического строя. С. 76-77.

новых условиях. Тот же О.А. Игельстром в письме Екатерине II утверждал: несмотря на то, «...что весь народ и старшины его находятся в едином согласии и что добровольно и с особливим удовольствием приняли в орде сии новые учреждения, выбрав к должностям самых лучших знаменитейших и достойнейших людей, <...> необходимо нужным почитаю избрать и открыть такую <...> дорогу [для потомков Абулхаир-хана и Нурали – ДВ], по которой могли бы они происходить в чины, исправлять свое состояние [материальное положение – ДВ] и сделаться через то приверженными и преданными...» империи⁴⁵⁴. Это предложение было с пониманием встречено и поддержано Петербургом⁴⁵⁵.

Тем не менее, несмотря на все старания и увеличение числа расправ до пяти, они в 1803 г. были признаны не только не нужными, но никогда на самом деле не работавшими. И через год прекратили свое существование⁴⁵⁶. Таким же неэффективным оказался и ханский совет.

В самом конце XVIII столетия правительство вернулось к идее создания пограничного суда для казахов Средней орды. 18 марта 1800 г. было принято решение учредить такой суд в Петропавловской крепости по аналогии с оренбургским, а в Семипалатинской крепости – особое присутствие этого суда для разбора дел между казахами, кочующими близ Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей⁴⁵⁷.

В начале 1790 г. из степи стали доходить известия о новом подъеме антироссийских волнений во главе с батыром Сырымом Датовым⁴⁵⁸. В течение зимы бывший союзник российского правительства превратился в его открытого неприятеля, готовя на-

---

⁴⁵⁴ 1787 г. ноября 9. Письмо О.А. Игельстрёма Екатерине II об отношении ханов и султанов Малой орды к новым учреждениям – расправам и пограничному суду // Там же. С. 80.

⁴⁵⁵ См.: 1797 г. декабря 7. Об учреждении в Киргиз-Кайсацкой орде трех расправ // ПСЗРИ-I. Т. XXII. № 16592. – С. 950-951.

⁴⁵⁶ См.: 1804 г. июля 19. О штатах Оренбургской, Подольской и Волынской губерний // ПСЗРИ-I. Т. XLIV. Ч. II. № 21404. – С. 40-42.

⁴⁵⁷ 1800 г. марта 18. О штатах чинам для учреждения пограничного Суда в Петропавловской крепости // ПСЗРИ-I. Т. XXVI. № 19332. – С. 84-86.

⁴⁵⁸ См.: 1790 г. не позднее февраля 4. Письмо муллы Абдул-Керима Уразбаева правителю Кавказского наместничества С.А. Брянчанинову о начавшемся движении казахов против царского правительства // Материалы по истории по истории Казахской ССР. С. 129 и др.

падение на пограничные территории с помощью бухарцев.⁴⁵⁹ Как ни странно, но именно в Астрахани, а не в Оренбурге впервые распознали, «...что он показывал себя по своим интересам на обе стороны, соглашаясь со обстоятельствами, устранителем спокойствия». Командир Астраханского казачьего полка сообщал в столицу, что пресытившись его интригами, знатные казахи стали высказываться в поддержку ханской власти⁴⁶⁰.

Вскоре после смерти в Уфе хана Нуралы (1790) императрица повелела провести выборы нового хана, предоставив казахам в этом полную свободу в соответствии с традицией⁴⁶¹. Однако, извещая о том султана Ералы, она подчеркнула: «И ежели по такому общему избранию всего верноподданного нам киргизского народа падет жребий на Вас, как на человека сея верховныя степени достойнаго и толь близким родством с покойным ханом сопряженного, то мы оное благо примем, ведая Вашу к нам подданническую верность и ревность к общему добру и спокойствию»⁴⁶². Очевидно, что, несмотря на имевшие место прежде заигрывания с оппозиционером Сырымом Датовым, российское правительство следовало идее превращения ханского звания в наследственное, а процедуры избрания хана – в процесс в большей степени подконтрольный имперским властям. Вполне закономерно, что политика стравливания различных казахских группировок не могла привести Малую орду в умиротворение. Естественно, что избрание Ералы ханом не могло удовлетворить Сырыма Датова, который заявил императрице протест, подчеркнув, что Ералы был избран на ханство далеко «...не по согласию всех Меньшей роды биев, а только с соизволения немногих». Мало того, он угрожал в случае невнимания к его заявлению начать вооруженные

---

⁴⁵⁹ 1790 г. марта 30. Письмо командира Астраханского казачьего полка Г.В. Персидского из Астрахани президенту Комм.-колл. гр. Г.В. Воронцову о восстании казахов под предводительством родственников батыра Сырма // Там же. С. 131-132.

⁴⁶⁰ 1790 г. февраля 4. Письмо командира Астраханского казачьего полка Г.В. Персидского из слободы Татарской президенту Комм.-колл. гр. Г.В. Воронцову о падении влияния батыра Сырма в «черном народе» и о желании «лучших людей» восстановить ханскую власть // Там же. С. 130.

⁴⁶¹ 1791 г. января 29. Грамота имп. Екатерины II султанам, биям, батырам, старшинам и всему казахскому населению Младшего жуза по поводу «избрания» нового хана // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов) / Ред. кол. М.О. Джангалин, Ф.Н. Киреев, В.Ф. Шахматов. – Алма-Ата: Наука, 1964. – С. 134.

⁴⁶² 1791 г. января 29. Грамота имп. Екатерины II султану Ералы // Там же. С. 133.

действия против сторонников новоизбранного хана⁴⁶³. Противясь избранию Ералы, Сырым припоминал прежние соглашения с губернатором Игельстромом, согласно которым российские власти отказывались поддерживать избрание ханом кого-либо из потомков Абулхаира, и просил разрешить избрать ханом того, кого соратники Сырыма посчитают достойным⁴⁶⁴. Поначалу Сырым со своими сторонниками считал возможным найти компромисс с российской властью. Ссылаясь на преклонный возраст и нежелание Ералы кочевать в центре Малой орды, они изъявили желание избрать ханом сына Нуралы Джалтыр-султана (т.е. прямого потомка Абулхаира) и получить на то высочайшее утверждение. В противном же случае считали возможным обойтись в этом вопросе без участия имперской власти⁴⁶⁵. Однако, не получив удовлетворения, Датов со своими сторонниками провозгласил ханом младшего сына Нуралы султана Исянтая, который должен был официально возглавить антироссийское движение в Степи⁴⁶⁶.

Видя, что Сырым Датов готовится к широкомасштабным антироссийским военным действиям, генерал-губернатор А.А. Пеутлинг (1792–1794) просил императрицу прислать секретное предписание о захвате главного мятежника⁴⁶⁷. В то же время сам Сырым, считая, что главный начальник края действует исключительно самостоятельно, скрывая от государыни истинное положение вещей на границе, гневно заявлял генерал-губернатору, что его сторонники, вопреки утверждению ханом Ералы, возвели в ханское достоинства сына хана Нуралы Исянтая (Исянгалия). И хотя в самодетельности генерал-губернатора Сырым явно ошибался, в одном он был совершенно прав: «...точной ваш обман и ухищрении

---

⁴⁶³ Не ранее 1791 г. Письмо батыра Сырыма Датова и др. в Оренбургскую пограничных дел экспедицию по поводу избрания султана Ералы ханом // Там же. С. 135.

⁴⁶⁴ 1792 г. июня 10. Представление старшин Младшего жуза Сырыма Датова и др. в Оренбургскую пограничных дел экспедицию с протестом против избрания султана Ералы ханом // Там же. С. 137. (В тексте указано: «...кого мы за достойного признаем»). Возможно здесь неточный перевод и под «мы» следует понимать не только подписавших обращение казахов старшин, но и все население Малой орды).

⁴⁶⁵ Не позднее 1792 г. Запись показаний муллы Х. Абдусаламова о борьбе батыра Сырыма Датова и др. против избрания в ханы султана Ералы // Там же. С. 138-139.

⁴⁶⁶ 1792 г. сентября 7. Рапорт симбирского и уфимского наместника А. Пеутлинга имп. Екатерине II о намерениях батыра Сырыма Датова // Там же. С. 137-138.

⁴⁶⁷ 1792 г. марта 3. Донесение ген.-губ-ра Симбирского и Уфимского наместничества А.А. Пеутлинга имп. Екатерине II // Материалы по истории Казахской ССР. С. 137-138.

видны, что вы нас оными хотите довести так же, как нагайцов и башкирцов: поспешить обуздать и наложить службу, а детей наших сделать солдатами и употреблять в походы и разные тягости хотите на нас возложить»⁴⁶⁸. В сентябре 1792 г. Сырым Датов объявил соседям, что находится в состоянии войны с Россией⁴⁶⁹ и перешел к масштабным и организованным военным действиям, к которым присоединилось значительное число казахов, недовольных жесткими действиями пограничной администрации, зачастую поддерживаемыми ханом Ералы и султаном Айшуаком.

В самом начале 1794 г. большая группа старшин Младшего жуза обратилась к Екатерине II с протестом на действия имперских властей. Они выражали недовольство тем, что не были допущены к избранию ханом Ералы, в результате чего во главе орды встал старый, больной, выживший из ума человек, не способный решать вопросы казахско-российских взаимоотношений. Жаловались на то, что в отличие от башкир, мишарей, тептярей, черемисов, чувашей, калмыков и черкесов они были лишены права самостоятельно избрать себе правителя, что, невзирая на их просьбы, количество расправ в Малой орде не было увеличено. Обвиняли в своей вынужденной барымте бездеятельность царской администрации, ее глухость к интересам казахов, а также соединение нерадивых российских начальников с сыновьями Абулхаира, которые превратились в настоящих грабителей казахского народа⁴⁷⁰.

Секунд-майор российской службы султан Сергазы весной того же года встречался в орде с батыром Сырымом и его сторонниками. Ему удалось убедиться в том, что казахские старшины желают оставаться в российском подданстве и что главной причиной волнений в Степи является их недовольство злоупотреблениями и жесткой политикой пограничной администрации, исключаяющей, по их мнению, уважение местных традиций и достоинства казахс-

---

⁴⁶⁸ 1792 г. не позднее сентября 11. Письмо батыра Сырма и казахских старшин ген.-губ-ру Симбирского и Уфимского наместничества А.А. Пеутлингу с обвинением царского правительства в действиях, направленных к разорению и закрепощению казахов // Там же. С. 138-139.

⁴⁶⁹ 1792 г. не позднее сентября 14. Обращение батыра Сырма и биев к ногайским, бухарским и хивинским купцам с предложением не выезжать в казахскую степь по случаю войны казахов с Россией // Там же. С. 139-140.

⁴⁷⁰ 1794 г. января 4. Прошение султанов и старшин имп. Екатерине II о назначении нового хана, с жалобой на грабежи казахов старшиной Уральского казачьего войска и султанами, приверженными хану Ер-Али // Там же. С. 166-169.

кой знати⁴⁷¹. И сам Сергазы признавал, что единственным способом умиротворить Степь было бы независимое от местного начальства расследование фактов нанесения казахам разного рода убытков со стороны пограничной администрации и соответствующее возмещение потерь. Иными словами, представитель казахской знати на российской службе фактически призывал к замене пограничного начальства и смене политического курса в Степи⁴⁷².

На сей раз просьбы казахских старшин были приняты во внимание исполняющим обязанности симбирского и уфимского генерал-губернатора. А позднее командующим Оренбургским корпусом и оренбургским военным губернатором был назначен Сергей Кузьмич Вязмитинов (1794-1796) будущий первый военный министр России, петербургский военный генерал-губернатор и председатель Комитета министров Российской империи. Следует признать, что новый главный начальник края, еще в пути к месту службы принял решение, которое характеризует изменение политического курса, своего рода возврат к принципам Игельстрёма. Он получил рапорт уфимского вице-губернатора князя И.М. Баратаева, в котором тот, невзирая на отрицательное мнение Пограничной комиссии, основанное на императорском повелении от 27 декабря 1782 г., поддерживал ходатайство ханского совета Малой орды о разрешении казахам в зимнее время перегонять скот на внутреннюю сторону р. Урала⁴⁷³. Не дожидаясь высочайшего разрешения этого вопроса, новый главный начальник края согласился с Баратаевым⁴⁷⁴.

Ералы скончался в 1794 г., а в 1795 г. ханом был избран сын Нуралы Есим. Потерявший значительное число сторонников и

---

⁴⁷¹ См.: 1794 г. марта 15. Письмо султана Шир-Газы Каип улы гр. П.А. Зубову, содержащее отчет о поездке в Орду для переговоров с батыром Срымом и султанами, приверженными султану Абул-Газизу // Там же. С. 175-180.

⁴⁷² 1794 г. мая... Письмо султана Шир-Газы Каип улы гр. П.А. Зубову о необходимости пресечь насилия над казахами, чтобы прекратить движение в Орде против русских // Там же. С. 181.

⁴⁷³ 1794 г. ноября 29. Рапорт уфимского вице-губ-ра к Н. И.М. Баратаева ген.-губ-ру Симбирского и Уфимского наместничества С.К. Вязмитинову о целесообразности временно разрешить казахам перегонять скот на правый берег р. Урала, между Инберской крепостью и Каленовским форпостом // Там же. С. 182-184.

⁴⁷⁴ 1794 г. декабря 29. «Ордер», выданный в Москве ген.-губ-ром Симбирского и Уфимского наместничества С.К. Вязмитиновым уфимскому вице-губ-ру, кн. И.М. Баратаеву, о разрешении казахам перегонять скот на правый берег р. Урала в зимнее время // Там же. С. 185.

отошедший вглубь от пограничной линии батыр Сырым Датов изъявил желание примириться с новоизбранным по высочайшему повелению ханом⁴⁷⁵, что было весьма необходимо империи для утверждения мира и порядка в Малой орде. Однако, по всей видимости, Сырым не терял надежды вновь, как это уже было с Нуралы, низвергнув хана стать лидером в Младшем жузе. Прикрываясь мнимым миролюбием, мятежный батыр (и главный старшина) не только готовился к новым нападениям на российскую границу. Но один из верных ему отрядов убил хана Есима 27 марта 1797 г. и разграбил его ставку⁴⁷⁶. Это трагическое событие фактически означало окончание активного сопротивления Сырыма Датова, вынужденного откочевать за пределы Малой орды.

После смерти Есима барон Игельстром учредил ханский совет (с правами ханской власти), намереваясь таким образом отказаться от избрания нового хана. Однако новый орган не пользовался популярностью у казахской знати. Ко всему прочему, в это время в Младшем жузе начали набирать силу сторонники сохранения ханского звания. Поэтому правительство решило назначить ханом престарелого сына Абулхаира Айшуака. При этом совет был не уничтожен, а сохранен при новом хане.

Примерно в то же время беспокойной была обстановка и в подведомственном России Среднем жузе. События в ней развивались по близкому сценарию. И здесь подданные высказывали недовольство местным ханом Уали, обвиняя правителя в поощрении междоусобной барымты, грабежей, несправедливости и слабости правления, сопровождавшегося мздоимством и корыстолюбием хана. Возмущенные старшины просили освободить их от такой власти, приняв их под непосредственное российское управление⁴⁷⁷. Сибирское пограничное начальство выражало согласие с мнением среднеордынских султанов и старшин о личной выгоде, которую извлекал хан Уали из поощряемых им разбоев и грабежей. Командующий войсками и управляющий Сибирским краем

---

⁴⁷⁵ 1796 г. сентября 16. Донесение оренбургского военного губ-ра С.К. Вязмитинова имп. Екатерине II о намерении батыра Сырыма примириться с ханом Ишимом через посредство ханши Урун // Там же. С. 187-188.

⁴⁷⁶ 1797 г. марта 31. Рапорт войскового атамана Уральского казачьего войска Д.Донкова президенту Военной коллегии гр. Н.И. Салтыкову // Там же. С. 189-190.

⁴⁷⁷ 1794 г. декабря 27. Жалоба старшин Среднего жуза имп. Екатерине II на хана Валя // Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках. – С. 139-140.

генерал-поручик Густав-Эрнст Штрاندман (1789-1800) видел в обращении представителей элиты Среднего жуза следующие выгоды для империи: во-первых, расширение «без малейшего насилия» территории империи за счет присоединения «новой богатой стороны»; во-вторых, обеспечение безопасности торговых караванов за счет максимального приближения границ России к ташкентским и бухарским владениям; в-третьих, развитие на этих землях столь необходимого для империи хлебопашества и скотоводства, что должно было явиться следствием полного умиротворения края⁴⁷⁸. Следует заметить, что источники свидетельствуют о фактах разрешения казахам перехода на внутреннюю сторону р. Иртыша с целью закрепления их в российском подданстве⁴⁷⁹.

Проекты реформ управления в Казахской степи конца XVIII века

В 1795 г. служивший на Ишимской и Тобольской линиях генерал-майор Я.В. Боувер предложил план реорганизации внутренней жизни Среднего жуза, значительная часть которого касалась управления казахами. В частности он предлагал учредить в орде два суда с участием представителей как российской, так и местной стороны. Главный суд, ведению которого полагалось отнести решение всех дел, он считал целесообразным разместить на пограничной линии в крепости Святого Петра (позднее – Петропавловск). Второй учредить при ставке хана Уали в степи. Он должен был разбирать обстоятельства споров между торговыми людьми и местными жителями, по возможности решать их или представлять результаты своего разбирательства на решение главного суда. Территорию Средней орды Я. Боувер считал необходимым разделить на волости, а крупные волости – на части, поставив во главе тех и других особых начальников. В волостях полагалось создать волостные словесные суды, непременными заседателями которых должны были стать муллы из числа татар, назначавшиеся к службе при мечетях российской администрацией. Для каждого султана, старшины и бия, как считал российский генерал-майор, следовало построить хутора с загонами для ско-

---

⁴⁷⁸ 1795 г. февраля 1. Рапорт генерал-поручика Штрандмана графу П. Зубову по поводу жалобы старшин Среднего жуза на хана Валия // Там же. – С. 141-142.

⁴⁷⁹ См.: 1798 г. июля 23. Письмо имп. Павла I генерал-майору Горчакову об отводе земель казахам Среднего жуза, переходящим в российское подданство // Там же. – С. 148.

та, «...а для зимняго пребывания в каждой волости – собственно для них дома и при оных мечети и кладбищи». Главной же мерой стимулирования казахов к оседлости признавалось их постепенное приобщение к сенокосению и хлебопашеству. Для привлечения казахов к спокойной жизни предлагались и меры гуманитарного характера: учреждение при линейных крепостях больниц и создание в крепости Святого Петра школы для обучения детей русской и татарской грамоте. Преподавание татарской грамоты должно было стать одной из обязанностей волостных мулл. Безопасность в Степи виделась возможной благодаря укреплению через отправку как местных жителей для торговли на линию, так и купцов с товарами не по одиночке, а группами (партиями) во главе с начальниками в первом случае и караванбаши или приставами во втором. Этой же цели предполагалось достигнуть и за счет развития института аманатов. Аманатов полагалось содержать как в крепости Святого Петра, так во всех волостях, через которые будут проходить купеческие караваны⁴⁸⁰.

Предложенная генерал-майором Я. Боувером система управления в Среднем жузе интересна не только тем, что она стала первым проектом создания, по сути своей собственно российской системы управления для этой части Казахской степи. Она продемонстрировала и то обстоятельство, что Средняя орда зачастую не отождествлялась российскими деятелями с Малой ордой. И с конца XVIII века рассматривалась как самобытное административно-территориальное образование, которое должно было иметь уникальную систему управления.

Интересно, что предложения о преобразовании управления казахами поступали не только от дипломатических чиновников, военных и гражданских начальников, но и от лиц, казалось бы непосредственно не связанных с вопросами взаимодействия российской администрации со Степью. В 1801 году оренбургский муфтий Мухаммеджан Хусаинов (Гусейнов)⁴⁸¹ составил проект

---

⁴⁸⁰ 1795 г. апреля 9. Представление генерал-майора Я. Боувера Екатерине II о положении дел в Среднем жузе и о мерах улучшения торговли и развитии оседлости // Там же. – С. 146-148.

⁴⁸¹ С 1785 г. ахун при Оренбургской пограничной комиссии. В том же году назначен первым ахуном края. В 1788-1824 гг. муфтий, председатель Оренбургского магометанского духовного собрания.

преобразования Малой орды⁴⁸². Следует заметить, что муфтий Гусейнов неоднократно бывал в Казахской степи, выполнял там разного рода поручения: участвовал в открытии расправ, командировался в Младший жуз в 1790 г. для умиротворения казахов, чье недовольство было вызвано ужесточением режима с приходом к власти генерал-губернатора А.А. фон Пеутлинга⁴⁸³.

Неустроенность казахов оренбургского ведомства муфтий списывал на фактическое бессилие хана Айшуака, который вопреки всем инструкциям кочевал со своей семьей близ российской границы, утратил связь с ханским советом и отдаленными районами собственной орды. Исходя из этого муфтий считал желательным разделить Малую орду на две части – два главных правления во главе с ханами: одно в составе самого крупного и значимого алимулинского рода, другое в составе байулинского и семиродского. К каждому хану он предлагал определить по султану от каждого рода и по два или по три советника. Кроме того, М. Хусаинов считал необходимым, чтобы местные главные правители из среды наиболее авторитетных и уважаемых в народе людей, без благословения которых итак никакие важнейшие события в орде не происходили, избирали до шести или девяти депутатов, без согласия которых ханы не могли бы принимать сколько-нибудь значимые решения. Этим депутатам полагалось дать особые привилегии и выплачивать жалование. Во вновь создаваемые правления предлагалось также определить в качестве писмоводителей мулл по назначению оренбургского муфтия.

В качестве еще одной меры муфтий считал необходимым отрядить в глубь территории Младшего жуза единоверных казахам полсотни вооруженных российских тептярей во главе с одним начальником. Эти войска должны были выступить аналогом казачьего отряда, направлявшегося в свое время для учреждения судов в Кабарде и наведения там порядка. На командира тептярей предлагалось возложить функции пристава в Малой орде. Действовавшего же хана Айшуака муфтий допускал оставить в покое в нынешнем его месте пребывания вблизи нижнеуральской линии.

---

⁴⁸² План, учиненной относительно устройства киргизкайсацкой Меньшей орды народа // РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1374. Оп. 4. Д. 232. Л. 22-29.

⁴⁸³ См.: Всеподданнейшее доношение муфтия // АВПРИ (Архив внешней политики российской империи). Ф. 122. Оп. 2. 1739-1798. Д. 2. Л. 45-48.

Оренбургский муфтий признавал нецелесообразной выплату жалованья родовым судьям, чиновникам расправ и старшинам. Он был глубоко убежден в том, что на эти посты избирались далеко не самые достойные казахи, не достойные не только жалованья, но и какого-либо уважения вообще. М. Хусаинов полагал, что если главные правления сочтут необходимым вознаградить жалованьем усердие достойного, они вполне смогут исходатайствовать его у соответствующего начальства.

В документе предлагалось строжайше запретить практиковавшуюся между Россией и казахами барымту как провоцировавшую последних на похищения людей и прочий вред, наносимый России. Вместе с этим признавалось необходимым вообще запретить пропуск с российской стороны в степь кого-либо за исключением купечества и торговых людей.

Муфтий Хусаинов признавал, что султаны как проводники имперской политики в Степи не вызывали доверия, а по сему все сношения со степными жителями российской стороне следовало осуществлять непосредственно через ордынских ханов и запретить султанам выдавать разрешения на перекочевку казахов на внутреннюю сторону Яика. Автор документа выражал обеспокоенность тем, что знатные и авторитетные казахи, вне зависимости от важности обстоятельств, а зачастую исходя лишь из собственного корыстолюбия, направляли нарочных к пограничному начальству, не снабдив их достаточным средствами для жизни в Оренбурге. Вынужденные в скором времени вернуться, эти посыльные рассказывали о своих злоключениях, что вызывало «соблазн и великое замешательство» у соплеменников. Поэтому муфтий вновь подтверждал свое мнение о необходимости жесткого ограничения подобных разъездов, отнеся сношения с пограничным начальством к компетенции вновь создаваемых ордынских правлений.

Отдельно оренбургский муфтий остановился на вопросе обеспечения безопасного следования торговых караванов через казахские владения. И предложил брать у тех казахских родов, которые возьмутся конвоировать купцов по степи, аманатов или обязать их поручиться за безопасность торговли. В необходимых случаях он предложил обращаться к российской стороне с просьбой о предоставлении вооруженного конвоя. А тех казахов, которые могли быть уличены в разграблении купеческих караванов,

нов, следовало привлекать к ответственности и взыскивать с них ущерб.

В конце документа муфтий заключил, что подобное устройство было бы целесообразно ввести и у казахов сибирского ведомства для приведения их в «должное и настоящее верноподданничество».

План оренбургского муфтия поступил на рассмотрение в Сенат, откуда в мае 1802 года был направлен оренбургскому военному губернатору Н.Н. Бахметеву (1798-1803), который выступил оппонентом М. Хусаинова, заявив, что не видит смысла в разделении орды, предлагаемом муфтием. По его мнению, гораздо более эффективным средством по приведению казахов в повиновение являлся страх. Утверждая, что предлагаемое реформирование Казахской степи окажется безрезультатным, подобно реформе барона Игельстрома 1787 г., из всего проекта оренбургского муфтия губернатор делал вывод о том, что таким способом Хусаинов хотел неким образом усилить свое влияние в среде казахов, протолкнуть на место хана своего тестя султана Карабая и свести до самой незначительной роли оренбургского пограничного начальства. Относительно предложения о командировании в степь военной команды губернатор решительно высказался, что войска могли стать разменной картой в постоянных междоусобицах казахских старшин и султанов, выступая на стороне одного из них против других, нанося разорение бессильным. Губернатор не смог согласиться с муфтием и в том, что кочевание хана Айшуака близ пограничной линии не будет иметь негативных последствий, вполне основательно полагая, что хан легко станет участником междоусобных интриг. Губернатор не поддержал муфтия и с идеей выплаты жалованья наиболее достойным должностным лицам из казахов. Он счел необходимым сохранить прежнюю практику выплаты вознаграждения за отдельные услуги. Военный губернатор не исключал, что в противном случае ничем не оправданное вознаграждение будет попадать в руки родственников местных правителей. Н.Н. Бахметев не мог согласиться, что в барымте с казахами участвовали и русские жители. Он утверждал, что во взаимной барымте с ними принимали участие башкиры, в первую очередь прилинейные, причем едва ли не главным виновником продолжавшихся распрей признавался бывший оренбургский губернатор И.И. Неплюев, а точнее – проводившийся

им политический курс. Обращаясь к замечаниям М. Хусаинова о том, что даже у него местные султаны не вызывали доверия, губернатор задавался вопросом, каким же доверием будут пользоваться ханы и другие члены правлений, избранные из среды все тех же султанов. И все существовавшие беспорядки в официальных сношениях Казахской степи с Россией оренбургский губернатор относил на счет системного отношения султанов к империи как источнику собственного благоденствия, а не к эпизодическим проявлениям отдельных представителей казахского нобилитета. Что же касается предложения муфтия об организации киргизских караулов и других мер для обеспечения безопасности торговых караванов в степи, губернатор признавал эту меру преждевременной, ибо считал, что сами казахи еще не были готовы к этому, о чем косвенно свидетельствовал и сам Хусаинов. Губернатор поймал муфтия на противоречиях и там, где тот в одном месте заявлял, что казахи алимулинского рода чрезвычайно бедны и с них ничего не возможно взыскать по причиненному ущербу за отгоны скота и т.п., а чуть ниже написал о том, что казахи достаточно богаты, и их природная склонность к взаимопомощи сделает любые возмещения практически незаметными. Н. Бахметев добавил, что муфтий Хусаинов вообще не пользовался ни доверием, ни почтением казахов. А его предложение распространить предлагавшиеся им учреждения на Среднюю орду военный губернатор признал бесполезными⁴⁸⁴.

Рассмотренный выше документ, конечно, нельзя считать проектом полноценного Положения об управлении Малой ордой. Несмотря на то, что он содержит ряд элементов, направленных на реорганизацию оправления в степи, в нем же есть и нерегламентированные замечания, предположения и пожелания, которые не могли стать основой для серьезного законодательного документа. Однако само по себе появление предложений по реорганизации управления Степью из-под пера духовного лица мусульманского вероисповедания свидетельствует о готовности государства на рубеже XVIII–XIX столетий широко обсуждать вопрос как о будущем устройстве юго-восточных окраин российского государства, так и о включении в эту дискуссию высших духовных лиц мусульманского вероисповедания.

---

⁴⁸⁴ Там же.

Надо сказать, что деятельность муфтия в Казахской степи оценивалась по-разному. Так выполнявший в свое время особые поручения оренбургского губернатора по пограничному управлению полковник Д.А. Гранкин сообщал, что муфтий был одним из тех людей, которые вселяли в казахов смуту, убеждая, что от них не требуется истинной преданности российскому трону, что подданство надо использовать лишь с целью извлечения «...единого лакомства, получая великие подарки...» и «...что по закону их, христиан должно обманывать...» Гранкин обращал внимание и на то, что доложенная императрице информация по приведению к присяге всего Младшего жуза была весьма далека от реальности⁴⁸⁵.

Тем не менее, М. Хусаинов предлагал создать внутри Малой орды новую систему управления, отличавшуюся ото всех, имевших место прежде в Казахской степи. Он предлагал разделить орду на два главных правления во главе с ханами. В состав правлений каждой из двух новых частей орды должны были войти по одному султану от каждого из подчиняющихся родов, два-три советника и от шести до девяти депутатов из числа наиболее уважаемых казахов. Без согласия этого правления хан не имел права принимать сколько-нибудь важные решения. Иными словами, при новых условиях, власть хана не только дробилась, но и ограничивалась представителями местной аристократии (султанами и советниками), а также пользующимися доверием людьми, не все из которых могли принадлежать к родовой знати. Обеспечивать же стабильность новой властной системы в степи должен был российский вооруженный отряд.

Среди других важных вопросов, на которых остановился оренбургский муфтий, были мероприятия по привлечению казахов к охране торговых караванов (в том числе через применение института аманатов), ограничение своеволия султанов, запрещение барымты, возмещение казахами ущерба за причиненные ими убытки и т.п.

---

⁴⁸⁵ 1788 г. декабря 13. «Объяснение» полк. Д.А. Гранкина об усилении движения казахов, бесполезности Пограничного суда и расправ, бездействии бар. О.А. Игельстрома и целесообразности раздела Малой орды // Материалы по истории Казахской ССР. – С. 104; 1788 г. декабря 16. Записка Д. Гранкина, представленная князю Г. Потемкину по поводу административного устройства в Младшем жузе // Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках. С. 125.

Предложения муфтия встретили сопротивление оренбургского губернатора, который признал их абсолютно несостоятельными, и воплощение которых могло лишь привести к росту беспорядков в Малой орде. В ходе работы в центральных архивах России (РГИА, РГВИА, АВПРИ) пока не удалось выявить судьбу проекта М. Хусаинова. Поэтому можно предположить, что он остался без дальнейшего внимания.

Сравнение системы Игельстрома с предложенной Хусаиновым получается не в пользу последнего. Ничего не меняя в сути, муфтий предлагал уничтожить то, что безусловно не совсем удавалось развить. Но его предложения действительно были настолько сомнительны, непроработаны, эпизодичны и непоследовательны, что и не могли восприниматься всерьез. Мы рассмотрели их, с одной стороны, как свидетельство актуальности проблемы управления казахами на рубеже столетий, а с другой – как важный пример привлечения к законотворческой активности различных слоев имперской элиты.

Поиск выхода на рубеже столетий

Начало XIX столетия стало временем поиска новых подходов во внутренней и внешней политике Российской империи. Естественно, что без внимания верховной власти не осталась и Казахская степь. Вступивший на престол Александр I потребовал от оренбургского военного губернатора Николая Николаевича Бахметева представить его мнение о том, каким образом должна строиться российско-казахская политика. В поступившем на высочайшее имя документе⁴⁸⁶ военный губернатор дал характеристику пятидесятилетнему периоду российского господства в Степи, начиная со времени правления губернатора И.И. Неплюева.

Бахметев назвал губернаторство Неплюева временем, когда торговые караваны преспокойно двигались через степь, а российские подданные не похищались казахами. Он объяснял это тем, что тогдашний губернатор поступал с казахами полностью в соответствии с их образом жизни, традициями и уровнем материального достатка, а пограничная линия была обеспечена дос-

---

⁴⁸⁶ Не позднее 1802 г. Замечания оренбургского военного губ-ра Н.Н. Бахметева имп. Александру I о деятельности оренбургских губернаторов в отношении казахов за предыдущие 50 лет и о необходимости посылки против казахов карательного отряда // Материалы по истории Казахской ССР. – С. 192-196.

таточным количеством военнослужащих. Все это давало возможность ему совершать оперативные и эффективные карательные экспедиции за малейшие происки со стороны местного населения. По мнению Бахметева, успокоению казахов содействовали отсутствие у них тяги к роскоши и стяжанию, еще не развившиеся из-за слабого развития торговли, а также содержание в Оренбурге аманатов из знатных казахских родов. Такая идеализация деятельности Неплюева свидетельствует лишь о том, что сам Бахметев был сторонником осуществления карательных экспедиций в степи. С другой стороны, образ Неплюева как основателя современного Оренбурга и устроителя Оренбургского края в отечественной литературе, судя по всему, принял отблеск образа императора-преобразователя Петра I, в эпоху которого тот начал свою государственную деятельность.

Вслед за утверждением хана Нуралы и приведением в послушание башкир началось активное заселение Оренбургского края и было принято решение сократить войско, содержащееся на линии. Одновременно развитие торговли привело казахскую элиту к обогащению, к тяге к роскоши, что спровоцировало в их среде корыстолюбие и тягу к воровским набегам. За эти преступления казахов стали наказывать частой барымтой, отягощенной злоупотреблениями с обеих сторон. Хан начал использовать российские войска не для того, чтобы наказывать виновных, а с целью преследования личных врагов. А пограничные командиры, получившие свободу совершать барымту фактически против кого пожелают, стали использовать ее как средство для собственного обогащения. Со временем, особенно когда в 1770 г. на турецкую войну были оттянуты все регулярные части, коменданты пограничных крепостей без зазрения отправляли башкирские и казачьи отряды грабить казахов. Причем не виновных, а, как правило, безвинных, которые дислоцировались ближе к пограничной линии. Растущее недовольство казахского населения вылилось в поддержку пугачевского движения. Несмотря на присылку на линию регулярных войск для подавления восстания и укрепления границы, барымта в самом неприглядном виде продолжалась до 1785 г. Тогдашний генерал-губернатор О.А. Игельстром радикально изменил методы осуществления пограничной политики: создал Оренбургский пограничный суд и расправы в Малой орде, категорически запретил барымту.

Автор записки, мягко говоря, недостаточно объективно оценил деятельность барона Игельстрома, опять-таки, судя по всему, исходя из собственных далеко не миролюбивых политических установок. Он заявил, что бывший генерал-губернатор свалил всю вину за неудачу реформ на хана Нуралы, которого якобы за это и вывез в Уфу, оставив оренбургских казахов без ханского правления. Это, с точки зрения Бахметева, в свою очередь спровоцировало активизацию антиправительственных действий батыров Сырыма Датова и Каратау Омирзакулы. Далеко от истины был Н.Н. Бахметев и в оценке деятельности преемника Игельстрома А.А. фон Пеутлинга. Несмотря на то, что Пеутлинг на деле вернулся к практике барымты, Бахметев утверждал, что он продолжил политику своего предшественника, скрывая от правительства реальную ситуацию с Пограничным судом и расправами. Военный губернатор признал деятельность главного начальника края С.К. Вязмитинова, состоявшую в увеличении воинского контингента на линии, эффективной, но кратковременной. Возвращение же к власти О.А. Игельстрома не привело к сколько-нибудь прогрессивным изменениям. Далее Н.Н. Бахметев формулировал свою точку зрения на методы приведения казахов в спокойствие и возмещение ущерба, причиненного ими торговым караванам – восстановление барымты.

Однако времена изменились, и последнее предложение оренбургского военного губернатора не встретило поддержки в столице. Напротив, министр коммерции граф Н.П. Румянцев считал необходимым барымту со стороны пограничных властей прекратить. Более того, он предложил собрать казахов с целью урегулирования взаимных претензий и прекращения внутриказахской барымты. Граф Румянцев видел в барымте средство, которое, кроме всего прочего, служит консолидации казахов вокруг небольшого числа лидеров, способных наносить серьезный ущерб не только торговле, но и безопасности пограничной линии. По его мнению, ликвидировать барымту означало лишить казахское общество этих лидеров и подтолкнуть их на большее разобщение, что было бы лишь на пользу империи⁴⁸⁷.

---

⁴⁸⁷ 1802 г. декабря 16. Мнение мин-ра коммерции гр. Н.П. Румянцева на замечания оренбургского военного губ-ра Н.Н. Бахметева с предложением посылки в степь чи-новника для переговоров с казахами, постройки новой линии по р. Эмбе и возложения на казахов ответственности за безопасность российских караванов // Там же. – С. 199-200.

Рассмотренный выше доклад Н.Н. Бахметева интересен не только изложением точки зрения главного начальника Оренбургского края на принципы взаимодействия с пограничным населением, но и оценкой деятельности его предшественников. Именно последнее показывает, каким образом можно было интерпретировать, даже извратить, события в Степи, чтобы в глазах верховной власти собственное мнение выглядело единственно возможным и правильным. Таким образом, этот документ еще раз демонстрирует, что в XVIII столетии, несмотря на активную деятельность Коллегии иностранных дел, Сената и других органов верховной власти, именно от оренбургских главных начальников во многом зависели не только реализация указаний центрального правительства, но и само формирование имперской политики в отношении Казахской степи.

Надо заметить, что на рубеже XVIII-XIX вв. ни в Оренбурге, ни в столице чиновники в плане отношений с Казахской степью не могли предложить ничего нового. Так министр коммерции гр. Н.П. Румянцев представил в Государственный совет свои предложения по обеспечению безопасности торговли: потребовать предоставления султанов и старшин для сопровождения караванов; брать знатных казахов в аманаты до возвращения караванов; взимать с купцов плату в пользу казахов, сопровождающих караваны; построить укрепления в бассейне р. Эмбы⁴⁸⁸.

Чрезвычайно важно обратить внимание еще на одно, уже оригинальное, предложение министра коммерции. Для облегчения торговли и развития разного рода промыслов граф Румянцев считал возможным устроить новую пограничную линию по рр. Эмбе, Ори и верхнему течению Тобола до российской границы⁴⁸⁹. Это предложение не только впервые декларирует намерение империи дальше продвинуться вглубь Казахской степи, но и свидетельствует о том, что Министерство коммерции начинает играть

---

⁴⁸⁸ 1802 г. не ранее апреля 29. Мнение мин-ра коммерции гр. Н.Н. Румянцева, представленное в Гос. совет, о мерах обеспечения торговли с Азией чрез казахскую степь и об использовании казахов по охране караванов // Там же. – С. 198.

⁴⁸⁹ 1802 г. декабря 16. Мнение мин-ра коммерции гр. Н.П. Румянцева на замечания оренбургского военного губ-ра Н.Н. Бахметева с предложением посылки в степь чиновника для переговоров с казахами, постройки новой линии по р. Эмбе и возложения на казахов ответственности за безопасность российских караванов // Там же. – С. 200.

важную роль в формировании азиатской политики Российской империи.

В период правления Н.Н. Бахметева несправедливые набеги на Малую орду со стороны российской границы продолжались⁴⁹⁰. И правительству пришлось потребовать от военного губернатора «...воздерживать впредь своих подчиненных от подобных грабительств под опасением гнева императорского»⁴⁹¹. Казахи выделяли Бахметева среди всех прочих главных пограничных начальников начиная с Неплюева как единственного, который был глух к просьбам кочевого народа, и просили назначить им другого «благодетельного начальника». Действительно, правительственный курс изменился, и нелюбимый военный губернатор получил отставку. Это тем более было закономерно, что казахские старшины итак готовы были исполнять наиболее принципиальные требования верховной власти. Летом 1803 г. хан Айшуак доложил в столицу империи о том, что подчиненные ему казахи всех трех поколений Малой орды согласились отказаться от барымты и добиваться справедливости законными способами через родоправителей и главных старшин⁴⁹².

Ханская власть в контексте региональной политики империи

В начале XIX в. существенно меняется положение России в Казахской степи. С одной стороны, упрочивается позиция империи в степном регионе, уже пережившем период адаптации казахов к существованию в политической орбите своего северного соседа, продолжается ослабление традиционных властных отношений в жузах. Регион все больше и больше втягивался во внутривнутриполитическую орбиту империи, переставал восприниматься инородным административно-политическим образованием. Существенную роль в российской политике начали играть торговые интересы. Власть признала, что казахское скотоводство стало иг-

---

⁴⁹⁰ 1803 г. не позднее марта 2. Донесение хана Айчувака имп. Александру I о насилиях над казахами пограничных войск и башкир с просьбой запретить пограничным начальникам в дальнейшем производить нападения на казахские аулы // Там же. – С. 202-203.

⁴⁹¹ 1803 г. июня 29. Доклад канцлера гр. А.Р. Воронцова имп. Александру I о содержании ответа хану Айчуваку на его жалобы о разорении казахов пограничными войсками // Там же. – С. 203.

⁴⁹² 1803 г. июль-август. О прекращении междоусобной борьбы // Там же. – С. 212-216.

рать чрезвычайно важную роль в экономике всей страны, и перешла к серьезным шагам в ликвидации междоусобной барымты, эту отрасль ослаблявшей. Во внешнеполитическом плане меняется позиция России на европейском театре, где Петербург уже начал твердо позиционировать себя как часть «цивилизованного» пространства и все в большей мере чувствовал себя транслятором европейской цивилизации на восток. Наконец, упрочение позиций Великобритании в Индии подталкивали Россию к более активному закреплению на своих юго-восточных рубежах. Впервые в российских административных кругах прозвучала мысль о прямом захвате и возможном подчинении империи центральноазиатских ханств.

Управлявший Оренбургским краем в начале XIX в. военный губернатор генерал от кавалерии князь Григорий Семенович Волконский (1803-1817) разработал целую программу мероприятий, направленных на восстановление и развитие азиатской торговли России⁴⁹³. Значительный блок предложенных князем мероприятий касался проблемы организации управления внутри Малой орды. Военный губернатор предлагал отправить правящего хана Айшуака в отставку с приличной по тем временам пенсией (1000 руб.), а на место хана избрать его старшего сына султана Жанторе, весьма подверженного российскому влиянию. «Суд и расправу» в Степи князь Волконский полагал оставить в руках хана и ханского совета, а также родоначальников. Перед пограничной администрацией всегда маячила угроза антиправительственных мятежей по примеру возглавлявшихся султанами Срымом и Каратаем. Поэтому одной из задач казахской администрации должно было стать противодействие появлению и усилению влиятельных батыров. Среди всех предложений Г.С. Волконского новизной отличалось пожелание отменить выплату жалованья всем казахским старшинам за исключением хана и его совета. Регулярное жалованье он считал необходимым заменить разовыми стимулирующими вознаграждениями за конкретные оказанные услуги.

---

⁴⁹³ Здесь и далее: 1804 г. апреля 19. «Мнение», представленное оренбургским военным губ-ром кн. Г.С. Волконским имп. Александру I, о мерах к прекращению нападений казахов на линию и к пресечению башкирских «перелазов» в степь; об обнищании казахского народа и об организации военной экспедиции против казахов и для захвата Хивы // Там же. С. 217-224.

Несмотря на то, что барымту (а также увещевания) как способ решения пограничных конфликтов оренбургский военный губернатор считал неэффективными, тем не менее, исходя из принципа «насилие останавливается и прекращается одною силою...», он признавал возможным в случаях особо значительных грабежей посылать в степь для преследования преступников экспедиции в составе от 500 до 1000 нерегулярных войск и, при необходимости, легкой артиллерии. Как и О.А. Игельстром в свое время, князь Волконский считал необходимым организовать масштабную экспедицию с целью возмещения убытков, понесенных российской стороной от казахских грабежей. Экспедиция должна была быть организована с размахом, достойным «славы престола» российского. Выступить в поход предлагалось соединенными силами российского корпуса и двухтысячного отряда казахских войск под командованием нового хана. Против виновных в антироссийских преступлениях оренбургский губернатор считал необходимым принять самые строгие меры: подведомственных неблагонамеренным старшинам казахов по воле хана следовало расселить по другим владениям, имущество этих старшин конфисковать в возмещение ущерба, оставив излишек в распоряжении хана. Самых же старшин-преступников вместе с их семьями – переселить на постоянное жительство в сибирские или другие города внутри России. Кстати сказать, отказ от барымты как способ воздействия на казахов с российской стороны стал в начале XIX в. одним из элементов имперской политики в регионе⁴⁹⁴.

В это время империя уже чувствует себя в состоянии более жестко диктовать свою волю местным народам. В 1805 г. военный губернатор обратился к казахам Малой орды с требованием прислать в Оренбург представителей ото всех родов и отделений для избрания нового хана, ссылаясь на преклонный возраст и состояние здоровья правящего хана Айшуака⁴⁹⁵. Российская администрация дважды объявляла о выборах, но если прежде их пола-

---

⁴⁹⁴ См.: 1806 г. января 23. Предписание мин-ра вн. дел гр. В.П. Кочубея саратовскому гражданскому губ-ру П.У. Белякову о запрещении имп. Александром I так называемой «внешней бармты» // Там же. – С. 232-233.

⁴⁹⁵ 1805 г. мая 10. Объявление оренбургского военного губернатора Г. Волконского, адресованное султанам, биям, старшинам и всему казахскому народу в связи с усилением волнений среди казахов Младшего жуза // Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках. С. 164.

галось провести в Степи и никоим образом не регламентировать имперскими властями, то теперь было оговорено сужение количества участников церемонии, а само место ее проведения свидетельствовало о намерении пограничных чиновников проконтролировать и процедуру. А через год были утверждены Правила для Ханского совета в Малой орде⁴⁹⁶. В появлении этого органа безусловно видится стремление если не уничтожить ханскую власть, то сделать ее номинальной.

Отныне решение всех важных вопросов в Малой орде окончательно отходило от хана и становилось совместной прерогативой его и Ханского совета в составе председателя, шести советников (по два от каждого поколения), письмоводителя и его помощника под контролем российской администрации. К ведению их, а также родоначальников (родоправителей), в первую очередь, были отнесены суд и расправа среди казахов. Причем со всеми затруднениями хан с советом должны были обращаться к пограничному начальству. Подтверждая легитимность хана после его высочайшего утверждения, Правила фактически предоставляли ему лишь полицейскую власть, оставляя судебные полномочия в совместном ведении хана и совета. При этом уголовной инстанцией для казахов призвана была стать Оренбургская пограничная комиссия. Полицейская власть на местах должна была принадлежать подчинявшимся хану родоначальникам и старшинам. На казахскую администрацию официально возлагались обязанности по предотвращению набегов на пограничную линию, разбирательство всех жалоб, претензий и споров местного населения, точное и незамедлительное исполнение распоряжений правительственных властей. В требовании препятствовать «возникновению» и усилению батыров следует усматривать не только отголосок движения Сырыма Датова и стремление избежать междоусобных конфликтов, но и осязаемое усиление влияния российской власти в регионе, которая теперь готова была в определенной степени отказаться от принципа «разделяй и властвуй», перейдя к прямому управлению Казахской степью. Примечательно и то обстоятельство, что теперь, с целью противодействия отгону скота и увозу людей, правительство отказывалось от барымты и карательных

---

⁴⁹⁶ 1806 г. мая 31. Правила для ханского совета, разработанные в Гос. колл. ин. дел. // Там же. С. 166-168.

экспедиций (проводившихся, как правило, иррегулярными войсками) ради правительственных действий, под которым следует понимать применение регулярных военных формирований. В сфере особого внимания хана и его совета должны были стать возвращение российских пленных, возмещение ущерба от разграбления караванов и сопровождение (за плату) купеческих караванов в степи.

Таким образом, Правила для Ханского совета весьма четко демонстрируют тенденцию к превращению Казахской степи из полузависимого владения в собственно имперскую территорию, где хан фактически становился российским чиновником, а его власть практически полностью ограничивалась советом. Отныне традиционные казахские властные институты не только попадали под полный контроль пограничной администрации, но и видоизменялись в угоду интересам империи. Оренбургский военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия вполне официально превращались в высшие административные органы Малой орды. При этом внешние атрибуты казахской независимости сохранялись.

Ситуация определенным образом осложнилась в 1811 г., когда в оренбургской степи, согласно высочайшей воле, приступили к избранию нового хана. Общество раскололось на две части. Во главе одной партии стоял султан Сергазы, во главе другой – султан Бокей. Многократные попытки военного губернатора примирить обе партии провалились: сторонники Сергазы, обвиняя Бокея в союзе с султаном Каратаем, обличенным в убийстве хана Жанторе, категорически отказывались избрать единого правителя. В этих условиях Г.С. Волконский решился предоставить казахам право выбора двух ханов. Однако и здесь губернатор пошел на серьезное нарушение многовековой традиции – «...воспретил им строжайше, чтобы избираемого в ханы *не осмеливались сажать на белую кошму* по киргизскому обычаю для качания в знак признания его ханом до того, пока не воспоследует на то высокомонаршая... воля...». В итоге представители внутренней части оренбургских казахов избрали ханом Бокея, а султаны и старшины зауральской части – Сергазы. Причем сторонники последнего, не желая мириться с нарушением своих прав, насильно увлекли его вдаль от назначенного для выборов места, посадили на белую кошму и провозгласили ханом. На следующий день ханом был

провозглашен и султан Бокей. Сообщая о случившемся Александру I, оренбургский губернатор доносил, что считает такое разделение Малой орды на две части даже полезным для России, «...ибо при невозможности соединить киргизцев в одно мнение, разномыслие будет обессиливать их важнейшие покушения на пределы Российские...»⁴⁹⁷. Весной следующего года Государственный совет утвердил избрание обоих ханов⁴⁹⁸.

Чрезвычайно важно обратить внимание на то, что, приехав в Оренбург в 1817 г., новый военный губернатор Петр Кириллович Эссен (1817-1830) изменил принцип формирования Ханского совета. Вместо избрания, как это было в 1806 г., председателя и шести заседателей от каждого из трех поколений Малой орды, Эссен сместил всех членов совета и потребовал от Сергазы лично, без избрания, назначить представленных им кандидатов. Так председателем Ханского совета стал противник хана Арынгазы Абулгазиев. Хан Сергазы сообщал в Петербург, что губернатор фактически отнял у него власть, постоянно угрожал лишить ханской власти, использовал российских военных для агитации в пользу Арынгазы, чем и спровоцировал вышеназванные просьбы об утверждении его в ханском достоинстве⁴⁹⁹. Стремясь сохранить видимость традиционной власти в Степи, российские администраторы беззастенчиво воздействовали на нее в своих интересах, используя, как указывалось выше, межродовые противоречия во имя дестабилизации в орде, децентрализации власти и облегчения управления казахами из Оренбурга.

Закключение

В период с 1780-х по 1790-е годы происходит активизация государственно-политических отношений Российской империи с Казахской степью. В это время появляются первые комплексные

---

⁴⁹⁷ 1811 г. октября 17. Рапорт оренбургского военного губернатора императору об избрании в Малой орде двух ханов – Сергазы Айчувакова и Букея Нуралина // Материалы по истории политического строя. С. 48.

⁴⁹⁸ 1812 г. марта 29. Мнение Государственного совета, утвержденное императором, об утверждении в Малой орде ханами Сергазы Айчувакова и Букея Нуралина // Там же. С. 51.

⁴⁹⁹ 1819 г. сентября... Прошение хана Шир-Газы в Колл. ин. дел с жалобой на оренбургского военного губ-ра П.К. Эссена и председателя Пограничной комиссии ген.-майора Г.П. Веселицкого // Там же. С. 333-335.

законодательные акты, реорганизовывавшие внутривластную жизнь, в первую очередь, в Малой орде. Этот период характеризуется, с одной стороны, созданием столь возможно благоприятных условий для приобщения казахов к общероссийской жизни (строительство караван-сарая, мечетей, мусульманских школ), а с другой – созданием новых для кочевников административных и судебных институтов, призванных сделать регион более управляемым и подготовить его к дальнейшим трансформациям в сторону общегосударственных норм. Несмотря на то, что эти попытки не привели к желаемым результатам, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что в конце XVIII века была предпринята попытка создать в регионе административную систему, сочетавшую в себе элементы косвенного и прямого управления, предполагающую использование традиционных институтов на службе империи, равно как и распространение на регион некоторых общеимперских учреждений.

Реализация реформ Игельстрома показала готовность царской администрации перейти в новую фазу взаимоотношений с казахским социумом – к активному вмешательству и в социальную структуру, и во внутривластные отношения. Причем это проявилось не только в институциональном аспекте, но и применительно к повседневной практике взаимоотношений главной пограничной власти с ханами Малой орды. О.А. Игельстром уже настолько свободно чувствовал себя в отношениях с казахской знатью, что фактически позволил себе стать режиссером династических и социально-политических действий на театре российско-казахских отношений. С этого момента перспектива включения Казахстана в состав Российской империи становится достаточно очевидной.

Такая активизация казахской политики российской администрации означала начало нового этапа российско-казахских отношений – включение территории казахских владений непосредственно в тело империи, первый шаг к введению региона под юрисдикцию российского законодательства. Организационные и политические действия Игельстрома вызвали в правительственных кругах дискуссию о будущем административном устройстве Казахской степи, результатом которой стали первые в разной степени формализованные законопроекты.

С начала XIX в. существенно меняется положение России в Степи. Завершается период адаптации и Казахстан все больше и больше втягивается во внутривосточную орбиту империи, перестает восприниматься инородным административно-политическим образованием. Существенную роль в российской политике начинают играть торговые интересы. Власть признала, что казахское скотоводство стало играть чрезвычайно важную роль в экономике всей страны. Впервые в российских административных кругах прозвучала мысль о прямом захвате и возможном подчинении империи центральноазиатских ханств.

Начало нового столетия принесло дальнейшее ослабление ханской власти, усиление влияния пограничной администрации внутри Степи, рост социальной напряженности в казахском обществе, появление новых, уже более масштабных, административных конструктов. В это время необходимость кардинальных изменений в российско-казахских отношениях стала вполне очевидной.

При этом Россия почувствовала готовность к началу активной экспансии во внутреннюю жизнь казахского общества. После утверждения в 1806 г. Правил для Ханского совета в Малой орде власть хана становилась все более номинальной. Решение всех важных вопросов (в т.ч. суд и расправа среди казахов) окончательно отошло от него и стало совместной прерогативой хана и ханского совета под контролем российской администрации. Правила четко продемонстрировали тенденцию к превращению Казахской степи из полувассального владения в собственно имперскую территорию, где хан фактически становился российским чиновником, а его власть практически полностью ограничивалась советом. Они являются наглядным примером не только установления полного контроля пограничной администрации над традиционными казахскими институтами, но и их видоизменения в интересах империи. Оренбургские власти под прикрытием внешних атрибутов казахской независимости теперь официально стали высшими административными органами для Малой орды.

**От пристава к приставству:
политика Российской империи в Казахской Степи
в первой половине XIX в.**

31 января 1819 оренбургский военный губернатор П. Эссен предложил султану Шигаю Нуралиеву⁵⁰⁰ назначить в Букеевском ханстве главного пристава, «подобно тому, как сие существует при калмыцком народе»⁵⁰¹.

Почти через год (19 февраля 1820г.) на заседании Азиатского комитета Министерства иностранных дел Российской империи было принято решение об определении пристава к хану Младшего жуза⁵⁰².

Российские чиновники, сопровождавшие в первой половине XIX в. казахские делегации в Санкт-Петербург, также назывались приставами.

В 1848 г. для управления казахами южного региона Казахстана была введена должность пристава при казахам Большой Орды, в руках которого сосредоточилась все административно-территориальное управление Заилийским краем. И наконец, 2 февраля 1870 года было создано Мангышлакское приставство по управлению казахами рода адай.

Вышеназванные факты объединяет один термин – «пристав» и естественно вызывает ряд вопросов, а именно: Почему российская власть обозначила должность при хане Младшего жуза в качестве «пристава», а не «советника» или «помощника» хана? Чем отличалась деятельность пристава при хане Младшего жуза от пристава при казахских делегациях или пристава при казахам Старшего жуза и какими полномочиями они были наделены? И наконец, почему в конце 40-х и 70-х годах XIX в. на территории

---

⁵⁰⁰ Регент в 1816-1823гг. несовершеннолетнего султана Джангира, будущего хана Внутренней Орды

⁵⁰¹ ЦГА РК Ф.78. Оп.1. Д.20 Л.26.

⁵⁰² 1820 г. февраль 19. Журнал Азиатского комитета о нецелесообразности разделения Орды на 2 ханства с предписанием мер для укрепления в Орде власти хана Сергазы /// Материалы по истории Казахской ССР. (1785-1828). [Далее: МИК] – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 4. – Док. 116. – С. 349-351.

Казахской степи была создана такая административная структура, как пристаство?

Все эти вопросы указывают на разные уровни института пристаства на территории Степи, а именно от должностных лиц до административно-территориальной структуры, с одной стороны, а с другой – требуют объяснения термина «пристав», содержание которого постепенно трансформировалось на протяжении XIX в.⁵⁰³ Известный русский лингвист В. Даль слово «пристав» относит к старославянскому глаголу «ставити», т.е. приставить к чему-то, наставлять, делать наставку⁵⁰⁴. Вероятно, исходя из такого толкования, русские власти стали использовать термин «пристав» при назначении должностного лица, представлявшего русскую власть во вновь присоединенных регионах. Не случайно русские чиновники, именуемые приставами, были назначены во второй половине XVIII века в Кабарде (1769)⁵⁰⁵, «при лице наместников калмыцких» (1782)⁵⁰⁶, при ногайцах, кочевавших на территории от рек Кумы и Калауса до Каспийского моря (1793), а в начале XIX в. при «каранагайцах и других кочевых народах» Северного Кавказа⁵⁰⁷. Пристав, выполнявший функции наставника при представителях местной знати на данном этапе, олицетворял

---

⁵⁰³ Согласно Судебной реформе 1864 года в Российской империи остались только судебные приставы – чиновники, приводившие в исполнение решения суда по гражданским делам. Судебные приставы состояли при мировых съездах, окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах Сената. В таком виде институт судебных приставов просуществовал до начала XX века и был упразднен Декретом Совета Народных Комиссаров № 1 от 24 ноября 1917 года. Сегодня термин «пристав» ассоциируется только с полицейскими функциями.

⁵⁰⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. – М.: Русский язык. 1998. – Т. 3. – С. 445.

⁵⁰⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Извлечения. – Нальчик, 2001. – С.75

⁵⁰⁶ См.: Е.А.Команджаев Развитие калмыцкой государственности в составе России в XVII –XIX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010 №1 (22). – С. 72-76

⁵⁰⁷ См.: Арсанукаева М. С. Введение российской судебно-правовой системы в горских районах Северного Кавказа в первые десятилетия XIX века// Вестник Российской правовой академии. 2010. – №2. – С.12-18; П. И. Абайханова Нормативно-правовая адаптация институтов административного управления во второй половине XIX века в Карачае.//Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 10. 2011. – С. 6-20.; Именной указ «О учреждении и особого пристава над карабулаками и чеченца-ми» от 10 октября 1848 года // ПСЗ -2 РИ. Т. XXIII. Отд. I. 1848. – СПб., 1849. – № 22641.

так называемую переходную систему управления, а именно постепенной адаптации традиций и жизненного уклада народов Северного Кавказа к условиям для полной интеграции их в состав Империи.

Российская власть, спустя менее столетия, использовала эту систему управления уже на территории Казахской Степи. Что побудило российскую власть использовать идентичную систему управления по отношению к другому региону? Вероятно, важным фактором в данном случае было то, что как калмыки, ногайцы, кабардинцы, так и казахи имели схожий хозяйственно-культурный тип – кочевое хозяйство, что явилось определяющим признаком для имперской власти в реализации их стратегии. Во-вторых, обращает внимание и тот факт, что приставство вводилось для народов Северного Кавказа⁵⁰⁸ (ногайцы, кумыки, ингуши, чеченцы), которые исповедовали ислам, как и казахи. В третьих, к 20-м годам XIX в. Степь находилась в процессе перехода к общеимперской системе управления, а именно введение административных реформ по отношению к казахам Младшего и Среднего жузов. Исходя из этого, русской власти необходимо было использовать ту систему управления, которая была уже успешно адаптирована по отношению к другим кочевым народам и позволила бы постепенно включить другой регион, а именно Казахскую степь, в единую административно-территориальную систему Империи. Симптоматично и то, что в первой половине XIX в. территория Северного Кавказа и Казахская степь находились в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел и соответственно обсуждение вопроса о реформировании управления в этих регионах находилось в компетенции этого ведомства и естественно они могли осуществлять транзит одной системы управления в другие регионы Империи. Вместе с тем введение схожей системы управления в разных регионах имело отличия, на которые влияли как географические, так и исторические условия. Именно об этих многочисленных аспектах,

---

⁵⁰⁸ В 1827 г. был принят новый «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», который законодательно закрепил положение приставов в системе кавказской администрации и определил правовые нормы их отношений.

J. Burbank & F. Cooper. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton University Press). 2010

влияющих на формирование различных имперских репертуаров, обратили внимание в своей монографии американские историки Дж. Бербанк и Ф. Купер⁵⁰⁹. Их исследование дало толчок в расширении сравнительного исследования политики имперской власти по сохранению баланса между местным населением и администрацией, выявлению общего и особенного в направлении деятельности власти по отношению к кочевым народам Империи (казахам, калмыкам, башкирам, ногайцам, кабардинцам и др.). Такой подход позволяет объяснить логику и мотивацию участников имперской политики в процессе установления русской администрации на территории новых подданных Империи и ставит новые задачи изучения имперских практик управления. В этом контексте интерес представляет и исследование Д. Ливена, выделившего фундаментальные различия в управлении Российской империи на территориях пограничных с Европой и на так называемом им «азиатском южном поясе» (Кавказ, Казахская Степь и Средняя Азия). На самом деле российская власть на протяжении столетий варьировала между обширными регионами Империи, асинхронно используя схожие системы управления, в частности наместничество (Волго-Уральский регион, Казахская степь, Кавказ), попечительство (Южный Урал, Казахская степь), институт приставства (Северный Кавказ, Казахская Степь).

Деятельность пристава, призванная внести свою лепту в выстраивании отношений империи с Казахской степью в XIX в., практически не изучена в отечественной историографии. Исключением является опубликование ряда документов, отражающих деятельность приставов, в частности мнение пристава Л. Плотникова о пребывании казахской делегации в Санкт-Петербурге в 1860 году, «Дневник» пристава Горихвостова при хане Младшего жуза Сергазы⁵¹⁰. Между тем, функционирование, эволюция прис-

---

⁵⁰⁹ Плотников Л.Н. По поводу статьи: Путешествующие киргизы. // Русский вестник. 1860. – Т. 30. Декабрь. – С. 246-277; Шахматов В.Ф. Киреев Ф.Н. Журнал полковника А.З. Горихвостова – пристава при хане Малого жуза Ширгазы Айчувакове // Известия АН Казахской ССР. – № 2(5). – Алма-Ата, 1957. – С. 105-127.

⁵¹⁰ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1865. – С.32. По данным И. Ерофеевой власть хана Сергазы распространялась примерно на 4 тыс. аулов. //Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII-середине XIXв.// Культура и история Центральной Азии и Казахстан: проблемы и перспективы исследования: Материалы к Летнему университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4 -23 августа 1997.). – Алматы 1997.

тавской системы на территории Казахской степи в первой половине XIX в. практически остается неработанными.

Исходя из этого, задачей моей статьи является анализ деятельности приставов в Степи посредством раскрытия их функциональных обязанностей, определения статуса, взаимодействия с казахской знатью и населением. Важным для моего исследования стало и выявление отличий деятельности пристава при калмыцком наместнике от деятельности пристава при казахском хане, функций пристава на территории Северного Кавказа от пристава по управлению Большой Орды. Изучение особенностей института приставства в Казахской степи позволит расширить представления о разнообразии стратегий в Российской империи.

Пристав при хане Младшего жуза: механизм взаимодействия и отторжения

Первые десятилетия XIX в. были сложными в истории Младшего жуза. За двадцать лет (1790–1810) сменились четыре хана Младшего жуза: Ералы (1790–1794), Есим (1794–1797), Айшуак (1797–1805), Жанторе (1805–1809). При этом ханы не имели влияния на казахское население и не могли выступать арбитрами и гарантами в разрешении не только внутренних усобиц, но и внешних конфликтов с пограничным населением. Отражением этого состояния стали убийства ханов Ералы и Жанторе своими соотечественниками. В 1809–1812 гг. функционировал в Младшем жузе Ханский Совет, который не обладал никакой властью. В 1812 году был назначен новый хан Сергазы (1812–1824). На этом фоне в Степи разгоралась борьба за ханский престол. В такой сложной ситуации многое зависело от позиции региональной администрации. Оренбургский губернатор П. Эссен (1817–1823) и Председатель Оренбургской пограничной комиссии Г. Веселицкий (1817–1820) считали, что причина сложившейся ситуации состоит в слабой власти хана Сергазы (1812–1824), ареал власти которого распространялся не «...далее русских форпостов», и по данным Л. Мейера ему повиновались только «*кочующие здесь байгуши*» и «*только по необходимости*»⁵¹¹. Причиной этому послужил ряд фактов. Сергазы хан не мог отстоять перед региональной администрацией требования казахов о возвращении зимних кочевий (свыше 600000 десятин земли), изъятых у казахских родов табын

---

⁵¹¹ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.496 Л.13 об.

и жагалбайлы в процессе возведения пограничной Новоилекской линии (1811-1822) на территории между реками Уралом, Илек, Курайли и Бердянка. И не случайно старшина рода табын Жоламан Тленши писал, что с утверждением Сергазы ханом казахи «никакой выгоды и пользы» не видели, «кроме вреда и расстройств»⁵¹². И в ответ на бездействия хана неоднократно вторгались в ханские кочевья, которые располагались в районе р. Бердянка. Более того, влиятельные старшины Младшего жуза дважды (1817, 1819) отправляли прошения русскому правительству о смещении Сергазы хана и назначении ханом султана Арынгазы⁵¹³.

Во-вторых, хан, по мнению региональной администрации, не мог выполнить ни одно их требование в отыскании виновных казахов, организовывавших вторжения на пограничные линии, и не способствовал прекращению межродовых столкновений в Степи.

Региональная администрация видела выход в разрешении сложного социально-экономического положения в Младшем жузе посредством назначения нового хана в лице влиятельного султана Арунгазы Абулгазиева, которого уже признали ханом большинство родом поколения Алим улы и Байулы⁵¹⁴. На основании этого оренбургский губернатор П. Эссен отправил рапорт Императору о необходимости утвердить ханом Младшего жуза султана Арунгазы⁵¹⁵. Более того, оренбургская администрация продемонстрировала султанам и старшинам Младшего жуза открытую

---

⁵¹² 1817 г. не позднее августа 16. Представление султанов, биев и старшин Малой и Средней орд оренбургскому военному губ-ру П.К. Эссену о междоусобной борьбе в Казахских ордах и об избрании в ханы вместо хана Шир-Газы – султана Арын-Газы // МИК. – С. 314, 316; 1819 г. июля 27 – августа 5. Прошение султанов, старшин, биев, батыров и «старших людей» Малой и Средней Орд оренбургскому военному губ-ру П.К. Эссену о представлении имп. Александру I на утверждение султана Арынгазы ханом Малой Орды с приложением дополнительных подписей старшин поколения Же-тиру // Там же. С. 322.

⁵¹³ В 1816 г. большинство родов поколения Алимұлы и поколения Байұлы (100 тыс аулов) признали его ханом // Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX в. // Культура и история Центральной Азии и Казахстан: проблемы и перспективы исследования: Материалы к Летнему университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4 -23 августа 1997) – Алматы 1997.

⁵¹⁴ Рапорт Оренбургского военного губернатора П.К.Эссена императору Александру I о необходимости утвердить ханом султана Арынгазы. // МИК С.327

⁵¹⁵ Журнал Азиатского Комитета о нецелесообразности раздела Орды на два ханства с предписанием мер для укрепления в Орде власти хана Ширгазы // МИК. – Т. 4. – С. 349-351

поддержку султана Арынгазы, назначив его председателем Ханского Совета вопреки существующим «Правилам Ханского Совета». Таким образом, в Младшем жузе сложилось «разновластие», а именно усиление влияния султана Арунгазы среди казахов Младшего жуза и поддержка его оренбургской администрацией.

19 февраля 1820 г. вопрос о сложившейся ситуации в Младшем жузе рассматривался в Азиатском комитете Министерства иностранных дел. На заседании выступил Оренбургский губернатор П. Эссен, предложив сменить Сергазы хана в Младшем жузе или ввести должность второго хана. После продолжительных дискуссий было принято решение, что предложение оренбургского губернатора может стать новым «источником величайших беспорядков и волнений» и только поддержка законного хана способна обеспечить спокойствие на пограничной линии и в казахских кочевьях⁵¹⁶. Одной из причин тому, что предложение оренбургского губернатора не нашло поддержку в Азиатском комитете, стал факт назначения в 1820 г. Председателем Оренбургской пограничной комиссии Василий Федорович Тимковского (1820-1822). Он стоял у истоков создания Азиатского департамента Министерства иностранных дел и соответственно стратегии политики империи по отношению к восточным регионам Империи и естественно знал о результатах деятельности пристава в Калмыкии и Кабарде⁵¹⁷. И как сторонник «мягкого» управления казахами, а именно «приноровления к местным обстоятельствам» считал, что наличие пристава при хане Младшего жуза – оптимальный вариант в сложившихся социально-экономических условиях Степи⁵¹⁸. Центр поддержал мнение В. Тимковского, предложившего рассматривать хана Сергазы как «единственного повелителя» казахов Младшего жуза и для усиления его власти назначить к нему специального чиновника, который именовался бы приставом и должен был бы «... поселить в душе хана уверенность, что пограничное правительство всегда заботится об утверждении его власти...»⁵¹⁹. Аналогичную практику использовала Екатерина II

---

⁵¹⁶ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Репринт Нальчик. 1990. – С.84.

⁵¹⁷ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Репринт Нальчик. 1990. – С.84.

⁵¹⁸ Горбунова С. С.57

⁵¹⁹ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.263 Л.4

19 октября 1771 года, когда при управляющих улусами в Калмыкии были назначены приставы⁵²⁰.

Естественно возникает вопрос, почему Центр в 20-х годах XIX в. проводил иную политику на территории Среднего жуза? Дело в том, что обстоятельства того периода в Младшем и Среднем жузах существенно отличались. В 1819 г. умер хан Среднего жуза Уали и по настоянию генерал-губернатора Западной Сибири М. Сперанского новый хан не был назначен, спустя три года российская власть предприняла шаги к реформированию системы управления, а именно введение Устава о сибирских киргизах (1822)⁵²¹. В Младшем жузе здравствовал хан Сергазы, который понимал, что его власть «без помощи пограничного начальства недостаточна» и соглашался на любые условия для сохранения своей власти.

Согласно сведениям документальных материалов Центрального государственного архива РК первым приставом при хане Сергазы стал урядник Карсаков, прослуживший в кочевьях хана два года (1820-1822). Новый пристав полковник Александр Захарьевич Горихвостов прибыл в кочевья хана 12 августа 1822⁵²². Он стал и последним приставом при хане, проработав на этой службе до 1824 г. Оба пристава были военными, имели опыт боевых действий (участники Отечественной войны). В их ведении был штат «подобный калмыцкому», а именно казачий отряд и конфиденты⁵²³, толмачи Мухамед-Рахим Долгоаршинов⁵²⁴, а иногда эти функции выполнял и султан Мендияр Абулгазин⁵²⁵. Пристав при казахском хане, в отличие от пристава в Калмыкии

---

⁵²⁰ См.: Е.А.Команджаев Развитие калмыцкой государственности в составе России в XVII –XIX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – №1 (22). – С.74

⁵²¹ Выписка из журналов Главного управления Западной Сибири о нецелесообразности оставления ханской власти в Среднем жузе в связи со смертью хана Вали. 1819, август 17. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы). Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Наука, 1964

⁵²² А. Горихвостов – выпускник сухопутного шляхетского кадетского корпуса (Санкт-Петербург), участвовал в Отечественной войне 1812 г. См: Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. – М., 2009. – Том I. – С. 384-385.

⁵²³ Конфиденты-секретный агент, доверенное лицо.

⁵²⁴ Долгоаршинов Мухаммет-Рахим Аминевич (род.1792), губернский регистратор, толмач Оренбургской пограничной комиссии с 1808 г.

⁵²⁵ ЦГА РК Ф.4. Оп.1 Д.261а. Л.21.

и Кабарде, не именовался «Главным» и не имел административной власти. Более того, пристав при казахском хане подчинялся региональной администрации (председателю Оренбургской Пограничной комиссии, Оренбургскому военному губернатору), а пристав при калмыках и народах Северного Кавказа находился в ведении Министерства иностранных дел до 1802 г., а затем перешел в подчинение военному командованию на Кавказе и был наделен военно-полицейскими функциями. Таким образом, пристав при казахском хане не имел ни военных, ни административных полномочий, он больше выполнял разведывательные функции. Свидетельством этому явились рапорта и «Дневник» пристава, где подробно описывалась повседневная жизнь хана, детали взаимодействия с султанами, старшинами и рядовыми кочевниками, обычаи и нравы казахского населения.

Итак, служба пристава проходила в кочевьях хана. Как восприняло казахское население появление русского офицера в кочевьях хана? Сам Сергазы хан считал, что постоянное присутствие пристава с военным отрядом в его кочевьях больше расшатывало его власть в глазах соплеменников, нежели укрепляло⁵²⁶. В данном случае он был солидарен с Шигай Нуралиевым, который считал, что простое казахское население, увидев пристава, добровольно прибывшего в Букеевское ханство «для того только, чтобы преподать советы», будет думать, что через него российские власти пытаются ограничить их «естественную вольность»⁵²⁷. Изменить восприятие казахами появления пристава в кочевьях можно было, по мнению Сергазы хана, если бы военный отряд подчинялся непосредственно ему, а не приставу, это уредило бы казахов, усилило бы его власть в глазах соплеменников и соперников (султана Арунгазы и султана Каратая) и восстановило бы согласие в Степи⁵²⁸. На самом деле, истинная причина просьбы Сергазы хана выделить ему военный отряд кроилась в том, что его кочевья находились под постоянной угрозой вторжения казахских родов. Не случайно, что одной из обязанностей пристава, которые предписывались Оренбургской администрацией, стало обеспечение бе-

⁵²⁶ ЦГА РК Ф.4 Оп.1. Д.261а. Л.3-21.

⁵²⁷ ЦГА РК Ф.78 Оп.1. Д.20 Л. 28-29об.

⁵²⁸ Донесение оренбургского военного губернатора министру С.К. Вязмитинову о посылке подкрепления для защиты хана Ширгазы от нападений султанов Арунгазы и Каратая // МИК – С. 229.

зопасности кочевий хана и его семьи от вторжений казахских родов, его соперников⁵²⁹. Кроме того, можно выделить следующие обязанности пристава при казахском хане:

1) проводить «неослабное наблюдение» за казахским населением и внушать им незаконность их перехода за Новоилекскую линию, ибо в 1821-1824 гг. усилились вторжения казахов на крепости и форпосты Новоилекской линии, которая сопровождалась угоном не только лошадей, но казаков, рабочих Илецкого соляного промысла и русских жителей⁵³⁰;

2) своевременно информировать Оренбургскую администрацию о местах дислокации восставших казахов под руководством старшины Жоламана Тленши (1812-1824);

3) проводить «секретным образом» дознания, а именно выяснить, какие казахские рода (с именами старшин родов) участвовали в угоне лошадей и забирали людей в плен.

Однако все попытки пристава найти виновных, привлечь хана Сергазы, влиятельных султанов, старшин к отысканию казахов, нападавших на жителей пограничной линии и доставить на линию, были безуспешны. В результате складывалась так называемая картина «бездействия» пристава по прекращению вторжений казахов на линию. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен считал, что пристав чаще находился в позиции «спокойного зрителя», наблюдавшего за происходящим на линии⁵³¹, чем офицера, несущего службу. Были ли основания для недовольства губернатора Эссена деятельностью пристава? На самом деле они были безосновательны. Пристав не обладал определенными административными ресурсами власти, в частности не имел права привлечь к ответственности или арестовать и т.д., а должен был только своевременно докладывать о своих предположениях, кто виноват и где находятся кочевья. Анализ рапортов пристава Горихвостова за апрель-декабрь 1823 г. в региональную администрацию показал, что он в своих действиях использовал лексику, как «убедил», «настоял», «увидел», «услышал», но ни разу не употребил слова такого порядка, как «назначил наказание», «арестовал», «вынес решение» и т.д. Получается, что складыва-

---

⁵²⁹ ЦГА РК Ф. 4 Оп.1 Д.263. Л.10-14

⁵³⁰ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.265 ; Д.268. Л.1-11.

⁵³¹ ЦГА РК Ф. 4. Оп.1 Д.263.Л.31

лась противоречивая ситуация. С одной стороны, региональная администрация, отправив пристава в кочевья казахского хана ожидала от него более активной деятельности, но не прописав ему эти служебные обязанности, а ограничив его фокус как наблюдателя за развитием событий на территории Младшего жуза и советника хана.

Тем не менее, вопрос вторжения казахов на пограничные линии оставался острым и создание «Особой» комиссии в июне 1823 г., цель которой заключалась в рассмотрении жалоб как от русского, так и казахского населения об угонах скота казахами за 1821, 1822 и 1823 годы оказалась безуспешной. В состав данной комиссии, учрежденной Оренбургским генерал-губернатором П. Эссеном, наряду с ханом Младшего жуза Сергазы (председатель), султанами (от племенного объединения Алимуды – Темир Ералиев, Жетыру – Медетгали Турдалиев) и влиятельным старшиной от Байулы (Исенгульды Янмурзин) были введены представители мусульманского духовенства Оренбургского региона, а именно муллы Сеитовского посада Габдрахман Мухаметшарифов, муллы мечети Оренбургского менового двора Абдулсатар Сулейменов и ахун Оренбургской мечети Габдусалая Габдрахманов⁵³². Участие пристава А. Горихвостова в работе комиссии было обязательным. Комиссия начала работу, но не смогла рассмотреть ни одного дела. Причина состояла в том, что не было кворума, в частности муллы Сеитовской слободы Абдрахман Мухаметшарифов, пользующийся «особым доверием и уважением» у казахского народа, отсутствовал по болезни. Сергазы хан опасался, что решение неполного состава Комиссии может быть не объективным. Кроме того, хан считал, что не все духовные лица, участвующие в работе Комиссии, могли быть праведны, в частности он указывал на ахуна Габдусалая Габдрахманова, который из-за неприязни казахов мог принимать «несправедливые» заключения по их вопросам. На основании этих подозрений муллы, составляющие половину состава Комиссии, были приведены к присяге, чтобы они как люди, знающие шариат, решали «справедливо и беспристрастно»⁵³³. Однако все эти попытки региональной администрации прекратить межродовые конфликты и столкновения

---

⁵³² ЦГА РК Ф.4. Оп.1 Д.269 Л.91

⁵³³ ЦГА РК Ф.4. Оп.1 Д.269 Л.91,176

на пограничной линии посредством работы такого постоянного органа, как Комиссия, не имели успеха. Комиссия прекратила работу, так и не рассмотрев ни одного дела.

Интерес вызывает другой факт, что к моменту созыва данной Комиссии в Азиатском комитете шел процесс активного обсуждения Проекта об управлении казахами Младшего жуза (составитель оренбургский губернатор П. Эссен), включавший основной пункт – ликвидация ханской власти. Сам пристав А. Горихвостов считал, что «искоренить беспорядки и водворить внутри спокойствие» посредством усиления власти хана невозможно, ибо влияние хана простиралось только вдоль пограничной линии⁵³⁴.

В августе 1823 г. служба пристава А. Горихвостова в кочевьях хана Сергазы прекратилась. На основании своих наблюдений (прожил в кочевьях хана более года) о роли хана в структуре управления казахского кочевого общества пристав представил ряд рекомендаций региональной администрации, нашедших отражение в его «Дневнике». Во-первых, он считал, что казахи «до тех пор не будут признавать в самом существе ничьей над собою власти» и не прекратят вторжения на линию, пока правительство не поставит им преграды в самой степи. Он предложил строительство укрепленных крепостей как единственное средство «к совершенному обузданию» казахов⁵³⁵. Во-вторых, А. Горихвостов считал, что искоренить беспорядки и водворить внутри Младшего жуза спокойствие «посредством одной власти владельца [т.е. хана – прим. Г.С.] при ничтожном влиянии оной никогда невозможно»⁵³⁶. В третьих, пристав обратил внимание на то, что региональная администрация ограничивается собственно «одною перепискою» с представителями казахской знати Младшего жуза, которая остается «без пользы развития», ибо делопроизводством в Степи занимались татарские письмоводители⁵³⁷. Примером для такого суждения пристава стала деятельность нигметулла Фейзуллина, письмоводитель при хане Сергазы, который содержал канцелярию «в беспорядке», часто отлучался и «вредно» влиял на хана⁵³⁸. Что явилось причиной такого заявления пристава, хо-

---

⁵³⁴ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 д.261 а.Л.21.

⁵³⁵ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.261 а.Л.43

⁵³⁶ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.261 а.Л.38

⁵³⁷ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.261а. Л.48

⁵³⁸ ЦГА РК Ф.4. Оп.1 Д.261а. Л.30.

тя Н. Файзуллин, прослужил более 25 лет в Степи, был награжден серебреной медалью на аннинской ленте (1818), а через два года был пожалован указом Александра I в тарханское достоинство⁵³⁹. Интрига заключалась в том, что 29 марта 1823 г. Сергазы хан пытался отправить жалобу на пристава в Санкт-Петербург через своего письмоводителя Нигметулла Файзуллина. Причиной этому явилось недовольство хана нахождением пристава в его кочевьях, отсутствие реальной помощи со стороны пристава в усилении его власти. Но дошла ли она по месту назначения? Это остается открытым вопросом, так как председатель Оренбургской пограничной комиссии уведомил пристава, что «.. зная отличное усердие ваше на Е.И.В., соглашаюсь с вами, что жалоба не может быть основательна». И более того, председатель выразил сомнение, что она действительно может быть отправлена⁵⁴⁰. Однако сам этот факт и отсутствие письмоводителя в данный период в кочевьях хана беспокоило пристава и он пытался заручиться поддержкой у региональной администрации, выразив в принципе мнение о «бесполезности» деятельности татарских письмоводителей в Степи. Симптоматично, что в 1820 г. оренбургский губернатор П. Эссен потребовал от Оренбургской пограничной комиссии систематизировать информацию о письмоводителях, муллах, отправленных в Казахскую степь, к кому и когда, действительно ли их «пребывание полезно»? И на основании собранных материалов он пришел к мнению, что письмоводители зачастую не выполняли свои обязанности, а занимались «более соблюдением своих выгод», в Степи а именно торговых⁵⁴¹. Схожее мнение высказал несколько позже (1828 г.) сотник Карбышев, служивший в Каркаралинском окружном приказе, что находящиеся письмоводители из татар при султанах «мало подают надежды в точном исполнении их обязанностей, а некоторые совершенно не заслуживают никого доверия не только по важности какого либо дела, но и в обыкновенных случаях»⁵⁴².

С другой стороны, Сергазы хан, боясь за последствия своих действий, занял двойственную позицию, заявив приставу,

---

⁵³⁹ Торговый татарин Сеитова Посада нигметулла Файзуллин начал службу при хане Младшего жуза Жанторе ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.243 Л.4-8; ГАОРО Ф.6. Оп.6.Д.172.Л.1-10б

⁵⁴⁰ ЦГА РК Ф. 4. Оп.1 Д.263. Л.8

⁵⁴¹ ГАОРО. Ф.6. Оп.10. Д.2986. Л.367.

⁵⁴² ЦГА РК Ф. 338 Оп.1 Д.458. Л.1-3

что Фейзуллин может наговаривать и на пристава и на него, так как действительно «человек хитрый и ни одной стороне истинно верен быть не может». Но все-таки хан считал, что Файзуллин «заслуживает уважения» в силу своего возраста и долголетней службы⁵⁴³. И это было больше истиной в устах хана, так как Н. Файзуллин остался при Сергазы хане и после отмены ханской власти в Младшем жузе и более того, хан Сергазы спустя более десяти лет (1835 г.) вновь попытался через своего письмоводителя отправить жалобу графу К. Нессельроду уже на чиновников Оренбургской пограничной комиссии⁵⁴⁴.

Действия Сергазы хана показывают не только непонимания им политики российской администрации, но и наивные надежды на изменения ситуации посредством жалоб на не устраивавшего его пристава, председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса и др.

Приставы при казахских делегациях в Санкт-Петербург

Одним из сценариев власти в империях, как Британской, так и Российской, стала практика посещения поданными метрополии. По сути своей, цель визитов индийскими дипломатами и знатью Лондона⁵⁴⁵ была такой же, как и у казахских делегаций, посещавших в XIX в. Санкт-Петербург. С одной стороны, это была демонстрация местной знатью своей лояльности правящей династии, а с другой стороны, возможность быть представленным Императору, тем самым повысить свой авторитет в глазах соплеменников⁵⁴⁶. К примеру, казахские султаны на аудиенции у Императора ходатайствовали о восстановлении ханской власти (в 1830 г.), получении определенных привилегий (чинов, медалей, орденов), а представители индийской знати хлопотали перед английским королем о восстановлении своих полномочий, продолжении своей службы в Ост-Индийской компании и т.д.

Желание представителей казахской знати посетить Санкт-Петербург поддерживалось русской властью, ибо в этом они видели один из способов сближения казахов с Империей, познания ими

---

⁵⁴³ ЦГА РК Ф.4. Оп.1 Д.261 а Л.30

⁵⁴⁴ ЦГА РК Ф.4. Оп.1 Д.325. Л.12-14

⁵⁴⁵ M. Fisher Counterflows to Colonialism: Indian Travellers and Settlers in Britain, 1600–1857. (New Delhi :Orient Blackswan, 2004. – С. 243-298.

⁵⁴⁶ См. Ремнев А., Сухих О. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским репрезентациям // *AbImperio*. 2006. – № 1. – С. 119-154.

величия и богатства российского государства в ходе их путешествия. Оренбургский ген-губернатор признавал полезным и необходимым посылать почетнейших и влиятельнейших ордынцев в Санкт-Петербург ежегодно или через два года⁵⁴⁷. В свою очередь, поездка в Санкт-Петербург казахов, находившихся на службе в органах местного управления, расценивалась как признание их заслуг перед Империей. Так, султан – правитель Восточной части казахов оренбургского ведомства Ахмет Джантюрин считал «особым счастьем» посетить Санкт-Петербург и быть представленным императору Николаю I. Стимулом для него был и тот факт, что правитель Западной части оренбургских казахов Баймухамед Айчуаков уже удостоился этой чести быть в Санкт-Петербурге в 1846 г.⁵⁴⁸

Успех поездки казахских делегаций в Санкт-Петербург во многом зависел от чиновника, сопровождавшего казахские делегации, которого обозначили как пристав.

Все кандидатуры приставов при казахских делегациях предлагались региональной администрацией (Оренбургская пограничная комиссия и Омское областное управление) и утверждались Азиатским департаментом Министерства иностранных дел. Основным критерий отбора для данного поручения – опыт и хорошее знание казахского языка и культуры. В основном все кандидаты находились на должностях старших переводчиков или толмачей, которые за период службы зарекомендовали себя как чиновники, выполнявшие ответственные поручения региональных властей по разрешению различных конфликтов между казахскими родами, казахами и казаками и т.д.⁵⁴⁹ Самое главное – их хорошо знали представители казахской знати, что создавало атмосферу доверия и уважения к друг другу в их длительном пути в Санкт-Петербург. К примеру, Иван Карбышев⁵⁵⁰ был назначен приставом при казахской делегации султанов Каркаралинского и

---

⁵⁴⁷ Артемьев Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства // Журнал МВД. – 1859. – Т. 38. – С. 9.

⁵⁴⁸ ЦГА РК Ф.4. Оп.1 Д.3519 Л.1

⁵⁴⁹ См. ЦГА РК Ф.4. Оп.1. Д.2786; Д.2728; ГАОРФ Ф.6.Оп.10. Д.6057/б. Л.5-6, 22-27.

⁵⁵⁰ Предок Героя Советского Союза генерала Дмитрия Карбышева См.: Репин Е.Г. Генерал Карбышев. – М., 1987

Кокчетавского внешних округов в Санкт-Петербург⁵⁵¹, губернский секретарь Оренбургской Пограничной комиссии Николай Костромитинов находился в 1846г. при делегации султана-правителя Баймухамед Айчувакова⁵⁵², попечитель прилинейных казахов, штабс-капитан Мухамед-Шариф Аитов⁵⁵³ сопровождал казахскую депутацию, возглавляемую султаном-правителем Ахметом Джантюриным⁵⁵⁴, а в августе 1860 г. чиновник Оренбургской Пограничной комиссии Лев Плотников сопровождал делегацию почетных казахов Оренбургского ведомства⁵⁵⁵.

Инструкция для приставов, составленная региональной администрацией, включала не только функции, но и определенный их образ действий, который должен был обеспечить безопасное и спокойное путешествие казахских депутатов в Санкт-Петербург⁵⁵⁶. Приставы отвечали за подготовку к поездке, нанимали удобные и прочные экипажи, получали деньги на путевые расходы за всю делегацию, шнуровые книги, которые затем сдавались в форме финансового отчета⁵⁵⁷.

Существовал сибирский и казанский тракт путешествия казахских делегаций из Казахской степи до Санкт-Петербурга. Длительность маршрута зависела от погодных условий, самочувствия казахских султанов и достигала месяца и более. Губернатор губернии, на территории которой проезжала казахская делегация, должен был безотлагательно принимать пристава по первому его требованию, ибо имел открытый лист МВД. Кроме того, пристав

---

⁵⁵¹ На этой должности И.Карбышев находился 6 месяцев, делегация возвратилась в Казахскую степь в конце июля 1830г. // ЦГА РК Ф.338 Оп. 1. Д.410 Л.238

⁵⁵² Коллежский ассесор Н.Костромитинов занимал должность советника Оренбургской пограничной комиссии. Он дважды исполнял обязанности пристава. В 1859г. сопровождал делегацию казахов султана-правителя Средней части Мухамеджан Баймухамедова. ГАОРО Ф.6 Оп.10. Д.6057/б. Л.5-6, 22-27; ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.2983.Л. 89-94

⁵⁵³ Мухаммед-Шариф Рахметуллинович Аитов (1802г.р.) из татарских дворян Оренбургской губернии. 1820-1856 служил толмачем в Оренбургской пограничной комиссии. См.: Султангалиева Г.С., Каратолмач, штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи. (первая половина XIXв.) // Панорама Евразии. – Уфа, 2008, №2. – С.13-22.

⁵⁵⁴ ЦГА РК Ф.4. Оп.1. С.3519. Л.49-50.

⁵⁵⁵ Плотников Л. По Поводу статьи «Путешествующие киргизы» // Русский вестник. – 1860. – Т. 30. – С. 245-277.

⁵⁵⁶ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.2983. Л. 89-94

⁵⁵⁷ ЦГА РК Ф.4. Оп.1 Д.3519 Л. 49-54

должен был постоянно и своевременно извещать Азиатский департамент и региональную администрацию о каждом пункте их маршрута передвижения, а за два дня до выезда из городов Казань и Москва должен был отправлять срочные депеши в Азиатский департамент, чтобы МИД успело подготовить апартанменты, экипажи в Санкт-Петербурге для казахской делегации. По прибытии в Санкт-Петербург пристав сразу же поступал в распоряжение директора Азиатского департамента, в частности К.К. Родофиникина⁵⁵⁸.

На протяжении всего пути пристав должен был обеспечивать казахскую делегацию необходимым провиантом и по первому требованию султанов останавливаться в их длительном пути.

Второй важный аспект в деятельности пристава – проявить уважение и более того «всевозможное угождение» султанам, по сути, сблизиться с ними настолько, чтобы казахи не смотрели на него как на официальное лицо, а видели в нем человека, которому можно было бы открыто высказывать свои потребности и желания, а он в свою очередь по данным ему средствам и возможностям удовлетворял бы их⁵⁵⁹. Так согласно инструкции приставы должны были сопровождать их и в магазинах и наблюдать, чтобы казахи не переплачивали или не оставляли за собой долгов. Кроме того, советовать им в выборе покупок, подсказывать где можно было бы приобрести товар дешевле и лучше. Л. Плотников, сопровождавший казахскую депутацию в 1860 г., считал, что эта функция пристава была обязательна, так как 6 человек из 10, находившихся в его депутации, совершенно не знали русский и более того многие из них даже не посещали Оренбург или русские селения при линии⁵⁶⁰.

Конечно, самый главный замысел выезда казахских делегаций – познакомить их с величием, могуществом и богатством Империи. Этому способствовал долгий путь из Оренбурга в Москву, затем Санкт-Петербург. На протяжении пути пристав должен был обращать внимание делегации на масштабы территории Российской империи, ее мощь, возможности, символы управления⁵⁶¹. Для этого использовался и различный транспорт в пути: от конских

---

⁵⁵⁸ ЦГА РК Ф.338. Оп.1 Д. 410 Л.175

⁵⁵⁹ Плотников Л. Указ.соч.С.267

⁵⁶⁰ Плотников Л. Указ. соч. С.266

⁵⁶¹ ЦГА РК Ф.338 Оп.1 Д.410 Л.212

экипажей, железнодорожных поездов до больших суден без парусов и весел. Кроме того, приемы у императора, смотр парада гвардейского корпуса в мундирах с артиллерийским орудием, посещение Царского села, дворцов, фонтанов, посещение Эрмитажа, музея, библиотеки, театров и т.д. Каждый раз маршрут следования и места посещения казахской делегацией могли меняться, которые четко оговаривались в каждой Инструкции, выдаваемой приставу региональной администрацией. Так, в инструкции, составленной председателем Оренбургской Пограничной комиссии В. Григорьевым от 3 августа 1859 г., включалась обязательная остановка в Нижнем Новгороде и посещение ярмарки и резиденции губернатора. В Санкт-Петербурге – осмотр Эрмитажа, Таврического и других дворцов, арсеналов, Литейного двора, Монетного двора, Минералогического музея Горного корпуса, Императорской публичной библиотеки, зоологического музея Академии наук (кунсткамеру), императорского Ботанического сада, императорского стекольного завода. Кроме того, предусматривались поездки в Кронштадт, Петергоф. Царское село, Павловск, Гатчину⁵⁶². Нужно отметить, что сопровождение казахской делегации Оренбургского ведомства 1860 г. полностью совпадало с предыдущим годом.

Обычно правительство высоко оценивало деятельность приставов, сопровождавших казахские делегации в Санкт-Петербург, и считало, что они выполнили свои обязанности «безукоризненно». И за их «усердие» награждала более высоким чином, орденами, медалями или денежными поощрениями. Так, М.-Ш. Аитову был пожалован орден св. Анны 3-степени⁵⁶³, Н. Костромитинову – орден св. Анны 2-й степени⁵⁶⁴, Карбышеву – 1000 рублей ассигнациями и т.д.⁵⁶⁵

Вместе с тем было и обратное мнение о деятельности приставов при казахских делегациях. Так, известный исследователь Павел Неболсин, встречавшийся в 1860 г. в Петербурге с казахской делегацией, считал, что нужно изменить деятельность пристава в будущем, так как именно им вверено посвящение казахов «в тайны величия и благоденствия России» и их столь бдитель-

---

⁵⁶² ЦГА РК Ф. 4. Оп.1 Д.2983. Л. 89-90

⁵⁶³ ЦГА Ф.4. Оп.1 Д.3519 Л.138

⁵⁶⁴ А.Артемов. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства // Журнал МВД. 1859. – Т. 38. – С. 13

⁵⁶⁵ ЦГА РК Ф.338 Оп. 1. Д.410 Л.238

ный надзор был излишен⁵⁶⁶. По его мнению, происходил слишком мелочный надзор, слишком строгое опекуновство и лишение свободного взрослого и самостоятельного человека права свободно располагать своею личностью и своим временем. Более того, деятельность пристава он сравнил с функциями гувернера, неоднократно подчеркивая о постоянных «гувернерских наставлениях и запретах» пристава, тогда как приставу при казахских делегациях нужно было больше проводить просветительскую работу, детально объясняя виденное от организованных для них экскурсий (монетный двор, музей горного института, кунсткамера, ботанический сад, Эрмитаж, Пулковская обсерватория⁵⁶⁷). П. Небольсин на основе своих наблюдений в процессе общения с казахской делегацией в СПб., от полученных ими впечатлений пришел к выводу, что представления, которые им показывали больше, их «огорчало, вместо того чтобы радовать». Следствием этого казахи впали в «апатию», что послужило, по мнению П. Небольсина, тому, что «иные перестали выходить из комнат, иные сказались больными и предались беспробудному сну»⁵⁶⁸. По его мнению, казахи должны были больше знакомиться с новыми формами ведения скотоводства, земледелия, с механизмами подачи электричества, газа и т.д. И он считал, что посещение казахских делегаций в СПб. нужно организовывать таким образом, чтобы это было полезно казахам не только в их интеллектуальном развитии, но и изменении их скотоводческого хозяйства.

В свою очередь, пристав Л. Плотников, отвечая на страницах журнала «Русский вестник» на замечания П. Небольсина, считал, что он полностью выполнил свои обязанности пристава при делегации, ибо точно соблюдал Инструкцию, полученную им от российской администрации, в которой не было «ни прямого или косвенного намека на посещение образцовых ферм, земледельческих машин, газового завода». Причиной этому, по мнению Л. Плотникова были результаты поездки казахской делегации более 10 лет назад, когда вышеназванные пункты как обязательные включались в Инструкции пристава Н. Костромитинова (1846).

---

⁵⁶⁶ П. Небольсин. Путешествующие киргизы. //Русский вестник. – М., Тип. Каткова и К. Т.29. Сентябрь. С.46

⁵⁶⁷ Нужно отметить, что данный маршрут почти полностью совпадал с маршрутом следования, определенного в 1859 г. В. Григорьевым.

⁵⁶⁸ Небольсин Путешествующие киргизы....С.46

Но для казахов их посещение было утомительным и они просили пристава «как милости» избавить их от этих показов. При этом он обратил внимание, что более детальное знакомство с земледельческими орудиями не имело в дальнейшем практического результата, т.е. никто из членов делегации не усовершенствовал свое хозяйство на началах земледелия и промышленности⁵⁶⁹. И в принципе, к 1860 г. земледелие как таковое в степях Младшего жуза так не получило должного развития.

На самом деле служба пристава при делегациях была сложной, хотя она была временной. Он нес полную финансовую ответственность за период пребывания делегации в пути Оренбург-Санкт-Петербург, так как все поездки организовывались за казенный счет, составлялись подробные сметы на содержание делегаций в городах и в пути. К примеру, пристав Н. Костромитинов, сопровождавший казахскую делегацию в 1859 г., получил наличными сумму в размере 7095 руб. 17 копеек, и эту сумму он должен был порционно выдавать членам делегации⁵⁷⁰.

Наличие большой суммы денег у пристава могло вызвать различное поведение у окружающих. Так, 29 мая 1830 г. комната пристава И. Карбышева при депутации Каркаралинского и Кокчетавского округов была ограблена, украдены 6300 рублей, а урядник Гавриил Костылецкий, охранявший квартиру, был убит. При проведении дознания в краже признался урядник 1-го класса Антон Лебедев⁵⁷¹. Что послужило мотивом для криминального действия со стороны казака Сибирского казачьего войска, включенного для сопровождения делегации еще в Омске? Вероятно, его поведение (жадность, стремление к наживе и т.д.) ранее ничем не выделялось, так как в рапорте старшего султана Каркаралинского округа Турсуна Чингисова директору Азиатского департамента Лебедев был включен в список лиц, представленных к награждению, а именно офицерским чином за уважение заслуг, оказанных им во время дороги. Месяцем раньше до кражи, 29 апреля 1830 г., это прошение было утверждено, и Лебедев был наг-

---

⁵⁶⁹ Плотников С.268-269

⁵⁷⁰ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.2983 Л. 89-94

⁵⁷¹ О почетнейших и влиятельнейших ордынцах. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. – Алматы: Дайк-пресс. – Т. 8. – Ч.2. – С.523. ЦГА РК Ф.338 Оп. 1. Д.410. Л. 225-226 об.

ражден 300 рублями из государственного казначейства.⁵⁷² Какие человеческие качества вынудили его пойти на этот шаг? Это остается открытым вопросом, так как все казаки (Лебедев, Фураев, Костылецкий), включившиеся в это сопровождение, прекрасно знали Карбышева как командира Сибирского казачьего отряда и, естественно, он знал их и предлагал именно эти кандидатуры, которым он мог доверять и надеяться на взаимную поддержку в столь долгом пути.

Пристав при Большой Орде

К 40-годам XIX в. к Российской империи была присоединена часть территории Старшего жуза⁵⁷³, южной границей которой была р. Или. Однако основные районы Семиречья и Южного Казахстана оставались вне влияния Российской империи. Большая часть родов Старшего жуза была под властью Кокандского ханства. С целью укрепления своих позиций в регионе и вытеснения кокандских и хивинских беков российское правительство приступило к активному военно-административному включению этой территории в состав империи. Граф Нессельроде считал, что управление Старшим жузом, по отдаленности от линии и «по многим другим уважениям» не может быть «тем же же порядком, как Средняя орда», хотя султан Старшего жуза С. Аблайханова и бии дважды (1832, 1843) подавали прошение о введении им системы окружного управления, аналогичной на территории Среднего жуза⁵⁷⁴. Мнение Нессельроде было основано на донесениях ген-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова в министерство иностранных дел, который был убежден, что это было бы

---

⁵⁷² ЦГА РК Ф.338 Оп. 1. Д.410 Л.238об.

⁵⁷³ 18 января 1819 г. царское правительство официально признало казахов родов уйсун, жалаир и их разветвлений, подвластных султану Суйк Абылайулы, подданными Российского государства. В мае 1824 император Александр II подписал грамоту о принятии в подданство еще 14 султанов Старшего жуза (в т.ч. 50 000 человек из рода уйсунь), в 40-х годах XIX в. вошли казахи из племени дулат // См.: Букейханов А. Из бумаг султана Большой киргизской орды Сюка Аблайханова // Записки ЗСОРГО. Вып.2. – Семипалатинск, 1905. – С. 1-18; Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – М., 1957. – С. 132-133.

⁵⁷⁴ Из отношения генерал-губернатора Западной Сибири вице-канцлеру о просьбе султана С. Аблайханова открыть округ в его кочевьях. 1832 г. июля 22. // КРО-2 док. № 162. – С. 263; Прошение султана Старшего жуза С. Аблайханова и биев пограничному начальнику сибирских казахов полк. Вишневному об учреждении окружного приказа для защиты казахов от соседних ханств. 1843 г. мая 5 // КРО-2. Док. №187. – С. 296.

преждевременным действием правительства, и предложил «для политического надзора» за казахами Старшего жуза определить «благонадежного штаб-офицера, в виде пристава»⁵⁷⁵. Вероятно, свое видение управления казахами Старшего жуза ген-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков основывал на опыте, который он приобрел в период службы на Кавказе в 1820-1826 гг., где познакомился с институтом приставства, установленным над горцами (Дагестан, Чечня). По сути, происходил, как отмечал историк А. Ремнев, так называемый имперский управленческий транзит, когда управленческие методы и технологии, приобретенные в разных окраинных условиях, переносились из одного региона в другой⁵⁷⁶. Министр иностранных дел Нессельроде также рассматривал приставскую систему более удобной для территории Старшего жуза, так как она уже была апробирована как переходная система у калмыков⁵⁷⁷ и на территории Северного Кавказа. И такая же «постепенность» и «осторожность», по мнению Нессельроде, необходима и для Старшего жуза как стратегической территории, откуда пролегали «главные торговые пути в западные области Китая, в Кашгарию и Коканд»⁵⁷⁸.

В результате, в 1848 г. была учреждена должность пристава при казахам Большой Орды с местопребыванием в укреплении Копал⁵⁷⁹, который подчинялся командиру отдельного Сибирского корпуса, а именно генерал-губернатору Западной Сибири, князю П.Д. Горчакову (1836–1851). По сути, пристав Старшего жуза стал частью военного аппарата управления Казахской степью. Это было первое административное управление, создаваемое российской властью на территории Старшего жуза. Попытка развития постоянных административных связей с местным населением предполагало создание управления, возглавляемого

---

⁵⁷⁵ ЦГА РК Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 108-113

⁵⁷⁶ А. Ремнев. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения. <http://zaimka.ru/remnev-imperium/>

⁵⁷⁷ К середине 30-х годов 19 в. Калмыкия перешла к общегражданскому управлению и институт приставства был преобразован в институт попечительской опеки.

⁵⁷⁸ Из представления управляющего МИД графа К. Нессельроде имп. николаю I о введении особого управления в Старшем жузе. 1847 г. апреля 17 // КРО-2. Док. №212. — С. 333.

⁵⁷⁹ ЦГА РК Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 108-113.

приставом⁵⁸⁰, со штатом: три старших султана, толмач и письмоводитель⁵⁸¹. Состав штата управления, а именно должности старших султанов, четко отражали необходимость приставу заручиться в своих действиях поддержкой влиятельных султанов и через них, как подчеркивал граф Несельроде, «привязывать более и более казахов Большой орды к русскому правительству»⁵⁸². Не случайно первый пристав Большой Орды, потомственный сибирский казак, командир 9-го полка Сибирского линейного казачьего войска, Степан Михайлович Абакумов⁵⁸³ старался привлечь на службу как можно большее число представителей казахской знати таких влиятельных и сильных родов Старшего жуза, как дулаты и уйсун, которые могли бы быть опорой и проводниками политики российской власти в этом регионе. Особо Абакумов обратил внимание на султана Рустема⁵⁸⁴, имевшего, по его мнению, большое влияние не только на подведомственных ему волости (дулатовские), но и на соседей ему не подвластных. Причинами его «заметного влияния» на своих соплеменников были, по его мнению, проницательный ум, здравомыслие, справедливость и храбрость. Исходя из этого, он считал, что и советы его своим соплеменникам могли быть «полезным нашему Правительству, ибо он в состоянии препятствовать всякому самовольному уходу волостей, которые между собой довольно не согласны и готовы к беспорядкам»⁵⁸⁵ и может «убедить биев прекратить тайные сношения с кокандцами»⁵⁸⁶. Вообще-то, российские власти считали, что эти качества казахских лидеров могут быть с успехом «употреблены в пользу правительства» и помочь им в их дальнейших

---

⁵⁸⁰ На содержание управления пристава выделялось -3421руб., из них жалование приставу – 2021 руб, старшим султанам – 1023 руб., толмачу – 142 руб.// ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.342 Л.19-20

⁵⁸¹ По ведомости о выдаче жалования старшим султанам за 1853г. можно определить, что в состав управления входили следующие старшие султаны: Али Адилев, Тезек Нуралиев, Джангазы Сюков, письмоводитель Нератов, толмач Бардашев //ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.341. Л.1-2

⁵⁸² ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 108-113.

⁵⁸³ Моисеев М.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 гг.) Барнаул. 2003. С.28

⁵⁸⁴ Здесь пристав имеет в виду Рустема Абулфеизова, утвержденного 17 апреля 1847г. в должности управляющего племенным объединением дулат // ЦГА РК Ф. 374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 106-107.

⁵⁸⁵ ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.324. Л.106.

⁵⁸⁶ ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.324. Л.2.

тактических действий по продвижению к среднеазиатским ханствам, для «наблюдения за порядком», для «скорейшего доставления сведений обо всем случившемся» в Степи и для «...исполнения предписаний начальства»⁵⁸⁷.

От умения выстраивать сотрудничество с местным населением зависел успех действий пристава, поэтому он старался организовывать приемы, встречи с биями и султанами разных волостей, на которых объяснял политику российской власти, желавшей согласно его объяснениям «только восстановления порядка и общего спокойствия» и настроенной на решение всех вопросов «миролюбивыми мерами»⁵⁸⁸.

Пристав должен был собирать сведения о характере взаимоотношений казахов с соседними ханствами, в частности Коканда, Бухары и Хивы и предлагать меры для прекращения «тайного общения» казахов с кокандцами, обеспечения безопасности караванных путей. Так, пристав Абакумов в своей докладной обратил внимание Западно-Сибирского губернатора на урочище Шубар-Агаш, которое имело стратегическое значение как пункт передвижения вглубь Южного Казахстана и предлагал урочище Шубар-Агаш (за р. Или) сделать новым местом дислокации военного казачьего отряда как центр, расположенный удобно как для доставки провианта в брод Угуз-Уткуль, так и от р. Или (50 верст). Кроме того, создание этого нового пункта оградило бы казахов от набегов кыргызов⁵⁸⁹.

В свои ежегодные отчеты пристав обязательно включал такие вопросы, как места расположения кочевий дулатов и уйсуней, их кочевые маршруты, взаимоотношения родов между собой, отсюда возможности лавировать между ними⁵⁹⁰. Эта информация была важна не только для изучения возможностей дальнейшего продвижения русских войск на территории Старшего жуза и среднеазиатских ханств, но и для подготовки условий для активных действий правительства в этом регионе. Поэтому пристав внимательно изучал географические условия местности, чтобы сделать правильный выбор стратегических мест для строительства новых военных укреплений, которые могли бы стать плацдармом для

---

⁵⁸⁷ ЦГА РК Ф.4 Оп.1 Д.2512 Л.25

⁵⁸⁸ ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.1. Л.18

⁵⁸⁹ ЦГА РК Ф.3 оп.1 д.335. л.1.

⁵⁹⁰ ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.335. Л.9

новых вторжений русских войск. Для этого нужны были материальные ресурсы, в частности гужевого транспорта, проводники из коренных жителей, знающие хорошо местность⁵⁹¹.

В 1851 г. Приставом Большой орды был назначен начальник штаба отдельного Сибирского корпуса капитан Михаил Дмитриевич Перемышльский.

С именем Перемышльского связан и вопрос регулирования отношений с Китаем, считавшим земли вдоль р. Или своей территорией⁵⁹². 12 сентября 1851 г. на Каратальский пикет прибыла китайская делегация в составе более 50 человек, желавшие проехать на территорию р. Лепсы. Пристав объяснил им, что эти земли уже «русские владения и на них кочуют поданные России» и отказал им в пропуске во внутрь Старшего жуза. В связи с сложившимися обстоятельствами пристав получил Инструкцию от государственного канцлера иностранных дел, который обратил внимание пристава на то, что следует «держаться прежней системы действия, пока не упрочится наше влияние (на территории Старшего жуза – Г.С.), действовать сколько возможно осторожнее, не имея всяких с ними столкновений и новых поводов для жалоб. Если же они вновь появятся в Каратал, поступить также, как и ранее». Самое важное, пристав в случае беседы с китайцами не должен был касаться вопроса границ, а должен был продолжать наблюдение за движениями китайцев в Степи, отслеживая степень частоты их визитов в Семиречье⁵⁹³.

С середины 1850-х годов политическая ситуация в Семиречье меняется. Успешный военный поход Оренбургского генерал-губернатор Г.С. Перовского и взятие крепости Ак-Мечеть (1853) открывали путь для продвижения в Заилийский край. Западно-Сибирский генерал-губернатор Г. Гасфорт (1851-1861) предложил соединить Сырдарьинскую и Сибирскую военные линии. Весной 1853 года началось возведение пикетов между рекой Коксу и Или. Пристав Перемышльский в месте впадения реки Талгар в Или в 1853 г. основал Илийский пикет, а весной 1854 г. – укрепле-

---

⁵⁹¹ ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.2.Л.6-7; Д.1.Л.18

⁵⁹² Правительство Китая, узнав о строительстве Копала и других укреплений в Семиречье, направил правительству России ноту протеста, заявляя, что эта территория входит в сферу контроля империи Цин // Моисеев М.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 гг.). – Барнаул, 2003. – С. 28

⁵⁹³ ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.330 Л.1-7об.

ние Верное на р. Алматинка, ставшее главным пунктом распространения влияния России в долинах рек Чу и Талас⁵⁹⁴. 19 мая 1854 года был создан Копальский внешний округ (куда вошла территория северного Семиречья), который вошел в состав созданной Семипалатинской области. Теперь пристав подчинялся военному губернатору Семипалатинской области, и только в экстренных случаях пристав мог обращаться к генерал-губернатору Западной Сибири и командиру отдельного Сибирского корпуса⁵⁹⁵.

3 ноября 1856 г. император Николай I подписал указ о переименовании должности пристава при Большой орде в начальника Алатаевского округа, что явилось свидетельством укрепления позиций российской власти в Заилийском крае⁵⁹⁶. Институт приставства в данном случае выполнил свою миссию как промежуточное звено к общеимперской системе управления.

В конце 60-х годов XIX в. российские власти вновь использовали институт приставства на трансграничных регионах Казахстана. 8 августа 1867 г. было открыто Зайсанское приставство, начавшее оформлять в российское подданство курчумских и бухтарминских казахов и удалять из их кочевий китайских чинowników⁵⁹⁷. По сути, создание Зайсанского приставства стало результатом успеха российской дипломатии, подписавшей в 1864 г. Чугучакский договор с Китаем, согласно которому была определена точная русско-китайская граница в Центральной Азии, а именно озеро Зайсан⁵⁹⁸. В 1869 г. в состав Зайсанского приставства вошла южная часть Кокпектинского уезда и только спустя 25 лет (1892 г.) Зайсанское приставство преобразовано в уезд⁵⁹⁹.

В 1870 г. полуостров Мангышлак был выделен в Мангышлакское приставство в составе Уральской области Оренбургского генерал-губернаторства. Причина этому особое военно-стратегическое значение полуострова Мангышлак, который через Кас-

---

⁵⁹⁴ Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. – Верный, 1909.

⁵⁹⁵ ЦГА РК Ф.3 Оп.1 Д.546 Л.7-8

⁵⁹⁶ ПСЗ РИ СПб.1856. Т.31.№31095 С.973

⁵⁹⁷ Киргизский край.//Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В.П. Семенова. – СПб., 1903. – Т. 18. – С. 416. Моисеев М.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 гг.). – Барнаул, 2003. – С. 62.

⁵⁹⁸ См.: Границы Китая: история формирования. – М., 2001. – С. 157-158.

⁵⁹⁹ Киргизский край.//Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В.П.Семенова. – СПб., 1903. – Т. 18. – С. 435

пийское море граничил с Россией, на юге – с Хивой, на западе – с Северным Кавказом. Мангышлакское Приставство просуществовало одиннадцать лет (1870-1881). Права и обязанности пристава определялись особой инструкцией. Население и войска управлялись по «Положению о военном управлении в областях Оренбургского и Западносибирского округов». Аналогичные правила действовали и в Зайсанском приставстве.

2 февраля 1870 года под угрозой восстания казахов на территории Мангышлакского приставства было введено военное управление и специальным указом приставство из Уральской области было передано в ведение командующего Дагестанской областью. 9 марта 1874 года в соответствии с «Временным положением об управлении Закаспийским краем» Мангышлакское приставство вошло в состав Кавказского военного округа. С образованием 6 мая 1881 года Закаспийской области, куда вошли Кавказский военный округ, Ахалтекинский оазис (часть Туркмении), Мангышлакское приставство было преобразовано в Мангышлакский уезд.

Таким образом, в XIX в. как на территории Казахской Степи, так и Северного Кавказа приставы решали вопросы политического и идеологического свойства, и самое главное внушали мысли о «спокойствии, прекращении воровства, о повиновении начальству», вели общее наблюдение за подведомственными им территориями, осуществляли командование расположенными там войсками и поселенными казаками. Как только становилось ясно, что приставства, являвшиеся основным механизмом управления горцев Северного Кавказа, Старшего жуза, отжили себя, устанавливалась новая, в форме окружной (Алатаевский округ), уездной (Зайсанский, Мангышлакский уезды) системы.

Заключение

На протяжении первой половины XIX в. постепенно трансформировался институт приставства на территории Казахстана от специального чиновника до управляющего определенным регионом. Можно сказать и о расширении функций приставов от дипломатической миссии (сопровождение казахских deputаций), специальной должности (пристав при хане Младшего жуза) до административного поста пристава Большой Орды, Зайсанского

и Мангышлакского пристава. Нужно отметить, что приставская система не смогла стать самостоятельным административно-управленческим институтом как по отношению народов Северного Кавказа, калмыков, так и Казахской Степи. Трансформация функций пристава в Степи отражает этапы реализации планов, замыслов политики Российской империи.

1. В первые десятилетия XIX в., когда российские власти начали трудный поиск эффективных и приемлемых методов управления в Степи условиях еще слабого влияния России на казахское население, выход был найден в назначении пристава при хане Младшего жуза. Это стало промежуточным звеном к внедрению административных реформ по отмене ханской власти в 1824 г. на территории Младшего жуза. Пристав при хане выполнял как административные функции (надзор, контроль за деятельностью хана, заседаний Ханского Совета), политические (наставления, наблюдения, сбор информации и т.д.), так и полицейские (ведение дознания, доставка виновных казахов на линию и т.д.)

2. В 1848-1856 гг. пристава Большая Орда отражало промежуточный этап включения территории Южного Казахстана в состав империи. Создав территориально-административную структуру, российские власти пытались закрепить влияние и роль российской администрации в управлении южным регионом Казахстана, назначив специального чиновника – пристава. Пристав, сосредоточив в своих руках административную, судебную, дипломатическую функции, выполнял миссию по завершению присоединения Южного Казахстана к России.

3. Геостратегическое положение Зайсанского (граница с Китаем) и Мангышлакского (граница с Хивой, Сев. Кавказ) регионов оказало влияние на их территориально-административные параметры. Эти приставства сыграли определенную роль в формировании новых государственных границ Российской империи. Территориально-административная структура – пристава являлась временной моделью управления отдельными регионами Казахстана в процессе создания единой административной системы «губернии-области-уезды».

4. Приставская система как форма косвенного управления на Северном Кавказе, Казахской Степи не переросла в сильный административный управленческий институт, так как это был мягкий вариант адаптации кочевых народов к условиям российского подданства.

Эта важная деталь позволяет нам выделить типы приставов в первой половине XIX в. Казахской Степи. Так, к первому типу приставов относились русские офицеры, приставленные к ханам Младшего жуза. Это были уже должностные лица, место службы которых находилось в кочевьях хана, и в процессе постоянного общения они должны были давать им наставления в принятии тех решений, которые были необходимы и удобны российской администрации.

Второй тип приставов – чиновники региональных администраций, сопровождавшие казахские депутации для «безопасного и спокойного проезда» в Санкт-Петербург. Это функция надзора расценивалась в политической лексике XIX в. как выполнение ими важных общественных и государственных поручений.

И наконец в конце 40-х г. XIX в. появился третий тип пристава, отвечающий за социально-политическое развитие определенной территориально-административной единицы – приставство Большой Орды.

По сути своей российская власть использовала в целях быстрого продвижения институты управления, которые были уже ею апробированы в разных регионах многонациональной империи. При этом это не было элементарной калькой с того, чем было, т.е. не механическое внедрение, а учитывалась специфика, а именно степень проникновения российского влияния. Исходя из этого, приставская система имела разную хронологию от столетия (Кабарда, 1763-1860), полувека (Калмыкия, 1782-1834), около 40 лет (Чечня, 1817-1857), (Дагестан, 1819-1857). 25 лет (Зайсанское приставство), до 10 лет (Приставство по управлению Большой Ордой).

Продолжительность существования института приставства в том или ином регионе позволяет обратить внимание на то, что самым длительным опыт был в Кабарде, который, по сути, стал первой площадкой для реализации различных аспектов деятельности приставов, где российская власть осознала возможность внедрения этой переходной системы как шага в процессе интеграции различных регионов в общероссийскую систему. Приставская система была необходима Империи как отражение политического оформления складывавшегося уровня и форм взаимоотношений между Россией и системами горских и кочевых народов Северного Кавказа, калмыков, Старшего жуза, Мангышлака на переходном этапе их включения в административно-правовую систему империи.

**Окружная административная система:
опыт сравнительного исследования
(20-60 гг. XIX в.)**

22 июля 1822 года императором Александром I был высочайше утвержден целый пакет законов под общим названием «Учреждение для управления сибирских губерний», которые касались реорганизации административного деления и системы управления Сибири. Среди этих документов интерес вызывают два документа – «Устав об управлении инородцев» и «Устав о сибирских казахах». Первый из этих уставов послужил основанием для создания округов⁶⁰⁰ для кочевого населения внутренних территорий Российской империи в Сибири и на Кавказе, второй содержал все законоположения для создания внешних округов на территории казахов Среднего жуза.

Создание округов на территории степного Предкавказья было связано с необходимостью установления административного контроля на землях кочевых народов: «ногайского, туркменского и калмыцкого». С 1822 года нерусское население на территории Ставропольского, Георгиевского, Кизлярского и Моздокского округов в российских законодательных актах стали именовать «внутренними инородцами»⁶⁰¹.

По мнению Киняпиной Н.С., сравнение административной политики Российской империи в XIX веке на Кавказе и в Средней Азии основано на том, что управление «... национальными окраинами, несмотря на различие географических условий, времени присоединения этих территорий к России, в их развитии

---

⁶⁰⁰ Округ – это подразделение государственной территории. Округа могут быть, в зависимости от предназначения – военные, судебные, таможенные и др. Создание же административных округов в Российской империи было связано с включением в ее состав новых владений, население которых являлось инородческим и относилось к неоседлым народам.

⁶⁰¹ Абрамян Л.П. Государственное управление внутренними инородцами Степного Предкавказья в конце XVIII – первой половине XIX века (историографический обзор). // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. Вып. № 1. // <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-vnutrennimi-inorodtsami-stepnogo-predkavkazya-v-kontse-xviii-pervoy-polovine-xix-veka-istoriograficheskiy> (дата обращения 24.01.2015).

было много общего»⁶⁰². Исследователь обратила внимание на то, что имперские власти с большой осторожностью проводили административные реформы на Кавказе, особенно в районах с мусульманским населением.

Непосредственно проблемами административного управления на территории Казахстана занимался академик Зиманов С.З.⁶⁰³, который представил сравнительный анализ реформ 1822-1824 гг. на территории Младшего и Среднего жузов. Им сделан вывод о благотворном влиянии внедрения административной системы на общем и частном уровне в связи с упорядочением пользования пастбищными территориями. Вопросы политического развития Казахстана, системы властных отношений этого периода отражены в обобщающих трудах Абдрахмановой Б.М.⁶⁰⁴, Жиренчина К.А.⁶⁰⁵ Среди российских исследователей, занимавшихся проблемами административной политики Российской империи в Сибири и Степном крае, можно обратиться к работам Ремнева А.В.⁶⁰⁶, Безвиконной Е.В.⁶⁰⁷. В монографии Кабульдинова З.Е.⁶⁰⁸ представлены сведения о казахах внутренних округов, автор делает вывод, что «на внутренней стороне Оренбургского и Сибирского ведомств царизм старался не допускать компактного расселения казахов долгое время, отказывая им в создании своих управленческих структур». Вместе с тем почти нет работ, в которых был бы представлен сравнительный анализ внутренних и внешних округов, созданных

---

⁶⁰² Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке. // Вопросы истории. 1983. – № 4. – С. 35-47.

⁶⁰³ Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 294 с.; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана первой половины XIX века и Букеевское ханство. 2 изд. – Алматы: Изд-во «Арыс». 2009. – 496 с.

⁶⁰⁴ Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. 2 изд. – Караганда: типография «Гласир». 2010. – 380 с.

⁶⁰⁵ Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. – Алматы: «Жеты Жарғы». 1996. – 352 с.

⁶⁰⁶ Ремнев А.А. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX века. Омск, 1995 г., 356 с.; Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева / под ред. Н.Г. Суворовой. – Омск: Изд-во ОмГУ. 2005.

⁶⁰⁷ Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60-х гг. XIX в. – Омск. 2005.

⁶⁰⁸ Кабульдинов З.Е. Казахи России (во второй половине XVIII – начале XX вв.). – Астана; ТОО Полиграфсервис «Баспалар үйі». 2010. – 400 с.

в ходе реализации основных положений «Устава о сибирских казаках» на территории Среднего жуза.

Исходя из этого, целью статьи является раскрытие процесса создания внутренних и внешних округов на территории казахов Среднего жуза на протяжении более сорока лет (1822-1868), определение этапов введения окружной системы, их особенности, эволюции компетенций казахских чиновников, находившихся на службе в окружных приказах.

Создание окружной системы в составе Омской области (1822-1838)

Реформа управления сибирскими губерниями, начавшаяся в июле 1822 года, повлекла за собой серьезные изменения и в системе управления Средним жузом. В «Учреждении для управления сибирских губерний» значилось: «Омская область ... включает в себе кочевья киргиз-кайсаков Средней орды, коих для различия от других киргизов, отныне именовать Сибирскими киргизами»⁶⁰⁹. Омская область не имела четких административных границ и включала в себя внутренние округа и вновь организуемые внешние округа, которые предстояло создать в ходе реализации реформы 1822 г.

Количество и название внутренних округов были определены в параграфе 326 «Учреждений для управления Сибирских губерний»: «Внутренние округа суть: Омский, Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский»⁶¹⁰. В 1822 г. Семипалатинский и Усть-Каменогорский округа были созданы в результате разделения прежнего Семипалатинского уезда, Омский и Петропавловский – из территории, ранее входившей в Тобольскую губернию.

«Внутренние округа Омской области организовывались в зависимости от расположения казачьего населения – по полковому признаку. Начальник внутреннего округа – казачий офицер – являлся одновременно и комендантом крепости, расположенной в окружном городе. Значительную часть территории области составляли земли Сибирского линейного казачьего войска. Председателями земских судов стали командиры казачьих полков, станицы управлялись командирами эскадронов. Для крес-

---

⁶⁰⁹ Учреждение для управления Сибирских губерний. – СПб.: Сенатская тип. 1822. – С. 49.

⁶¹⁰ Там же. С. 50.

тьянского населения предусматривалась организация особых волостей.»⁶¹¹. Для казахского кочевого населения во внутренних округах не создавались особые административные структуры с учетом их специфики. Генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич П.М. предписал Омскому областному начальнику С.Б. Броневскому от 3 ноября 1823 г., чтобы начальники округов «с должной осторожностью привели в известность всех кочующих на внутренней стороне» казахов, приписав их кочевья к определенным станицам, и «объявить об этом их родоначальникам»⁶¹². Казахам внутренних округов в официальных документах именовали «верноподданными», так как уже были приведены к присяге на верность короне Российской империи. Создание внутренних округов было завершено уже к началу 1824 г.

Первые внешние округа было решено создать на территории бывших ставок последних ханов Среднего жуза – Вали (Уали) хана и Букей хана. В феврале 1824 года состоялась встреча полковника С.Б. Броневского с внуком покойного хана Букея, султаном Турсуном Чингисовым. Именно при содействии С.Б. Броневского и генерал-майора Г.И. Глазенапа, в 1815 году Букей был утвержден ханом в Среднем жузе. Теперь же, Броневскому предстояло провести переговоры об открытии внешнего округа, а значит, речь должна быть об определении пределов и полномочий наследников хана Букея в рамках «Устава...». Из письма султана Турсуна Чингисова: «Сего года в феврале месяце по бытности вашего высокоблагородия у нас в кочевьях вы изволили по общему совету дядей моих султанов Батырю, Тауки, Абулгазы Букейхановых и Алию Кукшалова, а равно почетных биев утвердить меня вызываемых покойным дедом моим ханом Букеем волостных Старшим султаном...»⁶¹³. Открытие Каркаралинского внешнего округа «... при урочищах Кант и Каркаралы в 280 верстах от форпоста Семиярского...» состоялось 8 апреля 1824 года⁶¹⁴. 11 апреля

---

⁶¹¹ Омск – административный центр Западной Сибири и Степного края (XIX – начало XX века) // http://admomsk.ru/c/document_library/get_file?p_l_id=284493&folderId=284128&name=DLFE-10643.pdf (дата обращения 30.01.2015).

⁶¹² ГИАОО. Ф.3. Оп. 1. Д. 312. Л. 1.

⁶¹³ ЦГА РК. Ф. 338. Оп.1. Д.435. Л.2, 2 об.

⁶¹⁴ Указ об открытии Каркаралинского округа был опубликован в ПСЗ РИ за № 29997 Т.XXIX 24 июля 1824 года.// Материалы по истории политического строя Казахстана. Т.1. Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1960. Док. 57. С. 113.

того же года полковник С.Б. Броневский подписал составленное для Каркаралинского внешнего окружного приказа предписание, которое содержало правила его деятельности. Некоторые из казахских султанов отсутствовали при открытии приказа, даже те из них, кого прочили на должности волостных султанов. Из предписания С.Б. Броневского от 11 апреля 1824 года № 425: «5. Султаны, управлявшие волостями, до открытия округа должны управлять оными по согласию на то народному и по открытию оного на правах в Уставе изображенных – имена сих султанов означены в списке о волостях ... из них хотя лично и не явились в назначенное время к выборам, и именно: *султаны майор Газы Букеев, Чами Аблайханов, Агадай и Кугадай Мошаковы*, но первый из них прислал с сыном своим Худаймендой письменный отзыв, а последние своих депутатов изъявляют свое полное согласие на вступление под управление по высочайше дарованному уставу...»⁶¹⁵.

Для переговоров с султаном Габайдуллой Валихановым, сыном хана Вали, был направлен подполковник А. Григоровский, который и сообщил в своем рапорте генерал-губернатору Западной Сибири П.М. Капцевичу: «После личного свидания моего 22 числа марта с султаном Габайдуллой и прибывшими с ним старшинами предположено было открытие окружного приказа в половине сего месяца»⁶¹⁶. Торжественное же открытие Кокчетавского окружного приказа было перенесено на 29 апреля из-за возникшего неприятия данного решения со стороны султана Сартая (в некоторых документах встречается «Сортай» – Т.Д.), против открытия округа выступил вслед за ним и султан Касым Аблайханов и его сын Саржан. Тем не менее, «...при горах Кокчетавских из главнейших родов ... – Атыгаевских, Кереевских, Кыпчаковских, Канжыгалинских и частью Караульских – султанов, старшин и биев и прочего ... народа сего апреля в 29 день ... торжественным образом открыт входящий в состав Омской области Кокчетавский окружной приказ, председателем в оной избран старший султан Габайдулла и заседателями из казахов почетнейшие старшины из рода Худайберды Атыгаевского Жилгара Байтокин и из рода Исенбакты Кереевского Мусет Жаныбе-

---

⁶¹⁵ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т.1. – Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1960. Док. 57. – С. 113.

⁶¹⁶ Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках (1771-1867 годы). (далее КРО – 2.) Док. 121. С.209.

ков...»⁶¹⁷. Указ об открытии Кокчетавского внешнего округа был опубликован 17 сентября 1824 года в ПСЗ РИ⁶¹⁸.

Несмотря на успешную организацию первых внешних округов и открытие внешних окружных приказов, областное начальство опасалось возможных волнений в степи, поэтому и было сделано предписание 11 мая 1824 г. управляющего областью всем четырем окружным начальникам внутренних округов Омской области об учреждении по линии пикетов и разъездов, которые были сняты по распоряжению № 1685 только в октябре 1824 г.⁶¹⁹ Но не только возможного противостояния опасалось областное начальство, а также и недоверия со стороны казахов полномочиям впервые образуемых структур управления в степи – внешних окружных приказов. 29 июня 1824 г. было разослано циркулярное предписание Омского областного начальника подполковника С.Б. Броневского окружным начальникам внутренних округов, в котором он предупреждал, что с учреждением в Казахской Степи двух внешних округов – Каркаралинского и Кокчетавского – казахи, «вошедшие в состав оных, вероятно, по неведению будут по прежнему выходить на линии с разными их просьбами, помимо окружных приказов, а начальство внутренних округов в уважении их просьб – входить в разбирательство оных, тем самым может ослабиться власть управления внешних округов и нарушиться порядок»⁶²⁰. Поэтому, чтобы не допустить таких ситуаций, С.Б. Броневским был составлен список волостей и управлявших ими султанов, вошедших под управление внешних приказов, а также обещал, что «со временем будут доставлены к вам и подробные сведения с вписанием главных урочищ».

Организация внешнего округа не могла состояться без поддержки и желания предводителей определенных родовых групп, которые и должны были составить в будущем отдельные волости в составе округа. Вопросами организации волостей во внешних округах должны были заняться российские заседатели. В част-

---

⁶¹⁷ Материалы по истории... Док.65. С.136.

⁶¹⁸ ПСЗ РИ-1. Т. XXIX № 30061.

⁶¹⁹ ЦГА РК. Ф.338. Оп.1. Д. 347. Л. 1-1 об., 24.

⁶²⁰ Циркулярное предписание Омского областного начальника окружным начальникам о побуждении казахов обращаться за разрешением дел к окружным приказам (29 июня 1824) //Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. 10 томов. – Алматы: Жеті жарғы, 2005. – 5 том. – 544 с. – С. 392-393.

ности, титулярный советник А.Л. Бубеннов, заседатель Каркаралинского окружного приказа получил следующие рекомендации от подполковника С.Б. Броневского от 13 июня 1824 г. № 643: «... весьма удобным я нахожу начать образование волостей с немногих так, чтобы первые волости, в которых порядок учредится, послужили примером и для других; султаны корыстолюбивы; они, увидев, что жалование не иначе должно производиться им, как по устройству волостей, будут сами домогаться у народа о разделении волостей и о выборе управляющих. На поминах у Турсуна постарайтесь сами быть и о сем деле предложить султанам; при этом собрании ... удобно будет произвести и выборы волостных султанов»⁶²¹. Как видим, первоначально для процедуры выборов и определения кандидатур волостных султанов используется возможность сбора казахов по каким-либо возможным поводам, а не специально для выбора волостных. 5 августа 1824 г. генерал-губернатору Западной Сибири П.М. Капцевичу из Каркаралинского окружного приказа поступило донесение № 835 о том, что 13 июля во время проведения праздника для казахов на основании Устава на летних кочевьях при реке Нуре, на котором среди султанов и почетных казахов «произведены выборы пяти волостных султанов... В прочие волости, составляющие округ, выборы сии некоторым несогласием отсрочены до возвращения на зимовья»⁶²².

Из предполагаемых к организации в составе одного внешнего округа согласно Уставу должно состоять 15–20 волостей, а удалось в Каркаралинском округе определить 5 первых волостей, отметим, что со времени официального открытия округа прошло уже три месяца. В основном, это были волости, в которых были сильны позиции султанов линии хана Букея: Абылмухамет Букеев, Абулгаза Букеев, майор Газы Букеев, Худайменды Газин, Таука Букеев, которые и стали первыми волостными султанами. Вместе с тем, в донесении отмечено, что «...исчисления аулов и кибиток по образованию сих волостей не получено, почему и требуются от приказа, дабы оное сделано было секретно со всею осторожностью». Очевидно, что первые внешние округа в момент их организации не имели в своем составе нужного количества волостей.

---

⁶²¹ ЦГА РК. Ф. 338 Оп.1 Д. 348. Л.12-12 об.

⁶²² Там же. Л. 25-25 об., 26 об.

Через два года подполковник С.Б. Броневский в своем предписании Каркаралинскому окружному приказу от 14 августа 1826 г. № 968 отмечает: «При обозрении Каркаралинского округа обратил я особенное внимание на состояние волостного управления как частное (в смысле отдельной части внутри округа – Т.Д.), которой все прочие в составе управления входящие опираются и утверждаются, за всеми неперменными моими настояниями об устройстве сего управления, должен, однако заметить окружному приказу, что состояние оно далеко еще не соответствует предназначенному порядку. Большая часть волостей состоящих в округе, не получив надлежащего разделения, определенного Уставом, не имеют до сего времени никакого образования, и волостные султаны хотя и утвержденные уже по представлениям приказа, не имеют точного распределения и назначения своих прав и обязанностей, известны только по одному названию волостных правителей и то в порядке письменных дел, а в самом существе звание сие остается без смысла без значения...».⁶²³ И далее «... посему в неперменную обязанность себе вменяю на ответственность окружного приказа возложить устройство волостного управления, приступив к тому, начально с волостей кочующих в средоточии приказа, а именно в волости султана Турсуна Чингисова...»⁶²⁴. В предписании Омский областной начальник дал и конкретную инструкцию, каким образом следует приступить к образованию волостей: «самое же образование волостей состоит: 1) в определении известного числа кибиток, имеющих составлять аулы и аулов долженствующих составлять волость (§5 Устава); 2) в выборе аульных старшин и 3) в усовершенствовании и утверждении прав и обязанностей присвоенным аульным старшинам и волостному султану»⁶²⁵. При этом С.Б. Броневским было сделано предложение относительно усиления влияния волостных султанов «определить из стражи, состоящей при приказе к каждому волостному султану, к устройству волости, которой приступлено будет, по 10 казаков при благонадежном уряднике, постоянно содержа сии команды при султанах». Копия с этого предписания была направлена и в Кокчетавский окружный приказ. Таким об-

---

⁶²³ ЦГА РК. Ф. И-338 оп.1. Д. 443. Л. 21-21об.

⁶²⁴ Там же. Л. 22.

⁶²⁵ Там же. Л. 22-22об.

разом, по истечении более чем двух лет со времени организации первых внешних округов еще не было создано четкой волостной административной системы. Нужно отметить, что администрации Западно-Сибирского генерал-губернаторства и Омской области осуществляли постоянный контроль над тем, как происходило распространение новой административной системы в степи. Так, и.д. областного начальника, полковник С.Б. Броневский представил генерал-губернатору Западной Сибири Капцевичу П.М. заключение «Комитета, составленного для рассмотрения об удобности, какие по местным соображениям представляются к приведению в действие Устава о сибирских казахах» от 23 февраля 1827 г. № 7. В представленном анализе было отмечено, что по Уставу согласно § 5 «в ауле вообще полагается от 50 до 70 киби-ток, а в волости от 10 до 12 аулов», однако следует «ограничиться одним образованием волостей, так как в зимнее и летнее время состав аула мог меняться»⁶²⁶. Очевидно, что в процессе разделения и организации волостей возникли трудности с определением аульной административной системы, поэтому и было рекомендовано пока определить состав и расположение волостей.

К началу 30-х гг. XIX в. уже действует довольно четкая процедура организации и открытия внешних округов и окружных приказов на территории казахов сибирского ведомства. По мере готовности к открытию внешнего округа Западно-Сибирским генерал-губернатором делалось представление о разрешении на открытие определенного внешнего округа в Сибирский комитет, в журнале которого и составлялось соответствующее положение. Официальный характер такое положение приобретало после высочайшего утверждения со стороны императора. Иногда донесение об открытии округа утверждалось уже после открытия внешнего округа, так «19 октября (1831 г. – Т.Д.) слушано донесение генерал-губернатора Западной Сибири об открытии 17 июня 1831 года в Аягузском округе, вследствие предварительного высочайше утвержденного положения Сибирского комитета, окружного приказа»⁶²⁷.

Султан Конуркульджа Худаймендин в 1829 г. обратился к российским властям с просьбой образовать в управляемых им волостях внешний округ при урочище Акмола. На основании данного

---

⁶²⁶ ГАОО. Ф. И-3. Оп.1. Д. 312. Л. 275.

⁶²⁷ ПСЗ РИ-2. Т. VI. № 4870.

обращения был направлен отряд под руководством подполковника Ф. Шубина, чтобы произвести административную и хозяйственную подготовку к открытию округа. Первоначально было выбрано место для строительства крепости в глубине урочища Акмола на Нуре, но впоследствии место сочли неудачным, стоянка была перенесена в другой, более северный пункт Кара-Уткуль. Официальное открытие Акмолинского внешнего округа состоялось 22 августа 1832 года. Это был четвертый по счету округ⁶²⁸.

В 1833 году на заседании Сибирского комитета 27 февраля было высочайше утверждено положение об открытии в степи сибирских казахов двух округов: Баян-Аульского и Уч-Булакского. Еще в 1824 году в Омск «прибыла депутация из рода Аргын – владения султана Джумы и бия Шона» с просьбой разрешить организовать у себя отдельный округ⁶²⁹. Фактически Баян-Аульский округ был организован в 1826 году, но официальное его утверждение на территории против Ямышевской крепости состоялось 9 марта 1833 г., одновременно было утверждено открытие Уч-Булакского внешнего округа с размещением на юго-западе от крепости Омской⁶³⁰.

Открытие же Аман-Карагайского внешнего округа готовилось с 1830 года, а официальное рассмотрение в Сибирском комитете состоялось 29 мая 1834 г.⁶³¹ Генерал-губернатор Западной Сибири Вельяминов И.А. Омскому областному начальнику генерал-лейтенанту де Сент-Лорану В.И. от 11 августа 1834 № 765 из Тобольска сообщает: «Ныне ... при предписании Сибирского комитета от 4 июня сего года за № 33 выписка из журнала его, ... нынешним летом...приступить немедленно к распоряжению об открытии того округа и Приказа против крепости Пресногорьковской при урочище Аман-Карагай, отстоящем от оной около 250 верст, в средоточии волостей: Тюмен-Аргынских, Уваковских, Кипчатских, Канжигалинских, Кирейских и Кизганских...»⁶³².

---

⁶²⁸ Материалы по истории политического строя Казахстана. Док. 70, 71. – С. 146, 149; Письмо генерал-губернатора Западной Сибири Омскому областному начальнику об открытии Акмолинского окружного приказа (19 мая 1832) // Древний мир права казахов. 5 том. – С. 393-394.

⁶²⁹ Зиманов С.З. Политический строй Казахстана первой половины XIX века и Букеевское ханство. – Алматы: Изд-во «Арыс», 2009. – С. 174.

⁶³⁰ ПСЗ РИ-2. Т. VIII. № 6034.

⁶³¹ ПСЗ РИ-2. Т. IX. Ч. I. № 7140.

⁶³² ЦГА РК. Ф.И-338. Оп.1. Д. 317. Л. 11.

Кроме султанов Среднего жуза, с прошением об открытии внешнего округа обращается и султан Старшего жуза Суюк Аблайханов. Так, он в 1831 г. просит о создании округа и приказа в его владениях на территории Семиречья. Однако в ответ на отношение генерал-губернатора Западной Сибири Вельяминова И.А. граф Нессельроде К.В. в письме от 7 февраля 1833 г. № 253 предупреждает: «... Большой орды султан Суюк Аблайханов, домогающийся учреждению у него в кочевьях Дивана, находится вне черты, до которой предположено правительством вводить новое устройство между киргизами (казахами – Т.Д.)...»⁶³³. И далее «... на случай могущих впредь произойти споров о границе, положено: повторить вашему высокопревосходительству, о точном исполнении высочайше утвержденного постановления общего присутствия комитетов Сибирского и Азиатского, последовавшего 28 декабря 1831 года, а именно: 1) отряды нашей стражи содержать на урочище Кокпекты в Аягузском округе, на нынешних местах, не придвигая их далее к цепи караулов китайских, без особенного на то разрешения...»⁶³⁴. Очевидно, что Российская империя пока еще не готова далее расширять свою границу на территорию Семиречья.

По мере создания новых внешних округов и установления определенного порядка в степях сибирского ведомства становится очевидным, что казахи внутренних округов не имеют никаких собственных структур, через которые они могли решать возникающие спорные моменты с областным начальством.

В 1834 году доверенные от общества верноподданных казахов – «султан 8-го класса Бопы Татенев, султан Досан Джанибеков, старшина Ибрагим Джаикпаев и прочие» написали обращение в адрес Омского областного начальника – де Сент-Лорана В.И. Во-первых, они просили «оставить их всегдашнюю кочевкою во внутренности Семипалатинского округа, учредить для управления народом ... Степную Думу с тем, чтобы она состояла ... из главного родоначальника» и двух или трех заседателей от казахов согласно пунктам 36, 37, 38 и 39 Устава о сибирских казахах, «подчинившись во всем Семипалатинскому общему окружному управлению». Во-вторых, разделение волостей и порядок выборов они предлагали по образцу и подобию внешних округов,

---

⁶³³ ГИАОО. Ф. И-3. Оп.12. Д. 17677. Л. 78 об.

⁶³⁴ Там же. Л. 79.

правда, с той лишь разницей, чтобы все избранные степняками должностные лица не получали от государства «никаких денежных выплат»⁶³⁵. По прошествии более 10 лет с момента открытия первых внешних округов окружная административная система создала необходимые условия для интеграции представителей казахской аристократии в состав местных чиновников, которые, обладая определенными функциями, могли осуществлять властные полномочия на местном уровне. Казахи же внутренних округов изъявляют желание и без денежного содержания организовать в своих кочевых территориях подобную административную систему. Отметим, что двое из упомянутых выше доверенных от казахов лиц – султан Бопы Татенев и старшина Джаикпаев – будут занимать должности старших султанов после их перехода на внешнюю сторону. Султан Бопы Татенев был старшим султаном в Баян-Аульском внешнем округе с осени 1836 г. до июня 1840 г. Подал прошение об отставке от 19 марта 1840 г. № 22 в связи с болезнью⁶³⁶. Старшина Ибрагим Джаикпаев сначала претендовал на должность старшего султана в том же Баян-Аульском округе в 1846 г., несмотря на поддержку пограничного начальника Вишневого Н. не был утвержден, а смог стать старшим султаном в Акмолинском внешнем округе только в период с 1852 по 1868 гг.

Однако, чтобы не сложилось впечатления, что казахам было предоставлена некая автономия в управлении внешними округами, отметим, что в отличие от российских чиновников-заседателей во внешних окружных приказах, и на должность старшего султана и на должности казахских заседателей выбирались и утверждались сразу по две кандидатуры. Один – в должности по штатному расписанию, другой – кандидатом по нему. Это стали делать с целью возможной замены или временного исполнения должности в случае намеренного уклонения⁶³⁷, иногда в случае болезни или смерти.

---

⁶³⁵ Кабульдинов З.Е. Казахи России (во второй половине XVIII – начале XX вв.). – Астана: ТОО Полиграфсервис «Баспалар үйі», 2010. – 400 с. – С. 194-195.

⁶³⁶ ЦГА РК. Ф. И-374. Оп.1. Д. 720. Л. 9- 10.

⁶³⁷ с 29 апреля по 8 августа 1824г. – срок исполнения султаном Габайдуллой Валихановым обязанностей старшего султана Кокчетавского внешнего окружного приказа, как сообщает Отделение казначейства Омской областной казенной экспедиции, но с сентября 1824 г. он вовсе удалился от приказа. // ЦГА РК. Ф. И-338. Оп.1. Д. 603. Л. 23 об.

Таким образом, за период с весны 1824 до весны 1838 гг. было создано восемь внешних округов, началось оформление волостной системы, были созданы условия для интеграции казахов в местный аппарат управления в рамках окружной административной системы.

Внешние округа в Пограничном управлении сибирскими казахами (1838 – 1854)

К 1838 году правительство пришло к пониманию необходимости создания особой степной администрации на территории внешних округов, так как неоформленность внешней границы и задачи расширения ее настоятельно требовали создания отдельного Пограничного управления для этой территории. 6 апреля 1838 г. было утверждено Положение об отдельном управлении сибирскими казахами⁶³⁸. Омская область была упразднена, внутренние округа перестают существовать в качестве отдельных административных территорий, город Омск решено присоединить к Тобольской губернии, Петропавловск – к Ишимскому уезду Тобольской губернии, Семипалатинск и Усть-Каменогорск с казачьими станицами на Верхнеиртышской линии присоединены к Бийскому уезду Томской губернии.

Дела, касающиеся Казахской степи, были переданы в вновь открываемое Пограничное управление. Для общего управления сибирскими казахами учреждается отдельная структура – Пограничное управление в г. Омске. Что же касается до внешних округных приказов, то «частное управление степными округами остается на прежнем основании»⁶³⁹.

С целью упорядочения количественного состава внешних округов были предложены некоторые изменения. Так, например, в «Положении об отдельном управлении сибирскими казахами» в разделе VI Положения особенные, в подразделе «Б. об устройстве округов», в пункте 33 было сказано: «Уч-Булакский округ, по малолюдству его, закрывается, с предоставлением генерал-губернатору Западной Сибири привести сие в исполнение в то время, когда он, по ближайшему усмотрению обстоятельств, признает то удобным»⁶⁴⁰. Предписание от пограничного начальника было

---

⁶³⁸ ПСЗ РИ-2. Т. XIII. Ч.1. № 11122.

⁶³⁹ Материалы по истории политического строя... Док. № 87. С. 178.

⁶⁴⁰ Там же. С. 182.

отправлено 6 февраля 1842 г. № 14: «...велено Учбулакский округ закрыть и действия приказа с 15 февраля прекратить, а дела передать в те округа по ходу их куда поступили киргизы...»⁶⁴¹. Волости бывшего округа были распределены в Акмолинский и Кокчетавский внешние округа.

В Кокбектинском округе еще до его открытия были определены волости в составе найманских и керейских родов⁶⁴². Эту пограничную территорию инспектировал Кокбектинский заграничный отряд под командованием сотника Нюхалова еще в 1831 г. Только в апреле 1844 г. был высочайше рассмотрен вопрос об учреждении Кокбектинского (Кокпектинского) внешнего округа, Государственный Совет предложил: «из кокбектинских 12 волостей, образовать отдельный округ, ...с присоединением к нему четырех волостей Аягузского округа, именно: Мурун-Назаровской, Мурун-Куттушбетевской, Мурун-Кадыровской и Мурун-Кельджигинской»⁶⁴³.

В 1846 г. центр Аман-Карагайского округа был переведен в Кушмурун, а округ был переименован в Кушмурунский. Старший султан Аман-Карагайского внешнего окружного приказа Чингис Валиханов продолжает исправлять эту должность и в переименованном округе и по выбору родоначальников был избран на пятый срок в августе 1846 г.

В 1847 году со смертью Кенесары Касымова завершилось восстание казахов. Сломлено сопротивление казахов, которое было направлено против введения новой системы административного деления. Созданная окружная административная система способствовала установлению должного контроля над территорией внешних округов, казахи в целом соблюдают кочевые маршруты в пределах своих округов. К этому времени уже определился вполне устоявшийся состав казахских чиновников и служащих на службе Российской империи в администрации внешних округов и волостей сибирского пограничного управления. Некоторые из казахских чиновников начинают действовать по своему усмотрению. Так, например, старшина Туртубек Коченов, который начал свою карьеру со службы волостным управителем в 1824 го-

---

⁶⁴¹ ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 806. Л. 56.

⁶⁴² ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 540. Л. 241-243.

⁶⁴³ ПСЗ РИ-2. Т. XIX. Ч. 1. № 17807.

ду, стал заседателем в Учбулакском внешнем окружном приказе (1839-1842), был приглашен на должность советника Пограничного управления (1842-1847), весной 1847 г. был направлен исправлять должность старшего султана в Баян-Аульский внешний окружной приказ. Пограничный начальник, генерал-майор Вишневский Н. предписывает Пограничному управлению от 14 марта 1847 г. №1314: «Советник от киргиз (казахов – Т.Д.) Пограничного управления Коченов, председательствующий ныне в Баян-Аульском окружном приказе, донес мне, что он получил рапорт от волостного управителя Басыбекова об увольнении его от должности по приключившейся болезни и что Коченов распорядился о выборе на место Басыбекова другого управителя, именно бия Айтувара Джарылгапова. При чем присовокупил, что Джарылгапов им допущен к исправлению должности волостного управителя. Так как подполковник Коченов сам собою не имеет ни малейшего права ни увольнять Басыбекова от должности, ни избирать на место его другого, то поэтому предлагаю Пограничному управлению предписать Баян-Аульскому окружному приказу – о выборе на место Басыбекова, согласно его просьбе, другого управителя на законном основании; Коченову же объявить, что он, по смыслу 202 ст. 2 т. Устава об управлении инородцами должен, по делам службы, действовать чрез Окружный приказ, а не по своему усмотрению, и чтобы решения дел по киргизским (казахским – Т.Д.) обычаям на себя не принимал»⁶⁴⁴. Турдубек Коченов за это самоволие не будет подвергнут какому-либо взысканию, а вот старшего султана Абулхаира Габбасова за самовольное устранение от должности волостного управителя уволили от должности в ноябре 1853 г.⁶⁴⁵

К началу 1850-х гг. административная система окружного управления и волостного деления охватила почти всю степь сибирского ведомства. К тому же в 1852 году распоряжением генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда Г.Х. все казахи внутренних округов ... были выселены на степную сторону⁶⁴⁶. Все более настоятельно требовалось новое административное разделение с целью организации более четкого контроля и управления населе-

---

⁶⁴⁴ ЦГА РК. Ф.374. Оп.1. Д. 1925. Л. 34-35.

⁶⁴⁵ ЦГА РК.Ф.345. Оп.1. Д. 1666. Л. 5-5 об.

⁶⁴⁶ Кабульдинов З.Е. Указ. соч. С. 203.

нием внешних округов, что было уже сложно осуществлять из Омска, особенно в отношении отдаленных пограничных районов Аягузского, Кокбектинского внешних округов. К тому же чрезмерная обширность вновь образованной Томской губернии также создавала трудности в административном управлении, особенно казахскими родами, перешедшими на правый берег Иртыша. В 1854 г. было принято решение о создании отдельной Семипалатинской области.

Окружная система в Области сибирских казахов и Семипалатинской области (1854-1868)

19 мая 1854 г. было утверждено Положение об управлении Семипалатинской области⁶⁴⁷. Казахская Степь сибирского ведомства была разделена на две области: 1) Семипалатинскую – в составе Кокбектинского, Аягузского внешних округов, Семиреченского края – станица Копальская с образованием Копальского военного округа, а также территории на внутренней стороне Сибирской линии, по правую сторону р.Иртыша с образованием здесь Семипалатинского внутреннего округа сибирских казахов, с включением городов Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Бухтарминского и Заилийского укреплений; 2) Области сибирских казахов – в составе остальных пяти внешних округов: Каркаралинского, Кокчетавского, Акмолинского, Баян-Аульского, Кушмурунского. Должность пограничного начальника вместе с Пограничным управлением упразднилась, во главе областей назначались военные губернаторы. Управление внешних окружных приказов Области сибирских казахов по Положению 1854 г. сохранялось на прежних основаниях, а с созданием новых округов – Семипалатинского внутреннего округа сибирских казахов и Копальского военного округа в составе Семипалатинской области – были учреждены новые правила для их управления. Как уже было ранее отмечено, казахское население внутренних округов вплоть до 1854 года не имело своего отдельного управления. Теперь с образованием особого округа – Семипалатинского внутреннего округа сибирских казахов учреждается окружный приказ, действующий на тех же правилах, как приказы во внешних округах Казахской Степи. Однако во главе окружного приказа назначается окружный военный начальник (он же председатель окружного правления), старший

---

⁶⁴⁷ ПСЗ РИ-2. Т. XXIX. Ч. 1. № 28255.

султан получает статус товарища председателя, кроме того в составе управления – три российских заседателя и один казахский заседатель. Окружный приказ Семипалатинского внутреннего округа сибирских казахов соединил в своем составе должности как внутреннего округа, так и внешнего окружного приказа, с верховенством власти военной над гражданской, что определялось пограничным расположением данного округа и подтверждалось подчиненным положением старшего султана и наличием всего одного казахского заседателя в приказе. «§ 89. Старший султан есть товарищ Окружного начальника, присутствует в приказе с правом голоса и печется о благосостоянии внутренних киргизов, исполняя в точности все распоряжения начальства»⁶⁴⁸.

Что же касается волостного деления, то кочевья внутренних казахов подобно внешним округам разделяются на волости, а волости на аулы. Аулы управляются старшинами, а волости султанами или почетными казахами.

Срок пребывания в должности старшего султана, как и во внешних округах, три года. На должность заседателя казахи в Семипалатинском внутреннем округе сибирских казахов согласно §86 Положения 1854 г. избирались на три года, тогда как во внешних окружных приказах очередные выборы осуществлялись каждые два года. Вероятно, это было сделано с целью единовременного проведения выборов и для занятия должности старшего султана и заседателя из казахов в Семипалатинском округе. Право участвовать в выборах старших султанов и заседателей и быть избранными на эти должности предоставлялось всем вообще султанам, волостным управителям и казахам, имеющим чины и медали. Было сделано примечание: на должность старших султанов избираются двое: один из них утверждается в должности по усмотрению начальства, а другой кандидатом по нем. Такая же практика существовала и во внешних округах. Заметим, что по штатному расписанию денежные выплаты в виде жалования, столовых и квартирных предусматривались только для занявшего должность, кандидат же находился в местах своего кочевания без содержания.

Как уже было сказано выше, по Положению 1854 г. учреждался Особый Копальский военный округ в Семипалатинской

---

⁶⁴⁸ Там же. Гл. III. О Семипалатинском внутреннем округе сибирских киргизов (казахов).

области: «§126. Управление Копальским округом вверяется военно-окружному начальнику, назначаемому или из старших в чине из водворенных там войск Сибирского линейного казачьего и Сибирского линейного батальона, или же особых штаб-офицеров, по избранию командира Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири. Военно-окружный начальник исправляет обязанности коменданта Копальского укрепления. Ему же подчиняются все войска, в округе расположенные»⁶⁴⁹.

Хотя и не предусмотрена в штатном расписании Копальского округа должность старшего султана, товарища Окружного начальника, однако на практике такая должность была введена подобно остальным округам Семипалатинской области. В формулярном списке султана Ибака Джабаева: «по выбору народа генерал-губернатором Западной Сибири утвержден старшим султаном и товарищем председателя Копальского окружного приказа – 1857 г., апреля 4»⁶⁵⁰.

Административная реформа 1854 г. с созданием новых округов в составе Семипалатинской области потребовала уточнения правил избрания старших султанов в казахской степи. Так, 23 февраля 1855 г. было утверждено положение Сибирского комитета о порядке избрания старших султанов в казахской степи: «Допустить в число избираемых по казахской степи в старшие султаны лиц не только султанского происхождения, но и пожалованных офицерскими чинами, прослуживших не менее трех лет заседателями окружных приказов или волостными управителями, в число избирателей, кроме султанов, допускаются все имеющие офицерские чины, почетные казахи, которые прослужили в классных должностях по выборам 9 лет»⁶⁵¹. Теперь одним из важных условий для занятия должности старшего султана является не только происхождение из султанского сословия, но и наличие чина и опыта службы.

В октябре 1856 г. было принято Утвержденное положение Сибирского комитета о назначении кандидатов на должности стар-

---

⁶⁴⁹ Там же. Гл. IV. – Об управлении Копальским военным округом.

⁶⁵⁰ О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. – Том VIII. – Ч. 1. – С. 663.

⁶⁵¹ ПСЗ РИ-2. Т. XXX. Ч. 1. № 29069.

ших султанов во всех внешних округах казахской степи⁶⁵². Речь идет об обязательном назначении кандидатов по примеру Семипалатинского внутреннего округа сибирских казахов на должности старших султанов во всех внешних округах казахской степи. Выборы заменяют назначением.

В ходе реализации реформы 1854 г. возникла необходимость о разграничении земель между областями Семипалатинской и Сибирских казахов. В мае 1856 г. «командир отдельного Сибирского корпуса признал полезным составить особую комиссию под председательством офицера корпуса топографов, членами этой комиссии назначить старших султанов: Баян-Аульского, Каркаралинского и Аягузского округов, дистанционных заседателей Каркаралинского и Аягузского окружных приказов, и наконец, волостных управителей спорящихся волостей. ... Обязанности комиссии должны состоять в собрании сведений о кочевьях спорящихся волостей в рассмотрении прав на принадлежность этих мест и потом, чрез взаимный и дружелюбный размен между волостями ... кочевьев положить конец междоусобным распрям проведением разменной черты между Областью Семипалатинской и Областью Сибирских казахов»⁶⁵³. В ходе определения границ были подняты дела прошлых лет по претензиям на пастбища за 1829, 1841 и 1846 гг. между казахами «Тобуклинской и Сивановской волостей». Спорные урочища были переданы Аягузскому округу.

В 1856 г. к Семипалатинской области был присоединен созданный на территории Семиречья Алатавский внешний округ, который ранее был оформлен в виде приставства в 1848 г. Территорию этого округа составляли кочевья казахов Старшего жуза. Границы Сибирского ведомства расширялись далее, в направлении Заилийского края.

Что же касается собственно территории Среднего жуза, то здесь происходит дальнейшие преобразования управления Кушмурунским и Кокчетавским внешними округами. В апреле 1859 года генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд Г.Х. представил свои предположения о преобразовании управления Кушмурунским и Кокчетавским внешними округами в связи с возникшими неудобствами. В частности, окружной приказ Кушмурунского

---

⁶⁵² ПСЗ РИ-2. Т. XXXI. Ч.1. № 31089.

⁶⁵³ ЦГА РК. Ф. И-15. Оп.1. Д. 235. Л.1, 1 об.

внешнего округа находится в стороне от подведомственных ему волостей, не имеет прямого сообщения с другими окружными приказами, и к тому же он находится на значительном расстоянии от Омска. В состав Кокчетавского же внешнего округа в 1858 г. были включены четыре баганалинские волости, которые значительно удалены от центра этого округа. Вследствие этого генерал-губернатор предложил «1) упразднить Кушмурунский приказ, пять волостей из Кушмурунского округа причислить к Кокчетавскому внешнему округу и 2) в замен упраздняемого Кушмурунского приказа открыть новый окружной приказ в Атбасарской станице, под названием Атбасарского окружного приказа»⁶⁵⁴. В состав создаваемого Атбасарского округа включить четыре баганалинские волости, Алеке-Байдалинскую волость из Акмолинского внешнего округа, разделив ее на две части, и, наконец, из разрозненных тараклинского и ногаевского родов образовать одну волость с включением ее в состав Атбасарского внешнего округа. По мнению, генерала от инфантерии Гасфорда Г.Х.: «Атбасарская станица, будучи в средоточии между Акмолинской, Кокчетавской и Улутавской станицами представляет еще удобство в сообщении с соседними приказами»⁶⁵⁵. Происходит дальнейшая корректировка административной системы окружного управления с точки зрения охвата отдаленных волостей, создание более адаптированных к местным обстоятельствам структур управления на волостном и окружном уровнях.

1 февраля 1860 г. по указу императора № 35404 название Аягузского внешнего округа было изменено на Сергиопольский⁶⁵⁶.

Одной из тенденций управления во внешней окружной системе управления в Семипалатинской области стало усиление военной ветви власти. 4 апреля 1861 г. было принято Утвержденное положение Сибирского комитета о введении должностей военно-окружных начальников и председателей приказов в Кокбектинском и Сергиопольском окружных приказах Семипалатинской области и возложении обязанностей товарища председателя приказа на старших султанов⁶⁵⁷. В тот же день – 4 апреля 1861 г. – было

---

⁶⁵⁴ ПСЗ РИ-2. Т. XXXIV. Ч. 1. № 34363.

⁶⁵⁵ Там же.

⁶⁵⁶ ПСЗ РИ-2. Т. XXXV. Ч. 1. № 35404.

⁶⁵⁷ ПСЗ РИ-2. Т. XXXVI. Ч. 1. № 36815.

принято и Утвержденное положение Сибирского комитета об изменении порядка выборов волостных управителей в казахской степи и в Семипалатинской области⁶⁵⁸. В частности, было уточнено: «В управители казахских волостей избираются лица султанского происхождения, а также все, имеющие офицерские чины, знаки отличия военного ордена, медали, почетные кафтаны, пожалованные при грамотах генерал-губернатора, и те из казахов, кто не имел никаких отличий, но пользуются особым уважением народа. 2. право избирателей предоставляется всем султанам, лицам несултанского происхождения, имеющим чины, медали, почетные кафтаны, аульным старшинам, почетным биям, внесенным в списки окружных приказов, 5 зажиточнейшим казахам из каждого аула. ...12. волостные управители избираются на неопределенное время, но удаление от должности зависит исключительно от суда или административной власти военного губернатора».

Очередное предложение о должностных штатах в Семипалатинском внутреннем приказе сибирских казахов поступило в Семипалатинское областное правление 16 декабря 1861 г. № 9237: «...в 1855 году открыт Семипалатинский внутренний округ, и для непосредственного управления им, Семипалатинский внутренний окружный приказ. При учреждении приказа этого приняты были за образец, как должно полагать, внешние окружные приказы и на этом основании штат Внутреннего приказа в немногом лишь разнится от штатов внешних приказов, особенно когда в Сергиопольском, Кокпектинском и Копальском приказах учреждены должности военно-окружных начальников, они же и председатели приказов. В настоящее время в Кокпектинском приказе по штату состоят окружный начальник, непременный член, старший султан, два российских заседателя и два заседателя от казахов, секретарь, два столоначальника, и журналист, во Внутреннем Семипалатинском приказе: окружный начальник, старший султан, три российских заседателя, один от казахов, секретарь, два столоначальника и журналист».

При обсуждении этого вопроса о необходимости должности старшего султана в Семипалатинском округе даже было предложено: «В случае каких-либо упущений или неправильного решения дела. При занятии должности председателя /в отсутствии послед-

---

⁶⁵⁸ ПСЗ РИ-2. Т. XXXVI. Ч. 1. № 36816.

него/ он, не будучи грамотен и не знаком с делопроизводством и законами не в состоянии соблюдать надлежащий порядок в приказе, а если он при этом еще не имеет чина и личных каких либо достоинств, то не внушит к себе и уважения служащих в приказе, которые если не все, то, по крайней мере, большая часть из них бесспорно выше его и образованием и личными заслугами. А потому полезно было бы должность Старшего султана в Семипалатинском округе упразднить, и в замен оной учредить должность окружного старшины, избираемого народом на общем основании и утверждаемого в должности, вашим превосходительством»⁶⁵⁹. Подобные характеристики были направлены на вытеснение казахов из аппарата управления на местах, тем более что вскоре, а именно в 1868 г. окружная система, в приказе которого и заседал старший султан в Области сибирских казахов, будет заменена на более адаптированную под условия российской действительности уездно-областную административную систему.

Одно из последних утвержденных мнений Государственного совета относительно расширения круга избирателей старших султанов и заседателей от казахов в областях Семипалатинской и Сибирских казахов было принято 31 декабря 1865: «Право быть избранными в старшие султаны предоставляется вообще султанам и пожалованным офицерскими чинами, ограничивая, впрочем, число сих последних лишь теми, кои прослужили не менее трех лет заседателями окружных приказов или волостными управителями...»⁶⁶⁰. Круг возможных претендентов на должность старшего султана был теперь значительно сужен. Критерием соответствия должности становится наличие опыта на службе на уровне волости и окружного приказа.

Относительно поощрения заслуг по служебной деятельности волостных управителей, за беспорочную службу в течение трех сроков они приобретали право на производство в чин сотника в областях Сибирских казахов и Семипалатинской⁶⁶¹.

Таким образом, в период с 1854 по 1868 гг. наблюдается усиление военного и политического контроля со стороны российской военной администрации, вместе с тем для казахов внутренних территорий в Семипалатинской области был образован свой

---

⁶⁵⁹ ЦГА.РК. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 55. Л. 3, 3 об., 7 об.-9.

⁶⁶⁰ ПСЗ РИ-2. Т. XL. Ч. 2. № 42852.

⁶⁶¹ ПСЗ РИ-2. Т. XLI. Ч. 1. № 43306.

округ с разделением на волости и административные аулы с закреплением за ними конкретных территорий для кочевания. Создание такой структуры управления, в которой сочеталось военно-народное управление, было обусловлено активизацией военной деятельности Российской империи в эти годы в данном регионе в связи с занятием земель Старшего жуза.

Заключение

Методы интеграции новых территорий под административное управление Российской империи заключались в постепенном оформлении окружной и волостной систем на территории Среднего жуза в период осуществления реформы 1822 г., связанной с распространением правовых норм «Устава о сибирских казахов». Сочетание местного самоуправления в режиме постепенного ограничения по мере усиления позиции российских властей и военно-народного управления с привлечением представителей казахской аристократии на службу империи характеризуют переходный период постепенного закрепления Российской империи на окраинах. В результате создания окружной системы управления начался процесс формирования казахского чиновничества, который наиболее активно проявил себя в 1820-1860-е гг., в последующий период из административных должностей для казахов наиболее доступной остается только должность волостного управителя, все остальные, которые были созданы специально для казахов, как старший султан, заседатель в приказе, советник в Пограничном управлении и Областном правлении, теперь в период унификации административной системы на территории Среднего жуза с остальными территориями Российской империи по реформе 1868 г. будут упразднены.

Сведения об авторах

Азнабаев Болат Ахмерович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (Уфа, Башкортостан), e-mail: azbulatt@rambler.ru

Бегимбаева Жибек Сагандыковна, кандидат исторических наук, доцент Актюбинский региональный государственный университет им.К.Жубанова (Актобе, Казахстан), e-mail: shibek_07@mail.ru

Васильев Дмитрий, кандидат исторических наук, первый проректор Института государственного управления, права и инновационных технологий (Москва, Россия) e-mail: dvvasiliev@mail.ru

Галлямов Рушан Рахимзянович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований УНЦ РАН (Уфа, Башкортостан), e-mail: gal-rushan@yandex.ru.

Далаева Тенлик Токтарбековна, кандидат исторических наук, доцент Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан) e-mail: tenliktd@mail.ru

Джунджузов Степан Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия), e-mail: Djund@Yandex.ru

Джампеисова Жанар Махметовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), e-mail: jampeissova@mail.ru

Кундакбаева Жанат Бековна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: janbekkun@mail.ru

Кучумов Игорь Вильсович, кандидат исторических наук, докторант Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (Уфа, Башкортостан), e-mail: ivku@yandex.ru

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна, доктор философских наук, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, главный редактор журнала «Новые исследования Тувы» (Россия, Москва), e-mail: lamaajaa@mail.ru

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия), e-mail: svlubich@yandex.ru

Сахибгареева Лилия Фанилевна, кандидат филологических наук, доцент Башкирского института физической культуры (филиал) Уральского государственного университета физической культуры (Уфа, Башкортостан), e-mail: sakhibgareevalf@yandex.ru

Смагулова Анар, научный сотрудник Научно-исследовательского центра Алтайтану, Восточно-Казахстанский государственный университет имени С.Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан), e-mail: asmag75@yahoo.com

Султангалиева Гульмира Салимжановна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: Gulmira.Sultangalieva@kaznu.kz

Торопицын Илья, кандидат исторических наук, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия), e-mail: itoropitsyn@mail.ru

Удербаета Сауле Карибаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана, КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: saule-uderbaeva@mail.ru

Шаяхметов Фидаиль Фанилевич доцент кафедры зарубежной истории, исторического факультета, Башкирский государственный университет (Уфа, Башкортостан), e-mail: Fidail_sh@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ.....	7
<i>Галлямов Р.Р., Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф.</i> Башкиры в составе Российской империи в трудах французских исследователей XVIII–XX вв.	7
<i>Удербаета С.К.</i> Отражение истории кочевых народов Центральной Азии в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии.	37
<i>Бегимбаева Ж.</i> Проекты Оренбургского отдела Русского географического общества по изучению культуры кочевых народов Южного Урала во второй половине XIX века.	55
<i>Смагулова А.М.</i> Юго-Западный Алтай: имперская практика географического описания	66
РАЗДЕЛ 2. КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ	85
<i>Азнабаев Б.А.</i> Возобновление российского подданства башкир в 1722 г.	85
<i>Шаяхметов Ф.Ф.</i> Кочевничество башкирского народа: история и трансформация	101
<i>Ламажсаа Ч.К.</i> Российский фактор эволюции традиционного общества тувинцев	119
<i>Джампеисова Ж.</i> Дискурсы о скотоводстве и хлебопашестве в «степной» колониальной политике России в XIX веке	130

Джундужузов С.В.

Имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности крещеных калмыков (Среднее Поволжье и Южный Урал, XVIII –XIX вв.) 143

РАЗДЕЛ 3. АДАПТАЦИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 155

Торопицын И.

Астраханские юртовские татары в политико-административной системе взаимоотношений России с калмыками в XVII–XVIII вв. 155

Кундакбаева Ж.Б.

От военно-административного надзора к имперской бюрократической системе управления: методы включения калмыков в административно-политическую систему Российской империи в XVIII веке 179

Любичанковский С.В.

Контент-анализ протоколов Государственного совета, посвященных донесениям Игельстрома по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи (1787-1790) 198

Васильев Д.

Административная политика России в Казахской Степи: от реформ О.А. Игельстрома к реформам М.М. Сперанского..... 207

Султангалиева Г.С.

От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. 237

Далаева Т.К.

Окружная административная система: опыт сравнительного исследования (20-60 гг. XIX в.). 266

Сведения об авторах 289

Научное издание

**КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ
XVIII-XIX ВВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Сборник научных статей

Ответственный редактор Г.С. Султангалиева

Корректор *Г. Бекбердиева*
Компьютерная верстка *А. Алдашевой*
Дизайн обложки *Р. Скакова*

ИБ № 8536

Подписано в печать 08.09.2015. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Объем 18.3 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №3213.

Издательский дом «Қазақ университеті»

Казахского национального университета им. аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71. КазНУ.

Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ҚАЗАҚ УНИВЕРСИТЕТІ»

Кильдюшова И.В. Добро пожаловать в Казахстан: учебно-методическое пособие. – 2015. – 68 с.

ISBN 978-601-04-1323-8

Пособие адресовано иностранным студентам начального этапа обучения. Данное пособие является основным учебным материалом, обеспечивающим курс «История и культура Казахстана» для иностранных студентов уровня А1 – А2. Уникальность пособия состоит в том, что оно является единственным в своем роде учебным материалом страноведческого характера, предназначенным для иностранцев, изучающих русский язык в Казахстане.

Әнес Сарай. Бес Мейрам. – 2015. – 397 б.

ISBN 978-601-04-1267-5

Тайпалар тарихында «мен мұңдалап» қол бұлғап, көзге көрініп тұрған ештеңе жоқ, бәрі де ғасырлар шаң-тозаңына көмілген бүркеулі қалпында. Тарихымыздың осынау көмескі, ақтаңдақ тұстарын ашуға бел байлап, бас тіккендіктен Сарыарканың көлбеген сағымдай бұлыңғыр за-манына қалай сүңгіп кеткенімді өзім де білмей қалдым. «Көз қорқақ, қол батыр» дегендей, міне, «Бес Мейрам» кітабы хатталып, алдымда жатыр. Аталмыш зерттеудің шығаралық шиығында қараңғы түндегі жолаушыдай жолсызбен жүрдім десем артық айтқандық емес, адасып лағып кеткен кездерім де болды, тістей қатып, табандап тіресіп, жоқтан бар жасағандай болып, тапқандарым да аз емес. Сайып келгенде, Бес Мейрамның ежелгі, кейінгі тарихы бір ізге түзіліп, оқырманға жол тартқалы отыр.

«Бес Мейрам» зерттеуі – алдымызда тұрған Қазақ хандығының 550 жылдық мерейтойына арналып жазылды.

Мәшімбаев С.М. Сырым Датұлы (1742-1802 жж.): монография. – 2015. – 122 б.

ISBN 978-601-04-1382-5

Монографияда Патшалық Ресейдің отарлық саясатына қарсы тұңғыш Ұлт-азаттық қозғалыстың басшысы – Сырым Датұлының өмірі, күрес жолдары қарастырылады. Қазақ тарихында демократиялық жүйенің негізін қалаушы әрі оның шешендік тұлғасы жазылған. Сонымен қатар, кіші жүзде хандықтың жойылуы, О.А. Игельстромның басқару реформасы және Сырым Датұлының қызметіндегі жаңа көзқарастар негізінде, жаңа методологиялық зерттеулер арқылы белгісіз жақтарының шындыққа айналуы туралы айтылады.

Монография тарих мамандығының студенттеріне, магистранттарға, докторанттарға және жалпы тарихшы мамандарға арналады.

По вопросам приобретения обращаться в отдел продаж и маркетинга издательского дома «Қазақ университеті». Контактные тел.: 8 (727) 377-34-11. E-mail: baspa@kaznu.kz, сайт: www.magkaznu.com.